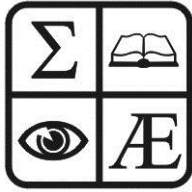

KOMUNIKACJA SPECJALISTYCZNA

TOM VII

**Languages
for Special Purposes
- a Tool of Modern Science**

Warszawa 2014

Recenzent	- dr hab. Roman Hajczuk
Redaktor naczelny	- dr Łukasz Karpiński
Sekretarz redakcji	- mgr Wojciech Drajerczak
Rada Programowa	- prof. dr hab. Barbara Z. Kielar prof. dr hab. Jerzy Lukszyn prof. dr hab. Zenon Weigt prof. dr hab. Wanda Zmarzer prof. dr hab. Aleksandr W. Zubow (Mińsk)
Redaktorzy językowi	- dr hab. Krzysztof Fordoński dr Dorota Muszyńska-Wolny dr Piotr Michałowski
Redaktorzy tomu	- dr Łukasz Karpiński - dr Mieczysław Nasiadka
Adres redakcji	- Instytut Kulturologii i Lingwistyki Antropocentrycznej WLS UW (od X.2014 Instytut Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej) 02-678 Warszawa, ul. Szturmowa 4 tel. 22 55 34 200 e-mail: ks.kjs@uw.edu.pl
	Wszystkie prawa zastrzeżone. Wersja papierowa jest wersją pierwotną czasopisma.
Opracowanie graficzne	- dr Łukasz Karpinski
Druk	- Zakład Graficzny UW zam. 623/2014 ark. wyd. 12,6
	ISSN 2080-3532

ABSTRACTS	7
PREFACE	13
XVIII FESTIWAL NAUKI	15
INNOWACJE HUMANISTYCZNE XVIII	16
<i>ANNA GŁOGOWSKA, ŁUKASZ KARPIŃSKI</i>	
TREATISES AND ESSAYS	
ANALYSIS OF PROFESSIONAL DICTIONARIES PREPARED AS PART OF DOCTORAL DISSERTATIONS AT FACULTY OF APPLIED LINGUISTICS, UNIVERSITY OF WARSAW	31
<i>AGNIESZKA RZEPKOWSKA</i>	
THE EVOLUTION OF DATABASES FROM THE PERSPECTIVE OF LINGUISTIC CONSTRUCTIVISM	51
<i>ŁUKASZ KARPIŃSKI</i>	
COMPILING A CORPUS FOR TERMINOGRAPHIC PURPOSES	71
<i>MAREK ŁUKASIK</i>	
ПРИНЦИПЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ДВУЯЗЫЧНОГО ПРЕД- МЕТНОГО СЛОВАРЯ – ТОРГОВО-ФИНАНСОВАЯ ТЕРМИНО- ЛОГИЯ	84
<i>PIOTR MICHAŁOWSKI</i>	
RECURRENT MULTI-WORD SEQUENCES. TERMINOLOGICAL BUNDLES IN A CORPUS OF TECHNICAL DOCUMENTATION OF NETWORK TECHNOLOGIES	96
<i>MAREK WEBER</i>	
ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПОЛЬСКО-РУССКИЕ КОРПУСА В ОБУЧЕ- НИИ ПЕРЕВОДУ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА	111
<i>MAGDALENA KURATCZYK</i>	
CHILDREN'S LITERATURE IN TRANSLATION CLASS – POPULAR (MIS)CONCEPTIONS AS REFLECTED IN STUDENTS' QUESTIONNAIRES	129
<i>ANNA FORNALCZYK</i>	

LEGAL ENGLISH – PRONUNCIATION TRAPS	147
<i>MONIKA KONERT-PANEK</i>	
THE ROLE OF EQUIVALENCE AND TERMINOLOGICAL DICTIONARIES IN TRANSLATING MEDICAL TEXTS	157
<i>PAWEŁ DĄBROWSKI</i>	
THE ART OF TRANSLATION AND THE ART OF EDITING	167
<i>KRZYSZTOF FORDOŃSKI</i>	
ЧТО ТАКОЕ ЦЕННЫЕ БУМАГИ?	174
<i>AGNIESZKA KLEJNOWSKA</i>	
ПРАСЛАВЯНСКИЙ «ТОРТ», ИЛИ О ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ПОЛНОГЛАСИИ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ВОПРОСАХ РУСС- КОЙ ГРАММАТИКИ И ОРФОГРАФИИ НА ФОНЕ ИСТОРИИ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ	191
<i>GRAŻYNA MAŃKOWSKA, DOROTA MUSZYŃSKA-WOLNY</i>	
ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ ГАЗЕТНОГО ЗОГОЛОВКА. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОПРОСА	204
<i>JOANNA WASILUK</i>	

REVIEWS

Larysa Fast, Magdalena Zwolińska, <i>Biznesmeni mówią po rosyjsku dla średniozaawanso-wanych</i> , Poltext, Warszawa 2010, s. 256	219
<i>MARTYNA KLEJNOWSKA</i>	
Aleksander Skoblenko, <i>Leksykon terminów prawniczych (Лексикон юридических терминов)</i> , Wydawnictwo C.H. Beck, Warszawa 2011, ss. 374.	223
<i>WIOLETTA MEŁA</i>	
Stanisław Szadyko, <i>функции предложений в специальных текстах. Rosyjsko-polskie studium konfrontacyjne</i> IKLA WLS UW, Warszawa 2010, s. 218	227
<i>MARTYNA KLEJNOWSKA, WIOLETTA STEFANIAK</i>	
Bronisława Ligara, Wojciech Szupelak <i>Lingwistyka i glottodydaktyka języków specjalistycznych na przykładzie języka biznesu. podejście porównawcze</i> Księgarnia Akademicka, Kraków, 2012, Biblioteka „LingVariów”, Glottodydaktyka, T. 3, 276 s.	231
<i>MARTYNA KLEJNOWSKA, WIOLETTA STEFANIAK</i>	

ACCOUNTS AND ANNOUNCEMENTS

<i>Nowe kierunki badań lingwistycznych w zakresie spójności tekstu specjalistycznego – uwagi na marginesie konferencji "Spójność tekstu specjalistycznego"</i>	237
<i>MAŁGORZATA KORNAČKA, BOŻENA ŻAGÓRSKA</i>	
<i>„Academic Didactics: Tradition and Modernity”, Gdańsk, 28 March 2014</i>	246
<i>OLGA JAKUBIAK</i>	
<i>SPOTKANIE MŁODYCH LINGWISTÓW</i>	
<i>Kongres 4th Young Linguists' Meeting in Poznań</i>	250
<i>MAGDA ŻELAZOWSKA</i>	
<i>Występ Kola Naukowego Literacko-Teatralnego „Błękitny Okręt” na XVII Festiwalu Nauki</i>	252
<i>AGATA GRUSZKA, DAWID BZOREK</i>	

ANALYSIS OF PROFESSIONAL DICTIONARIES PREPARED AS
PART OF DOCTORAL DISSERTATIONS AT FACULTY OF
APPLIED LINGUISTICS, UNIVERSITY OF WARSAW
AGNIESZKA RZEPKOWSKA

31

The paper elaborates on the results of analysis of special-purpose dictionaries prepared as part of doctoral dissertations at the Faculty of Applied Linguistics, the University of Warsaw, which pay special attention to the efficiency of presenting terminological data. The study comprises eight doctoral dissertations suggesting a range of terminographic solutions adjusted to individual terminological lexicons or dictionary purposes. Apart from the analysis of each dictionary, comments are made on the applicability of chosen tools in the development of interdisciplinary specialised dictionaries (ISD). Additionally, having recorded the publication dates of individual theses under analysis, worth noting is the fact that the issue of constructing terminological dictionaries tailored to individual users' needs has recently become popular as before the year 2005 no similar doctoral dissertations had been found at the Faculty. Considering the above as well as other terminological research conducted at the Faculty the outcome of which can be evaluated in numerous publications, we can be talking about the foundations of a new school of terminology being laid at the University of Warsaw.

THE EVOLUTION OF DATABASES FROM THE PERSPECTIVE
OF LINGUISTIC CONSTRUCTIVISM
ŁUKASZ KARPIŃSKI

51

This article aims at showing some information concerning modern lexicographical process. The process of compiling contemporary dictionaries cannot be any longer defined from the perspective of traditional publishing tasks. Nowadays, the autor of dictionary must define a conceptual database and perform a broadly defined harmonization of data. The next step of planning consists of an appropriate selection of elements for the dictionary microstructure; namely, the following questions have to be answered: will the elements to be registered remain specific for either a language, encyclopaedic, academic, or terminological dictionary; what will be the volume and type of the lexicon and finally, how many entries approximately will it include?

The next part of the article offers some information about terminographic praxeology, terminographic engeneering, and terminographic system, which can be divided into eight fundamental stages.

The last part of the article presents a model of language communication event as a part of universal communicative system.

COMPILING A CORPUS FOR TERMINOGRAPHIC PURPOSES ... <i>MAREK ŁUKASIK</i>	71
--	----

This article aimed to bring to light some of the fundamental issues connected with the compilation of specialised corpora for terminographic use.

At the first time the author pays attention to a corpus revolution in lexicography and two approaches to using corpora in dictionary making, namely corpus-based lexicography and corpus-driven lexicography. Next, the autor presented some informations about corpus compilation, e.g. choice of text, size matters of corpus and representation.

PRINCIPLES OF CONSTRUCTING A BILINGUAL BRANCH TERMINOLOGICAL DICTIONARY OF FINANCE AND TRADE <i>PIOTR MICHAŁOWSKI</i>	84
---	----

The article aims to present the ideas concerning the microstructure of a bilingual branch terminological dictionary and some basic terminographic principles. The second part of the article describes the microstructure of a bilingual dictionary (a thesaurus) of finance and trade terminology including its two versions (basic and extended) recommended by the author. The extended version of this microstructure is enriched with some additional elements of linguistic description that can be found useful for teaching purposes.

RECURRENT MULTI-WORD SEQUENCES. TERMINOLOGICAL BUNDLES IN A CORPUS OF TECHNICAL DOCUMENTATION OF NETWORK TECHNOLOGIES <i>MAREK WEBER</i>	96
---	----

The goal of the article is to perform lexical analysis of 4-word terminological bundles identified in the corpus of 106 texts totaling 725418 running words from the area of Information and Communication Technology (ICT) pertaining to network systems. Network technologies are indispensable in the domain of ICT as they govern communication and data transmission between devices in a network. The texts under scrutiny cover a wide range of topics relating to network systems.

The list of 4-word bundles was created by means of the software application WordSmith Tools v. 5.0. The following cut-off criteria were established in the analysis: a minimum frequency of occurrence of 20 times per million words and in at least 5 texts. After applying the cut-off points 261 different bundles were identified in the corpus. The total number of bundles found in the whole corpus was equal to 7516.

The results analysed in the work show considerable terminological density which could be explained by the highly specialized nature of the texts in the corpus.

THE POLISH-RUSSIAN PARALLEL CORPORA IN TEACHING OF A TRANSLATION OF LEGAL TEXT	111
<i>MAGDALENA KURATCZYK</i>	

In the article the usefulness of two new parallel corpora with Russian and Polish in teaching of the special texts translation is discussed. The author demonstrates that the overall variety of Russian language (both the vocabulary and the syntax structures) which Poles have been taught as well as language's resources used in Polish-Russian literary translation do not automatically move into the area of special texts. The examples are taken from parallel corpora: it is the translation of *The Criminal Code of the Republic of Poland* (1997) and, for comparison, literary translations.

CHILDREN'S LITERATURE IN TRANSLATION CLASS – POPULAR (MIS)CONCEPTIONS AS REFLECTED IN STUDENTS' QUESTIONNAIRES	129
<i>ANNA FORNALCZYK</i>	

The article presents a result of workshop which was conducted in the framework of Warsaw Science Festival at the Faculty of Applied Linguistics in September 2013. The second group polled were last year BA and MA students of the School of English at the Academy of Social Sciences (Społeczna Akademia Nauk), and MA first-year students from the Institute of Applied Linguistics (University of Warsaw). The poll was concerned with translation of children's literature, the personal experience of the students during their work on such texts, as well as the image of translator. The results of the poll are discussed in the context of contemporary research in translated literature for children. The most important conclusion of the poll is that the academy should pay more attention to this specific field of translation studies e.g. by creating specific academic courses.

LEGAL ENGLISH – PRONUNCIATION TRAPS	147
<i>MONIKA KONERT-PANEK</i>	

The aim of the present paper is an analysis of the most common types of problems concerning the pronunciation of English legal terms as well as indicating the sources of such problems. The reasons of difficulties in learning the phonetics of a foreign language may vary, they may be of physiological (problems with articulation, speech impediments), psychological (lack of motivation, shyness), or sociological (willingness to retain an accent as an element of identity) origin. Further influences are:

interference, erroneous influence of spelling on pronunciation, and variety of accents of a foreign language. In the discussed case of language for special purposes numerous words of foreign origin, acronyms, as well as complex rules concerning word stress are the sources of additional problems. The paper presents terms representative for the discussed problems with transcription of both the correct pronunciation and of the most common errors followed by a commentary, indicating the sources of the issue.

**THE ROLE OF EQUIVALENCE AND TERMINOLOGICAL
DICTIONARIES IN TRANSLATING MEDICAL TEXTS**

157

PAWEŁ DĄBROWSKI

Thanks to greater cooperation of specialists from various branches of medicine, the fields can develop more effectively. Medical specialists are often put before the necessity of translating professional texts. Their translation competence as well as the competence of professional translators is put to the test whilst they try to achieve possibly maximum equivalence of the texts. The article briefly examines the notion of equivalence from the point of view of medical texts, points out the terminological dictionary as one of the key tools in achieving sufficiently equivalent translations of specialists texts, and suggests creating a thesaurus comprising the most representative terminology from the field of occupational medicine, which is becoming increasingly relevant according to current trends in medical research.

THE ART OF TRANSLATION AND THE ART OF EDITING

167

KRZYSZTOF FORDOŃSKI

The article presents various issues connected with the cooperation of literary translators and their editors in the process of publication of translations of literary works. The issue is discussed mostly within the frame of reference of Polish publishing market of the recent decades although the conclusions are intended as general. The author proposes a list of qualities which should be expected from a good editor of literary translations. The issue of training editors specializing in working with translators is discussed as well, although the author stresses the importance of practice over theoretical education, available on a rather limited scale in Poland. Further part of the article warns against possible dangers resulting from editors' lack of competence. The importance of "peer edition" is also stressed as an important stage in the process of translation.

WHAT ARE SECURITIES?

174

AGNIESZKA KLEJNOWSKA

The article presents the following securities and derivatives: stocks, bonds, bills of exchange, cheques, ADR, mortgage-backed

securities, bill of lading, warehouse certificate, term contracts (forward, futures), options. The author characterizes individual securities and gives equivalents in both English and Polish to Russian terms, that are the most crucial in the article. These terms may be used to establish the terminological minimum of securities.

PROTO-SLAVIC "TORT". EAST SLAVIC PLEOPHONY AND
SELECTED CONCEPTS OF RUSSIAN GRAMMAR AND ORTHO-
GRAPHY IN THE HISTORICAL CONTEXT OF RUSSIAN AND
POLISH LANGUAGES.

191

GRAŻYNA MAŃKOWSKA, DOROTA MUSZYŃSKA-WOLNY

This article discusses three challenges of Russian and Polish grammar that often lay behind the reasons of linguistic errors made by Polish learners of Russian:

- Pleophony (Proto-Slavic "tort"),
- "n" in 3rd person pronouns,
- Animacy of nouns.

Specific examples of these concepts are described and presented with historical background of Russian and Polish languages - members of the Slavic languages family with a common ancestor, the Proto-Slavic language.

The article also mentions the importance of Old Church Slavonic in influencing the Russian literary language

DISCURSIVE FUNCTIONS OF NEWSPAPER HEADLINES
JOANNA WASILUK

204

One of the most important goals for every journalist is to attract wider audience. To achieve this they try to present their point of view in the most rational and precise manner and, at the same time, in the most accessible and interesting form. Assuming, that headlines are an act of communication we can distinguish their two basic functions: informative and pragmatic. The informative function of the headline is to deliver to the reader the main idea (concept) of the article. The pragmatic function, however, aims to influence the emotional sphere of the reader and induce a specific reaction, a certain behavior. However the headline fulfills also an advertising function, it promotes the content.

The aim of the analysis was to examine the way in which the presented functions are implemented and which of them are most prominent.

PREFACE

Volume 7 of *Komunikacja Specjalistyczna (Communication for Special Purposes)* contains papers touching on a variety of issues that appear especially interesting from the point of view of modern linguists and translators. Among the fields in language research discussed in the papers are languages for special purposes, specialist texts and their translation, lexicography, terminology and terminography, now also with focus on terminology databases and corpus linguistics and their use in the process of (teaching) translation of specialist texts.

It is worth noticing here, on the occasion of issuing its first foreign-language volume, that the series *Komunikacja Specjalistyczna* has already been printed for five years and its first volume appeared in 2009 thanks to the joint effort of the linguists and researchers of the then Katedra Języków Specjalistycznych (Department of Specialized Languages), a unit of the Faculty of Applied Linguistics within the University of Warsaw. Times and things are changing, the name (now Instytut Kulturologii i Lingwistyki Antropocentrycznej/Institute of Anthropocentric Linguistics and Culturology) and the tasks of our department have evolved over the years, but our journal remains steadfast in its mission to popularize the knowledge of and about the language(s) we speak.

This mission manifests itself also in the interest of the editors and authors in events popularizing knowledge and research connected with diverse areas of language such as linguistics (pure and applied), literature and intercultural communication. Bearing in mind this mission, here, like in the previous volume of *Komunikacja Specjalistyczna*, we have the pleasure of inviting you to the 18th Science Festival, which takes place at 55 Dobra Street (Faculty of Applied Linguistics), Warsaw, from 22 to 23 September 2014. The contribution of the Faculty of Applied Linguistics, including the

Institute of Anthropocentric Linguistics and Culturology, comprises talks and meetings with the participants divided into 5 thematic areas:

1. Technology at the service of linguistics
2. It's easy to learn a foreign language
3. About the life of a translator/interpreter
4. Inter-culture
5. Russia in the 21st century

Lukasz Karpiński
Mieczysław Nasiadka

XVIII Festiwal nauki WARSZAWA

Uniwersytet Warszawski, Wydział Lingwistyki Stosowanej
02-678 Warszawa, ul. Szturmowa 4

27 spotkań tematycznych z lingwistyką:
klubów, warsztatów i wykładów

Wydział Lingwistyki
Stosowanej UW
ul. Dobra 55
22-23 września 2014

Wstęp wolny
w godz.
9:00-18:45

5 cykli tematycznych:

- technika w lingwistyce;
- prosty język obcy;
- z życia tłumacza;
- inter-kultura;
- Rosja XXI

Organizator:

Wydział
Lingwistyki
Stosowanej

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej
02-678 Warszawa, ul. Szturmowa 4
www.wls.uw.edu.pl
fn.wls@uw.edu.pl

ANNA GŁOGOWSKA**ŁUKASZ KARPIŃSKI***Uniwersytet Warszawski – Wydział Lingwistyki Stosowanej*

INNOWACJE HUMANISTYCZNE XVIII

Na Wydziale Lingwistyki Stosowanej odbędą się kolejne spotkania w ramach Festiwalu Nauki. Podobnie jak w zeszłym roku, proponujemy Państwu pięć cykli tematycznych: „Technika w lingwistyce”, „Prosty język obcy”, „Z życia tłumacza”, „Inter-kultura” oraz „Rosja XXI”. Pozwolą one Państwu zapoznać się z różnymi obszarami działalności Wydziału i być może zachęcą do dalszego zgłębiania danych dziedzin.

Przygotowany wydziałowy program Festiwalu to część projektu, jaki narodził się w 1997 roku i stale się rozwija pod patronatem Konferencji Rektorów Uczelni Warszawskich, obejmując obecnie swym zasięgiem ponad 110 jednostek naukowo-badawczych mających swe siedziby w Warszawie i okolicach (m.in. Uniwersytet Warszawski, Politechnikę Warszawską, Szkołę Główną Gospodarstwa Wiejskiego, Polską Akademię Nauk i in.), a tematyka Festiwalu obejmuje prawie wszystkie dziedziny wiedzy.

Uczestnictwo w takich wydarzeniach, jak Festiwal Nauki, pozwala również oswajać to, co dla nas nieznanne, czyli, jak pisał prof. Antoni Kępiński, w procesie nieustannej ekspansji w przyszłość zamieniać nieznanne w znane. Nawet jeśli osvajanie to polegać ma na krótkim, powierzchownym kontakcie z wybraną dziedziną nauki, to i tak warto taki kontakt zainicjować – chociażby dla rozbudzenia ciekawości, która skłoni do zadawania dalszych pytań. Docieklivość na pewno zaprocentuje. Uczestnikom Festiwalu Nauki na Wydziale Lingwistyki Stosowanej pozwoli ona na przykład przekonać się, jak ważna jest w lingwistyce kreatywność – nie tylko w najbardziej może oczywistej roli tłumacza pisemnego i ustnego czy w procesie przyswajania i nauczania języka obcego, ale również we wspomnianym oswajaniu nieznanego.

Kreatywność i wiążące się z nią myślenie nieszablonowe oraz otwartość poznawcza umożliwiają pełniejsze przyjęcie tego, co w pierwszym kontakcie wydaje się obce i niezrozumiałe. Żywy kontakt przedstawicieli nauki z różnorodną publicznością dodatkowo sprzyja po pierwsze wzajemnemu poznaniu i zrozumieniu się, a po drugie – umożliwia kreatywną wymianę zdań, która w przyszłości na pewno zaowocuje poszerzeniem zainteresowań naszych słuchaczy. Ze swej strony naukowcy, a szczególnie przedstawiciele nauk humanistycznych, chcieliby wpłynąć na sposób postrzegania swojej działalności przez społeczeństwo i media. Krzywdzący jest prezentowany w mediach trend, iż humanistyka to w zasadzie „piąte koło” u wozu „prawdziwej” nauki, której efektywność chce się jedynie sprowadzić do ilości nowych patentów i wdrożeń. A przecież retoryka to nie przeżytek starożytności, lecz prężna dyscyplina, umożliwiająca jednostce zaistnienie na szerokim forum publicznym i w konsekwencji awans zawodowy i/lub społeczno-polityczny. Języki specjalistyczne to nie dodatek do, dajmy na to, nauk geograficznych, lecz dziedzina, której przedstawiciele zajmują się kształceniem wykwalifikowanych tłumaczy i nauczycieli w zakresie terminologii różnorodnych specjalności. To właśnie lingwistyka stosowana zapewnia kształcenie kadr ułatwiających kontakty międzynarodowe na różnych szczeblach od biznesu do polityki. Do zadań językoznawców należy też dbanie o jakość wydawanych na krajowym rynku drukowanych i elektronicznych słowników czy encyklopedii, z których korzystają wszyscy. Wreszcie, komunikacja międzyludzka i neurolingwistyka znajdują tak szerokie zastosowanie w reklamie i marketingu, iż przedstawiciele biznesu w zasadzie nie kojarzą już tych dziedzin z językoznawstwem i traktują je jako integralne części swojej działalności, co gorsza, krytykując przy tym – w ich mniemaniu „mało dochodowe” z punktu widzenia rynkowego – działania humanistów.

W całej tej wyliczance chodzi jednak o to, aby pokazać, iż zapoznając się z dorobkiem humanistów, można w ten sposób pozyskać informacje i wskazówki, które mogą znaleźć interdyscyplinarne zastosowania. Techniczne możliwości interdyscyplinarnych poszukiwań dają w XXI wieku niepowtarzalną szansę przyspieszenia rozwoju naprawdę wielu dziedzin – dane są dostępne na bieżąco, a rolą badacza jest dotarcie do tych najbardziej właściwych, miarodajnych i jakościowo poprawnych, aby przy użyciu wszelkich dostępnych kreatywnych i interdyscyplinarnych metod osiągać kolejne stopnie rozwoju. Znamienny jest cytat znakomitego amerykańskiego naukowca E.B. Wilsona, który już w 1 połowie XX wieku roku stwierdził, iż „z samej swej natury nauka jest ustrojem, który rozrasta się dzięki dodawaniu nowego materiału do szczytu wielkiej budowli,

ukształtowanej przez poprzedników. Jednostka nie wiedząca nic o rzeczach poznanych już poprzednio niewielkie ma szanse stworzenia czegoś nowego, godnego uwagi. Wynika stąd, że przed rozpoczęciem nowych badań rzeczą zasadniczej wagi jest poznanie aktualnego stanu wiedzy w danej dziedzinie¹.

Jako przedstawiciele dziedzin humanistycznych, pracujący na Wydziale Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego, pragniemy w związku z tym zaprosić Państwa do zapoznania się z wybranymi problemami badawczymi w ramach Festiwalu Nauki, zarówno w obecnej, XVIII edycji, jak i w latach następnych. Nie mamy przy tym wątpliwości, że wśród publiczności festiwalowej znajdą się przyszłe autorytety i światowej sławy naukowcy.

Poniżej zamieszczamy program szczegółowy XVIII Festiwalu Nauki z oznaczeniem godzin i sal. Oznaczenia w lewych górnych rogach kratki zawierają numery cykli (I-V) i numery spotkań, opisanych dalej.

22 września - poniedziałek						
nr sali:	aula 1.008	sala 01.076	sala 01.079	sala 01.082	pracownia komp. 01.063	inna sala wg oznaczenia
09:45	Inauguracja XVIII Festiwalu Nauki na Wydziale Lingwistyki Stosowanej UW (sala 1.008)					
10:00	III.13		IV.19	I.05		
10:45						
11:00	Osoby niewidome jako twórcy i...		Od ballady do opery...	Co można wyczytać z tytułu tekstu		
11:45						
12:00	II.07	V.24	III.08	IV.26	I.04 [R]	
12:45						
13:00	Czy wystarczy znać 1001 słówek?	Zobacz i pocuj, zrozum i powiedz...	Tajniki tłumaczenia	Język ciała - jak to działa	Narzędzia CAT	
13:45						
14:00	I.01		II.22	V.25		I.03 [R]
14:45						00.096
15:00	Jeszcze się policzyliśmy!		Mądrej głowie dość dwie słownie...	Czy Putin kręci filmy?		Eyetracking
15:45						
16:00	IV.29		III.08 (termin dodatkowy)			III.11 [R]
16:45						00.080
17:00	Jak oglądamy zagraniczny film?		Tajniki tłumaczenia	III.15	III.09 [R]	Co innego słyszysz...
17:45						
18:00				Czy spółka cywilna to civil partnership ...	Na czym polega praca w...	
18:45						

¹ Wilson E. B., 1968, *Wstęp do badań naukowych*, PWN, Warszawa.

23 września - wtorek						
nr sali:	sala 3.014 (3p.)	sala 01.079	sala 01.082	pracownia komp. 01.063	inna sala wg oznaczenia	
10:00	V.20		II.06	III.14 [R]		
10:45	Jak rodziła się...					
11:00	V.21	V.23	Motywacja a nauczanie	Falszywi przyjaciele tłumacza		
11:45	Rosyjskie czasopism	Z zagadnień kultury				
12:00	IV.17	IV.16	IV.27	I.02 [R]	III.12 [R]	
12:45					01.076	
13:00	Pleć w języku	Współczesna ikonka	Głuchy telefon - co słyszymy...	Żywioł ujarzmiony czyli opanowanie...	Chodź, opowiem ci..	
13:45						
14:00	IV.18	III.10	V.28	I.04 [R]	III.12 [R]	
14:45				(termin dodatkowy)	01.076 (termin dod.)	
15:00	Ja sam jako ktoś inny	Wyzwania i (trudne)	Czy umiesz napisać	Narzędzia CAT	Chodź, opowiem ci..	
15:45	Obcość i inność...	wybory tłumacza...	streszczenie...			
16:00	IV.29 (cz.2)					
16:45						
17:00	Jak oglądamy zagraniczny film?			III.09 [R]		
17:45				(termin dodatkowy)		
18:00				Na czym polega praca w...		
18:45						

Cykl 1. TECHNIKA W LINGWISTYCE

I.01. Jeszcze się policzymy!

wykład ogólnodostępny, dr Ł. Karpiński, dr A. Budzyńska-Daca, dr U. Kuleta

Motywnym przewodnikiem będzie rozszerzone porównanie dwóch wielkich mów wygłoszonych na forum międzynarodowym: Wisławy Szymborskiej (podczas wręczenia Nagrody Nobla) i Lecha Wałęsy (w Kongresie USA). Pierwsza część poświęcona będzie retoryce jako narzędziu tworzenia i analizowania tekstów/wystąpień publicznych. Druga - przygotowaniu i sposobie wygłaszania mowy, natomiast trzecia część wykładu zawierać będzie matematyczną analizę warstwy modalnej obydwu tekstów w oparciu o opracowaną komputerową analizę tekstów.

I.02. Żywioł ujarzmiony, czyli opanowanie rosyjskich czasowników z wykorzystaniem korpusu polsko-rosyjskiego

warsztaty z elementami wykładu, [R], dr Magdalena Kuratczyk

Wykład i warsztaty mają pokazać potencjał polsko-rosyjskich korpusów równoległych jako nowoczesnego i atrakcyjnego narzędzia sprzyjającego

opanowaniu żywołu czasownikowego. Podczas spotkania zaprezentowane zostaną dwa różne polsko-rosyjskie korpusy równoległe (Uniwersytetu Warszawskiego i Rosyjskiej Akademii Nauk) oraz pokazane możliwości ich wykorzystania. Przykładowe propozycje zapytań wyszukiwawczych i zadań adresowane są zarówno do nauczycieli i wykładowców przygotowujących materiały dydaktyczne, jak i dla uczniów i studentów pragnących doskonalić znajomość języka rosyjskiego.

I.03. Eyetracking – ile naprawdę widzisz, gdy na coś patrzysz?

pokaz oraz indywidualne eksperymenty, [R], dr Agnieszka Szarkowska

Uczestnicy spotkania zapoznają się z okulo grafem (eyetrackerem), czyli urządzeniem śledzącym ruchy gałki ocznej. Będzie można poddać się krótkiemu badaniu i sprawdzić swoją spostrzegawczość. Badanie jest bezinwazyjne, czyli nic nie boli. Wystarczy usiąść przed monitorem i obejrzeć coś na ekranie, a następnie odpowiedzieć na kilka pytań. Po chwili – dzięki specjalnemu oprogramowaniu – można będzie zobaczyć... fiksacje, sakady, mapy cieplne i ścieżki patrzenia.

I.04. Warsztaty narzędzi CAT

warsztaty, [R], mgr Witold Woicki

Warsztaty pokazują możliwość usprawnienia pracy nad tłumaczeniem pisemnym tekstu dzięki wykorzystaniu narzędzi CAT (ang. Computer-Assisted Translation).

W trakcie zajęć przedstawione zostaną podstawowe informacje o pracy z jednym z najpopularniejszych programów tego typu – Kilgray MemoQ. Warsztaty stanowią powtórkę wydarzenia z roku 2013.

I.05. Co można wyczytać z tytułu tekstu

warsztaty, dr Małgorzata Kornacka

Warsztat poświęcony jest temu, co na podstawie tytułu wnioskujeć możemy o tekście, jego tematyce i formie. W pierwszej części warsztatów zbadamy, jaki wpływ na nasze oczekiwania dotyczące tekstu mają użyte w tytule formy gramatyczne i konstrukcje składniowe użyte w tytule. W drugiej części zbadamy, jak określa się w tytułach zbiorowości i jak sposób określenia tych zbiorowości wpływa na odbiór tekstu. Zobaczymy też, jaką funkcję pełnią operatory logiczne użyte w tytule.

Cykl 2. PROSTY JEZYK OBCY

II.06. Motywacja a nauczanie języków obcych (w języku angielskim)

wykłady z elementami warsztatu, dr Renata Botwina

Wykład ma na celu uświadomienie młodzieży rolę motywacji w procesie nauki języków obcych. Podczas wykładu zostaną omówione typy motywacji oraz czynniki mające wpływ na sukces w nauce języka obcego. Ponadto zostaną przedstawione powody podejmowania nauki języka obcego. Podsumowaniem wykładu będą praktyczne wskazówki dotyczące podnoszenia efektywności samokształcenia językowego.

II.07. Czy wystarczy znać 1001 słówek?

wykłady z elementami warsztatu, dr Agnieszka Leńko-Szymańska

Wszyscy, którzy uczyli się kiedykolwiek języka obcego, przyznają, że bardzo ważną – jeśli nie najważniejszą – umiejętnością jest znajomość słówek. Uczestnicy poznają odpowiedzi na następujące pytania: Ile wyrazów jest w języku polskim i angielskim? Ile wyrazów zna przeciętny użytkownik tych języków? Ile wyrazów trzeba znać w języku angielskim, aby swobodnie się nim posługiwać? W jaki sposób mierzy się te wartości?

II.22. *Mądrej głowie dość dwie słowie*, czyli rzecz o liczebniku i gramatycznej kategorii liczby w językach rosyjskim i polskim na tle faktów historyczno-językowych

wykład z elementami warsztatu, dr Dorota Muszyńska-Wolny

Wykład przedstawia przede wszystkim historię liczby podwójnej oraz wskazuje jej ślady we współczesnych językach rosyjskim i polskim, a także wyjaśnia historyczne przyczyny osobliwości pisowni liczebników prostych w języku rosyjskim

Cykl 3. Z ŻYCIA TŁUMACZA

III.08 Tajniki tłumaczenia

warsztaty, dr Mariusz Górnicz

Warsztaty poprowadzi wykładowca uniwersytecki specjalizujący się w nauczaniu tłumaczeń pisemnych. Dodatkowo czytanie na głos tekstu oryginału stworzy możliwość korekty ewentualnych błędów wymowy. Tekst do

tłumaczenia (z j. angielskiego na polski) będzie dostępny na stronie Wydziału Lingwistyki Stosowanej UW poświęconej Festiwalowi Nauki.

III.09. Na czym polega praca w biurze tłumaczeniowym?

warsztaty, [R], dr Simon von Kleist

Każdy produkt trafiający na rynek wymaga dokumentacji (np. w formie instrukcji obsługi). Każdy program komputerowy posługuje się językiem, żeby komunikować się z użytkownikiem. Jak zatem zapewnić, aby język używany w dokumentacji lub oprogramowaniu był skuteczny? Czego należy unikać? W epoce globalizacji produkty trafiają na coraz więcej rynków, do coraz większej liczby konsumentów mówiących w różnych językach, żyjących w różnych kulturach. Z jakimi problemami mamy do czynienia, jeśli produkty mają trafić na rynek globalny, a dokumentacja czy interfejs oprogramowania musi być przetłumaczone lub zlokalizowane? Co to jest lokalizacja, DTP, terminologia i procesy tłumaczeniowe? Jaką rolę odgrywa tłumaczenie maszynowe? Warsztaty dają przegląd obecnej sytuacji branży tłumaczeń technicznych.

III.10. Wyzwania i (trudne) wybory tłumacza w konferencyjnym tłumaczeniu konsekwentnym

warsztaty/wykład, dr Mieczysław Nasiadka

Spotkanie przybliży uczestnikom tajniki tłumaczenia konsekwentnego. Obejmie ono trzy części: wykład dotyczący historii tłumaczenia ustnego, problemów pojawiających się w trakcie tłumaczenia oraz rozwiązań stosowanych przez tłumaczy konsekwentnych; pokaz tłumaczenia konsekwentnego; samodzielne wykonanie konsekwentnego tłumaczenia przez uczestników.

III.11. Co innego słyszysz, co innego mówisz, czyli osvajanie z kabiną. Warsztat prezentujący tłumaczenie symultaniczne

warsztaty, [R], dr Józefina Piątkowska, dr Anna Szczęsny

Prezentacja warsztatu tłumacza kabinowego poprzez tłumaczenie pokazowe w wykonaniu instruktorek oraz szereg ćwiczeń i zabaw, które rozwijają niezbędne umiejętności, m.in. podzielność uwagi.

III.12. Chodź, opowiem ci bajeczkę... Warsztat prezentujący predyspozycje tłumacza konsekutywnego

warsztaty, [R], dr Józefina Piątkowska, dr Anna Szczęsny

Wprowadzenie do warsztatu tłumacza konsekutywnego, obejmujące tłumaczenie pokazowe w wykonaniu instruktorek oraz szereg ćwiczeń i zabaw, które rozwijają umiejętność zapamiętywania dłuższych tekstów mówionych, oraz umiejętności retoryczne.

III.13. Osoby niewidome jako twórcy i odbiorcy przekładu

wykład, mgr Wojciech Figiel

Jak posługiwać się komputerem przy wyłączonym ekranie? Co to jest audiodeskrypcja? Jak dobrze porozumieć się z osobą niewidomą? Jak osoby niewidome pracują w zawodzie tłumacza? Na te i inne pytania odpowiemy podczas spotkania z niewidomym badaczem przekładu.

O wszystkim opowie osoba naukowo i prywatnie zainteresowana tą tematyką: niewidomy tłumacz i badacz przekładu. Będzie także szansa na zadawanie pytań, bez obawy o ich niestosowność.

III.14. Fałszywi przyjaciele tłumacza

warsztaty/wykład, [R], dr Julia Ostanina-Olszewska

Podczas spotkania uczestnicy zapoznają się z szeroko rozumianym pojęciem „fałszywi przyjaciele tłumacza” oraz dokonają próby przetłumaczenia zdań na język rosyjski i polski, w których będą występować omówione przykłady.

III.15. Czy spółka cywilna to *civil partnership*? – czyli jak (nie) tłumaczyć

warsztaty, dr Anna Kizińska

Warsztaty zostaną poprowadzone w oparciu o autorskie informacje na temat omawianego zagadnienia, autorskie ćwiczenia w zakresie słownictwa opracowane w oparciu o autentyczne teksty prawnicze, w oparciu o podstawową terminologię dotyczącą prawa spółek (wyrażenia, zwroty dotyczące instytucji polskiego prawa spółek i prawa spółek Zjednoczonego Królestwa Wielkiej Brytanii i Irlandii Północnej)

Cykl 4. INTER-KULTURA

IV.16. Współczesna ikona

pokaz/film edukacyjny, dr Katarzyna Jakubowska-Krawczyk

Prezentowany film „Blżej nieba” zrealizowany został podczas V Międzynarodowych Warsztatów Ikonopisania w Nowicy przez młodych filmowców z Kijowa. Pokazuje on nie tylko sam proces powstawania ikony, ale i rolę, jaką odgrywa ona w dialogu międzykulturowym.

IV.17. Płeć w języku

wykład, dr hab. Grażyna Mańkowska

Na spotkaniu zostanie podjęta próba odpowiedzi na pytania: Czy istnieją zależności pomiędzy postrzeganiem kobiet i mężczyzn przez społeczeństwo a gramatyką i słownictwem języka polskiego i rosyjskiego? Jaki obraz kobiety został utrwalony we frazeologizmach i przysłowiaach obu języków?

IV.18. Ja sam jako ktoś inny. Obcość i inność w kulturze

wykład, dr hab. Małgorzata Świdarska

Wykład przedstawia niepokojące zjawisko obcości i/lub inności, przejawiające się także jako to, co niesamowite, a także metody jego definiowania, opisu i analizy na przykładzie tekstów literackich i filmów.

IV.19. Od ballady do opery Benjamina Brittena – ścieżki inspiracji

wykład, dr hab. Krzysztof Fordoński

Wykład poświęcony jest operze na głosy chłopięce Benjamina Brittena „The Golden Vanity” jako przykładowi utworu inspirowanego folklorem, a w szerszym kontekście związkom kultury popularnej i wysokiej w dziejach kultury brytyjskiej.

IV.26. Język ciała – jak to działa?

warsztaty/wykład/pokaz, dr Agnieszka Maj

W jaki sposób ciało służy nam w procesie komunikowania się? Odpowiedź na to pytanie spróbujemy znaleźć, analizując symbolikę ciała nadawaną mu w różnych kulturach, poznając tajniki komunikacji niewerbalnej oraz próbując komunikować się za pomocą gestów języka migowego.

IV.27. Głuchy telefon? Co słyszymy, co pamiętamy i co tak naprawdę mówimy”

warsztaty z elementami wykładu, dr Łukasz Karpiński, dr Agnieszka Maj

Czy jeśli oglądamy wspólnie film, każdy z nas zapamięta go tak samo? Jak ułatwić sobie zapamiętywanie ważnych informacji? Jak mówić, aby nas słuchano? Na te i wiele innych pytań postaramy się udzielić odpowiedzi podczas warsztatów poświęconych błędom w komunikowaniu. Zajęcia będą składały się z części teoretycznej, w której przytoczone zostaną przykłady najciekawszych eksperymentów badających przebieg procesów zapamiętywania i przypominania, a także z części warsztatowej, w której przećwiczymy komunikowanie się w praktyce i zastanowimy nad tym, jak można uniknąć błędów w komunikowaniu.

IV.29. Jak oglądamy zagraniczny film?

projekcja/warsztaty, dr Agnieszka Szarkowska

Zdarza Ci się, że tuż po obejrzeniu filmu nic z niego nie pamiętasz? Czy to, ile wyniesiesz z treści, zależy od Twojej inteligencji logicznej? A może od szybkości postrzegania? Czy Twój zasób słownictwa ma wpływ na to, ile zapamiętasz? W znalezieniu odpowiedzi na te pytania mają pomóc badania przeprowadzane w ramach międzynarodowego projektu zainicjowanego przez Uniwersytet z Triestu. Wystarczy się odprężyć, obejrzeć fragment filmu niespodzianki... i rozwiązać serię łamigłówek. Wszystkim uczestnikom obiecujemy indywidualną informację zwrotną na życzenie. Sprawdź się! Każda osoba, która weźmie udział w badaniu otrzyma drobny, upominek związany z Uniwersytetem Warszawskim. Liczba miejsc ograniczona.

Cykl 5. ROSJA XXI

V.20. Jak rodziła się i rozwijała prasa w Rosji?

V.21. Rosyjskie czasopisma literackie – wczoraj i dziś

dr hab. Magdalena Dąbrowska, prof. UW

Cykl poświęcony historii wydawnictw periodycznych w Rosji XVIII-XXI wieku – przedstawia zarys dziejów prasy (cz. 1) oraz czasopiśmiennictwa literackiego (cz. 2) z uwzględnieniem tła społeczno-politycznego i kulturalnego. Celem głównym jest zarysowanie kierunków rozwoju gazet i czasopism.

pism oraz sporządzenie przeglądu tytułów i sylwetek redaktorów w odniesieniu do Rosji, ZSRR i FR, a także do gruntu emigracyjnego.

V.23. Z zagadnień kultury języków rosyjskiego i polskiego: odmiana liczebników i ich łączliwość z rzeczownikami.

warsztaty, dr Dorota Muszyńska-Wolny

Na warsztatach zostaną omówione oraz poparte licznymi przykładami zasady odmiany i pisowni liczebników, a także reguły łączliwości liczebników prostych i wielowyrazowych z rzeczownikami w językach rosyjskim i polskim. Przy wielu omawianych zagadnieniach nastąpią odwołania do treści wykładu pt. „Mądrej głowie dość dwie słowie, czyli o liczebniku i gramatycznej kategorii liczby w językach rosyjskim i polskim na tle faktów historycznojęzykowych”.

V.24. Zobacz i pocuj, zrozum i powiedz. Kultura Rosji i język rosyjski dla wymagających początkujących

warsztaty, dr Joanna Piotrowska, dr Joanna Wasiluk

Obraz i słowo to motywy przewodnie warsztatów, podczas których uczestnicy 1) zapoznają się ze współczesnym kinem rosyjskim, symbolami Rosji i stereotypami na jej temat; 2) zdobędą umiejętność zawierania znajomości w języku rosyjskim i poznają specyfikę rosyjskich imion własnych.

V.25. Czy Putin kręci filmy? Historia w najnowszej kinematografii rosyjskiej.

mgr Katarzyna Roman, mgr Tomasz Rawski

Dlaczego Polak w filmie *Rok 1612* jest zły, a komisarz polityczny w filmie *Twierdza brzeska* – dobry? Jaki obraz Rosji wylania się po obejrzeniu filmów wojennych i historycznych? Czy istnieje obiektywna prawda historyczna i czy film historyczny musi ukazywać fakty?

V.28. Czy umiesz napisać streszczenie tekstu pisemnego?

warsztaty, dr Bożena Zagórska

Warsztaty składają się z trzech 45-minutowych jednostek metodycznych poświęconych redagowaniu skondensowanych form tekstu pisemnego, głównie redagowaniu abstraktów, streszczeń oryginalnych tekstów z dziedziny języków specjalistycznych. Konieczność pracy nad kształtowaniem i doskonaleniem sprawności redagowania tego typu tekstów wynika z dezorientacji przy wykonaniu postawionego zadania, trudności przy wyborze adekwatnych środków językowych, braku stosownej wiedzy lingwistycznej i znajomości podstawowych strategii formułowania własnych jednostek tekstowych, co w efekcie prowadzi do stosowania technik plagiatu.

TREATISES AND ESSAYS

AGNIESZKA RZEPKOWSKA*University of Warsaw – Faculty of Applied Linguistics**University of Natural Sciences and Humanities in Siedlce – Department of Modern Languages and Interdisciplinary Studies*

ANALYSIS OF PROFESSIONAL DICTIONARIES PREPARED AS PART OF DOCTORAL DISSERTATIONS AT FACULTY OF APPLIED LINGUISTICS, UNIVERSITY OF WARSAW

Technological progress leads to the intensification of the so-called 'terminological boom' not only in the fields directly related to the development of new technologies, but also in the cultural, social and political spheres. Global access to information generates growing demand for tools that may organise and facilitate the understanding of both the well-established and newly-created terminology in the manner that would be adjusted to its prospective users. The response to the situation takes the form of terminological and terminographic research performed at the Faculty of Applied Linguistics (FAL) at the University of Warsaw (UW). Doctoral dissertations defended at the Faculty constitute one of its outcomes. As scientific works, they reveal the potential of scientific advances and can set long-term trends in terminographic studies. Consequently, it is here where the foundations of a new terminographic school are formulated.

The analysis was grounded on doctoral theses defended at the Faculty of Applied Linguistics, University of Warsaw. It was limited to dissertations presenting methodologies of constructing professional dictionaries. It was found that such theses come from the period of last eight years. The terminological dictionaries proposed offer innovative solutions in the field of systematisation of terminology in order to make its fruits as functional as possible for certain groups of users. Despite their non-standard approach, or rather because of it, some of the dictionaries

described in this paper have already been published and are available to the public. The model dictionary created by T. Borkowski in his doctoral thesis *A Polish-English Thesaurus of Legal Terminology vs. the Harmonization of Law. Rules of Construction* was realised by the author in his dictionary *Polsko-angielski słownik terminów prawnych Polterm z definicjami* published in 2011. The oenology thesaurus completed by P.P. Nagórka in his doctoral dissertation was published in two volumes in 2013: *Tezaurus enologii polsko-angielski* and *Thesaurus of oenology English-Polish*. J. Ostanina-Olszewska in cooperation with T. Krzeszkowski published a dictionary entitled *Polsko-angielsko-rosyjski słownik biznesmena*, which was partly created in the doctoral dissertation of the former. Although the author of the paper did not manage to find the publications of other dictionaries described below, some of them could have been published in an electronic format on the Internet.

Apart from dictionaries published on the basis of doctoral theses, in the context of the methodologically-oriented terminographic work observed at the Faculty of Applied Linguistics, University of Warsaw, there is one more work worth remembering, i.e. the *English-Polish Astronomical Terminology Thesaurus – Cosmology and Cosmic Objects* presented in the master thesis of M. Łukasik which serves as a reliable online source of information for people interested in astronomy. The thesaurus has not, however, been discussed in the paper as it fails to be the result of a doctoral dissertation work. Nonetheless, it needs to be stressed that, similarly to the dictionaries elaborated on here, it constitutes an example of a systematic terminographic work successfully presenting astronomical terminology, with clearly outlined semantic fields, microstructure of the dictionary, hierarchically structured terms and a translation index for people seeking more traditional solutions in bilingual dictionaries

Terminological dictionaries analysed below constitute an attempt at creating an orientated presentation of terminology from various fields. Some of them indicate solutions for specific disciplines (Borkowski 2008, a dictionary designed for the description of EU legal terminology), some are proposals of terminographic methods that are applicable to very narrow scopes of human activity (Nagórka 2011, a thesaurus of oenology), yet others can be used in the description of whole scientific fields (Karpiński 2005, a modular terminological dictionary of land-based transport construction).

For the purpose of this study, eight terminological dictionaries and their models created as part of doctoral dissertations at the Faculty of Applied Linguistics were analysed with a view to their effectiveness. Additionally, elements which seemed to be practical from the point of view

of presenting interdisciplinary relations observed in the terminological sphere were highlighted. The dictionaries are discussed in the chronological order, starting from the latest and finishing with the oldest. Sections devoted to individual dictionaries comprise general characteristics of each work concluded with remarks on their applicability in the analysis of interdisciplinary relations. The last section is a meticulous comparison of the studied sample, emphasising the most common factors detected and explicating the reasons behind them.

1. Thesaurus of Cultural Terms (TCT)

Produced by O. Wasilewski, *Tezaurus terminów kulturologicznych w ujęciu holistycznym* attempts to recreate the network of mutual cultural correlations with the use of semantic and hermeneutic analysis of notions. The thesaurus consists of two main parts: “Cultural Pylons and Constants of Culture” and “Information Highway”, concluded with a Polish-Russian-English dictionary of cultural terms, a subject index, a name index and a bibliography.

The first part comprises terms referred to as cultural pylons, which constitute a “metaphoric representation (synthesis) of classical notions/terms characterised by long-established and widespread tradition, or macro-constants” [Wasilewski 2011: 3]. The second part, Information Highway, presents terms characterised by increased flexibility in comparison with the terms in part one, mainly resulting from their relative novelty. The underlying task of the former section is to answer the question “What is it?”, while of the latter one: “How does it happen?”

The whole structure of relations presented in the thesaurus is reflected in the form of a network of correlations, with human being at the centre, representing the source and purpose of terminology and being the axis of the representation of the world. Three circles around the image of the man stand for three types of notions. The outer gathers the primary notions represented by cultural pylons, the middle one comprises secondary notions (the background for the primary notions), whereas the inner one – tertiary notions (notions which serve as support for the primary and secondary ones).

Each entry depicting pylons comprises both an intentional and extensional definition, each answering the questions what *a* is, what it is like, what its relation to other notions in the given category (semantic relations) is, whether *a* can be exemplified, and if yes, how.

A table summarising the whole discussion on a given topic is added at the end of each entry where the author systematically uses a system of

symbols explained in the theoretical part referring the user to relevant notions. The table also contains etymological information, synonyms and hypernyms, antonyms, logical and associated notions related to the basic notion, followed by the sources of information presented in the entry and representative sources where further information about the issue can be found [Wasilewski 2011: 6]. Moreover, the use of italics and bold font is also allotted to specific functions.

The thesaurus prepared by Wasilewski deserves attention in terms of its effectiveness of presenting isolated notions, combining the elements of encyclopaedic description with the systemic form. The subject field chosen for the creation of the dictionary is strongly interdisciplinary since it covers every aspect of human life which can be grouped under cultural pylons determined by Wasilewski. From the standpoint of constructing an interdisciplinary specialised dictionary (ISD), the distinguished cultural pylons can serve as a starting point for indicating interdisciplinary relations. This perspective would view cultural pylons as terminological *megaspheres* outlining the borders of various semantic relations.

2. Bilingual Thesaurus of Oenology (BTO)

Bilingual Dictionary of Oenology is the result of P.P. Nagórka's work on his doctoral dissertation [Nagórka 2011] where, among others, the process of developing a specialist terminology thesaurus for it to serve an educational function was presented. As in the case of the remaining descriptions of the advocated forms of dictionaries, also here a brief discussion of elements of the micro- and macrostructure of the dictionary is followed by an account of their practical application.

The discussed thesaurus is organised in modules: three modules of a descriptive system. The first of them illustrates a three-level categorical division of the semantic field. The basis there is the descriptor "wine-making" that is generically divided into three subcategories according to the division accepted by wine experts. Further, the classification is asymmetrical, which derives from the characteristics of the field subject to the analysis. The ideogram depicting the first module was additionally enhanced with colours, selected in concordance with the colour palette prevailing in the production line of a given type of wine. The colours introduced in the module are consistently used in the other two modules.

The second module is a visual depiction of the semantic field of "wine-making" comprising the terms up to the fourth level of semantic subordination. The semantic relations in that part are portrayed with a system of lines and arrows, precisely accounted for in the introduction to

the dictionary. An additional asset of this part of thesaurus is its interactive option in the electronic version consisting in the system of hidden hyperlinks linked to entries in module three.

Comprising in total 531 descriptive entries, the third module is the most detailed. It is a complete module presenting ten levels of semantic subordination. This part of the thesaurus is alphabetically organised and each descriptor comprises four elements: title descriptor, English equivalent, loose definition pattern and strict descriptive paradigm

The additional element in the dictionary is a set of ascriptor entries (in the Polish volume there are 45 entries) comprising two elements: an ascriptor, the not-recommended term, and descriptor(s), the recommended term(s).

The recipients of the presented thesaurus, as stressed in the introduction, are the authors of didactic scripts, teachers of oenology and specialist language instructors, wine-making trainees, students of specialised languages, and translators of specialised texts.

Nagórka's methodology of creating a module-based professional dictionary can become a useful tool for accentuating the network of relations in semantic fields where the interdisciplinary terms can be found. The comparison of a few thesauri of related disciplines produced with analogical terminographic tools and according to a uniform terminographic methodology can contribute to isolating "wandering concepts" (Polish: "koncept wędrowny", Sawicka 2012) in the network of conceptual relations within a given semantic field.

3. Ideal Special Purpose Dictionary (ISPD)

P. Michałowski in his dissertation *Struktura wiedzy zawodowej w ujęciu terminograficznym* [Michałowski 2010] proposed a model of an ideal special purpose dictionary (ISPD) whose target group comprises both experts and amateurs in the subject field . Michałowski produced a hybrid dictionary which is a thesaurus of second-degree accuracy. It can be characterised as a complete and open ISPD offering an option of switching it into a dictionary with closed structure. It is a model providing for a construction of a non-hermetic dictionary and facilitating its educational applicability especially in its most optimal electronic version.

ISPD offered by Michałowski comprises a part with entries, a classification scheme of the terminological lexicon (TL) in a systematic form, a classification scheme of TL in a graphic form, followed by an alphabetic permutation index of terminological units (with address codes indicating the place of each unit in the ISPD).

An example of a dictionary entry in its basic and extended form is presented underneath. The basic version comprises two parts, the first constructed on the basis of the *term-notion* relation with a predicative definition in the form of a nominal phrase, an extended intentional definition, and foreign equivalents of the entry name. The second part of the entry is the microthesaurus (terminological paradigm) representing semantic relations observed between the term described in the entry and other terms in the dictionary (generic, partitive, contradictory, implicative, equivalence, aspectual-synonymy, pseudo-synonymy (common categorical meaning) and various associative relations) the extended version is supplemented with a short etymological explanation, a list of derivatives of the entry name, and a list of standard collocations, which indicates that users with low professional or general language knowledge were also taken into consideration. Additionally, it is suggested to present some items of the extended dictionary entry in a different font or colour than the basic elements or with the use of symbols.

Summarising, the dictionary entry proposed by Michałowski should comprise the following components (in the order presented below). The elements of the extended entry are marked with an asterisk (*).

1.	ENTRY NAME
2.	<short etymological description>*
3.	list of derivatives (most common)*
4.	<i>foreign equivalents</i>
5.	predicative definition in the form of a nominal phrase
6.	extended intentional definition
7.	◆ list of standard collocations*
8.	/microthesaurus/ (comprising the list of terms in relation to the entry term; the relations are signalled with various symbols)

Table 1: Dictionary entry in ISPD. Source: on the basis of Michałowski 2010: 161.

The number of elements in the microstructure depends on the terminological lexicon and its inner relations, which is illustrated in the thesis in the analysis of terminological lexicons on chemistry, physics and geography.

The positional classification scheme of TL is the first of three supportive elements in the dictionary. The tool helps to reflect partitive and generic relations, which, however, is only possible in the form of two separate schemes if the partitive relation is the prevailing one in TL. This classification scheme can be constructed in the form of codes by allotting adequate numeric codes to various levels on the basis of a logical criterion [Michałowski 2010: 166].

The graphic classification scheme provides for the TL organisation according to the logical criterion. The proposed layout is in the form of a tree illustrating the hierarchical structure of metalanguage. The last supportive element is the permutation index of terminological units comprising all units presented in the dictionary, together with address codes. Each unit is listed in the index the number of times equal to the number of words it consists of.

For the construction of ISD, the element from Michałowski's ISPD that seems to be important is the permutation index facilitating the process of finding a multi-word terms in a dictionary and the code system smoothing the process of registering notions included in the dictionary. The latter could additionally be used in the electronic version of the dictionary as a source of reference links.

4. Bilingual Thesaurus of Legal Terminology (BTLT)

The main purpose of the Polish-English thesaurus of legal terminology specified by the author is the facilitation of international (EU) communication in the context of specialist legal languages [Borkowski 2008]. In his model, Borkowski uses the example of legal regulations regarding the electronic signature in Polish and EU legislation. The dictionary comprises a scheme of a language-prescriptive thesaurus that depicts basic relations between individual terms applying for that purpose their legal definitions.

Each entry of the thesaurus is organised vertically and comprises components relating to the whole entry, i.e. entry number, date of entry, entry author, date of change, field; and those relating to the part containing the subject descriptor and its definition, both in Polish and English (the language of the equivalent): term, source (of the term), definition, source (of the definition), systemic microthesaurus, and semantic-prescriptive

micronetwork. There is also an additional field called “terminological note” which is designed for information about differences between the legal definitions in the Polish and EU legislation.

The microstructure is equipped with a system of symbols reflecting basic relations in the definition structure in each legal system, a system of symbols resulting from the systemic comparative analysis relating to the level of similarity of intensions in the Polish and EU legislation and to the richness of semantic-prescriptive micronetwork, two supportive symbols used in the systemic microthesaurus, and a system of symbols representing basic relations in the language-prescriptive system. The application of a large number of symbolic elements makes it possible to illustrate the structure of both legal systems partially in a graphic form, which emphasises the relations and differences in each of them.

Language-prescriptive scheme of the Polish-English thesaurus attached to the dictionary is a tool showing basic relations between terms presented in the dictionary. In the analysed model, the basic term is “electronic signature”. It is this term that constitutes the point of conceptual reference for derived terms of primary, secondary and tertiary nature.

As Borkowski states in the descriptive part of the dictionary, owing to its complex structure such a bilingual thesaurus can be used by a wide group of the interested in the law, starting from translators and lawyers, representing the professional communication system, and finishing with the trainees of those professions and teachers, both constituting the glottodidactic communication system.

From the viewpoint of constructing interdisciplinary specialised dictionaries, an important aspect of Borkowski’ dictionary model is the fact that it shows the systemic value of terms in the conceptual scope by highlighting their discursive potential in the system of language meaning (in the field “Systemic Microthesaurus”) and in the system of meaning of legal standards (in the field “Semantic-Prescriptive Micronetwork”). On that basis the dictionary author made a comparative analysis of the scope of conceptual similarity and differences between descriptors and their corresponding equivalents.

The presented manner of analysis of the systemic value of terms can be also used in the study of correlation of notions represented by interdisciplinary terms. In such a case the term from the basic discipline would be treated as the basic term, and the interdisciplinary term from the secondary discipline would be the equivalent of the “equivalent” from Borkowski’s thesaurus.

5. Thesaurus of Obstetrics (terminological series “pregnancy”) (TO)

A. M. Woźnicka in her doctoral dissertation titled *Ways of Representing Specialist Knowledge in a Terminological Dictionary (on the Basis of Polish and English Medical Terminology)* [Woźnicka 2008] proposed a thesaurus of obstetrics by showing the terminological series of “pregnancy” as its element. The proposed terminological series is designed for experts, which is accentuated by reliable extensive bibliographical data placed under each entry, referring the user to the sources of the entry content and authenticating the information presented in it.

The terminology depicted in the thesaurus was selected with the thesaurisation technique on the basis of semantic relations between the term “pregnancy” and other medical terms from the scope of obstetrics that are listed in available dictionaries and used in scientific works on the relevant topic.

The macrostructure of the proposed dictionary comprises: an introduction, a part of the thesaurus comprising terminological series “pregnancy”, a list of terms from the terminological series together with synonyms, a terminological series “beremennost” comprising Russian terms with their equivalents in Polish, a terminological series “graviditas” with Latin terms and their equivalents in Polish, followed by an index of Polish terms used in entries together with the entry number it is used in, concluded with expert’s evaluation of the presented terminological series. Entries and terms in each of the series and indexes are listed alphabetically.

The microstructure of an entry comprises the term in Polish, its predicative definition and a microthesaurus comprising various types of semantic relations present in various configurations, i.e. superiority, inferiority, synonymy, antonymy, complementarity and broad associative relations. The author did not decide to implement any system of signs in the entries. Consequently, all types of relations are determined descriptively. The structure of entries is based on two special purpose dictionaries by J. Lukszyn, the editor, *Tezaurus terminologii translatorycznej* [Lukszyn 1998] and *Słownik terminologii przedmiotowej* [Lukszyn 2005].

Foreign equivalents in Russian and Latin are not an element of the entry, but are indicated in separate terminological series in the order specified in the part informing about dictionary macrostructure.

Taking into account the construction of ISD, the idea that would be worth analysing is the creation of an index or indices of equivalents in

a foreign language or languages, indicating the entry in which the term is specified according to relevant disciplines. Such a solution would make it possible to relief the entry itself of an excess of information, and consequently would contribute to presenting individual entries in a clearer way, especially if equivalents in more than one language were considered.

6. Dictionary of Key Socio-Cultural Terms (DKSCT)

R. Parowenko in his doctoral dissertation *Kluczowe terminy socjokulturowe jako jednostki opisu leksykograficznego (na materiale języka polskiego i szwedzkiego)* proposed a non-standard type of a dictionary whose objective is to compare cultural conditioning of various languages [Parowenko, 2007]. The dictionary produced by Parowenko compares Polish and Swedish language taking as the criterion of the choice the fact that the Polish and Swedish cultures are largely different.

The purpose of the dictionary is to establish a tool that would smooth the culturally conditioned differences. The addressee of such a dictionary can be any person who is required to prove a specific level of cultural competence, which is a part of language competence, but most of all the target group of the dictionary comprises translators. A cultural lack of understanding can lead to “transfer of distorted image of the world” [Parowenko, 2007: 5] and intercultural incomprehension.

Words and phrases gathered in the dictionary are called terminology by Parowenko who explains that, despite the presented notions being of different status from the terminological point of view: starting from terms, through quasi-terms, and finishing with general language expressions, the analysed words and phrases constitute a consistent system of lexical units used within a given field of knowledge (knowledge about cultural conditioning of language, knowledge about the language image of the world) and can be characterised with features specific to terminological units [Parowenko, 2007: 38].

The whole dictionary comprises six key socio-cultural terms which are described according to the fourth, most detailed, level of terminographic description. Each entry depicts the relations between terms under the following categories: nominative, genitive, accusative, dative, ablative and locative. Corresponding with grammatical cases, these relations were the starting point of determining the notions for the dictionary.

Each entry comprises two columns (left referring to the term in Polish, right to the term in English) containing: the key term, its semantic structure established by isolating basic features of the concept, synonyms of the key term, etymological information, use of metaphors (the repertoire of

metaphorical meanings of the notion in both languages), phraseology (as the evidence of analysed phenomena), paremiology (proverbs which serve as the documentation of consolidated beliefs, connotations, hierarchy of values in each culture), metaphorical meanings (metaphors for which the source term is the source domain, not the target domain, as is in the case of previously mentioned category called “use of metaphors”) and an image of the key term in literature and art (comprising referential information).

Each entry is presented in the form of a table: two columns and many rows. The horizontal division is two-stage: division into categories and equivalents of the analysed elements in each language (if such exist; if no equivalents can be found, the field remains empty).

Analysing the proposed dictionary from the standpoint of constructing an ISD, the manner of illustrating differences between the two terminological networks, or two language systems, comes to the fore. For example, the presentation of definitions in a table with highlighted parts representing distinctive features of concepts makes the comparison of two notions easier and visually more accessible. Moreover, worth considering is the fact whether during the analysis of some pairs of scientific disciplines it would not be wise to consider such categories as: etymological information, phraseology or metaphorical meanings if they influence the difference between distinctive features of concepts in secondary scientific disciplines subject to analysis.

7. Practical Pronunciation Dictionary for the Businessman (PPDB)

In her doctoral thesis titled *Theoretical and Practical Problems of Transcription in a Multilanguage Dictionary*, J. Ostanina-Olszewska created a Polish-English-Russian practical trilingual dictionary for businessmen presenting phonological transcription of words in each language [Ostanina-Olszewska, 2005]. The objective of the dictionary is to facilitate communication in business circles by completing a register indicating foreign equivalents with phonetic transcription.

The macrostructure of the dictionary comprises five elements: an introduction, a list of phonetic signs, a trilingual dictionary and indices of terms in English and Russian.

A uniform phonetic transcription for all three languages was developed for the purpose of the dictionary, taking into consideration symbols that are used for mutual and variant phonemes and allophones of the relevant languages. The system of phonetic signs was created on

the basis of the International Phonetic Alphabet. Detailed information about the choice of symbols is presented in the theoretical part of the dissertation, and the list of phonetic signs used in the dictionary is one of the elements of dictionary macrostructure.

The dictionary is a register of terms organised in three columns in an alphabetic order according to the terms in Polish; the second column presents English equivalents and the third – Russian. Under each word or phrase representing the entry name or any of the equivalents there is the relevant phonetic transcription. The two indices attached to the dictionary: the index of English terms and the index of Russian terms, are equipped with a code system referring to the corresponding term in Polish. Additional functional advantage of the dictionary is its small size, making the dictionary handy in any circumstances.

The element of the presented dictionary that seems to be important for developing an ISD is mainly the presentation of pronunciation with one phonological alphabet. Such a solution could be extremely accurate in the case of a multi-lingual ISD, as it would additionally facilitate the use of the dictionary to people who are not fluent in foreign languages, but who still need to use them in their work, also in order to produce spoken texts in a foreign tongue.

8. Modular Dictionary of Civil Transportation Engineering (MDCTE)

Polsko-rosyjsko-angielski modułowy słownik lądowego budownictwa transportowego [Karpiński 2005] is an example of a special purpose dictionary the microstructure and macrostructure of which is characterised by non-standard perception of terminographic work. The dictionary was developed as part of the doctoral dissertation by Ł. Karpiński. The characteristic feature of the dictionary, which is a type of a thesaurus, is the three-level modular manner of presenting terminological data. Holistically isolated modules reflect the terminological system of civil transportation engineering (CTE). Owing to its electronic format, the information contained in the dictionary is available to users on the spot. Moreover, the computer format allows the author to update data efficiently and quickly and, if necessary, to add new modules.

The composition of the dictionary is not based on technological processes but on the processes of information circulation in CTE. The main subject of the study, CTE, is in centre of the dictionary. On the basis of the studied object, three basic modules were distinguished: project, construction, exploitation. These are divided into another three sub-

modules: force, means, and requirements. The third level of division, similarly to the second one, reflects systemic terminographic approach by dividing the sub-modules further into sub-modules: sub-module “force” into people, tools, actions; sub-module “means” into materials, finance, actions; and sub-module “requirements” into information, methods/ technologies, actions.

The CTE modular dictionary is an example of organising terminological database and enriching it with additional information, such as: a definition, example usage, the status of terminological data (terminological standards, specialised terms, quasi-terms, pre-terms, hypo-terms, special terms, and colloquial words and phrases), and foreign equivalents. The presented three-level modularity can, in author’s opinion, be used in order to develop analogical dictionaries from other scientific fields.

What seems to be interesting considering the interdisciplinary nature of terminology is the repeatability of fragments of the conceptual system in secondary disciplines, which is made more explicit in the modular presentation of terminological data:

Additionally, it should be noted that in the modular system some elements can constitute a type of “connecting points” between individual thesauri, e.g. a group of architectural terms is one of the elements of CTE Thesaurus, and on the other hand it directly belongs to the modular dictionary of architecture. [Karpiński 2005 t.1: 118, translation from Polish]

These “connecting points”, as Karpiński called them, are nothing else but a part of the terminological sphere constituting a potential base for creating an interdisciplinary specialist dictionary of architecture, where one of secondary disciplines would be the civil transportation engineering. After closer analysis of the CTE and architectural terminological systems in which the distinctive features of terminological units are isolated, it can be possible to specify “wandering concepts” for individual groups of terms and show the differences in distinctive features represented by individual terminological units in various terminological lexicons.

9. Comparison of Elements of Macrostructure and Microstructure of Dictionaries Prepared as Part of Doctoral Dissertations at the Faculty of Applied Linguistics, UW

The tables below portray individual components of macrostructure and microstructure of dictionaries, as well as summarise the information discussed in the part of dissertations corresponding with the introduction to the dictionaries. When compiling terminological characteristics for the analysis, the features of each dictionary were taken into account, and on that basis the tables below were compiled. Such a presentation of collected data made it possible to compare special purpose dictionaries from the doctoral dissertations.

The numbers allotted to dictionaries in the top row of the table correspond to the numbers of sections in the paper discussing each of the eight dictionaries and models. Consequently, the abbreviations below should be understood as: TCT – *Thesaurus of Cultural Terms*, BTO – *Bilingual Thesaurus of Oenology*, ISPD – *Ideal Special-Purpose Dictionary*, BTLT – *Bilingual Thesaurus of Legal Terminology*, TO – *Thesaurus of Obstetrics*, DKSC – *Dictionary of Key Socio-Cultural Terms*, PPDB – *Practical Pronunciation Dictionary for the Businessman*, MDCTE – *Modular Dictionary of Civil Transportation Engineering*.

When analysing the composition of the dictionaries, which can be described as relatively non-standard considering the current terminographic practice, worth noting are the most frequently included elements. The presence of obligatory dictionary items, such as an introduction and sources of terminology, and the regularity of information quoted [Lukszyn, Zmarzer 2006: 136; Łukasik 2007: 18-23, Grinev 1995: 48-51 [in:] Lukszyn, Zmarzer 2006: 136; Karpiński 2008: 110-115] come to the fore in the macrostructure.

In all dictionaries subject to analysis terminology is organised alphabetically, which is a simple and generally-accepted way of presenting terminology in dictionaries, not only in SPD. Additionally, entries are also organised graphically or/ and systematically which illustrates the relations between individual terms. Such a system is found in five out of eight dictionaries under analysis.

Terminographic feature	1. TCT	2. BTO	3. ISPD*	4. BTLT*	5. TO	6. DKSCCT	7. PPDB	8. MDCTE	Percentage
Macrostructure									
Title page	+	+	-	-	+	-	+	+	63
Table of contents	+	+	-	-	+	+	+	+	75
Introduction	+	+	+	+	+	+	+	+	100
Thesaurisation technique	+	+	+	+	+	+	-	+	88
Isolation technique	+	-	+	-	-	-	-	-	25
Graphic or systematic presentation illustrating the system of relations between terms	+	+	+	+	-	-	-	+	63
Alphabetic presentation	+	+	+	+	+	+	+	+	100
Regularity of quoted information	+	+	+	+	+	+	+	+	100
Sources of terminology	+	+	+	+	+	+	+	+	100
High-level metalanguage	+	+	+	+	-	+	-	+	75
Indices	+	+	-	-	+	-	+	+	63

Table 2: Macrostructure of special purpose dictionaries prepared as part of doctoral dissertations at FAL, UW.

* models of special-purpose dictionaries

(TCT – Thesaurus of Cultural Terms, BTO – Bilingual Thesaurus of Oenology, ISPD – Ideal Special-Purpose Dictionary, BTLT – Bilingual Thesaurus of Legal Terminology, TO – Thesaurus of Obstetrics, DKSCCT – Dictionary of Key Socio-Cultural Terms, PPDB – Practical Pronunciation Dictionary for the Businessman, MDCTE – Modular Dictionary of Civil Transportation Engineering)

The thesaurisation technique strongly prevails over the isolation technique in the SPD subject to analysis, which directly results from the perception of terms as signs representing notions, notions that create a system of relations within individual terminological lexicons. This feature of terminology is additionally highlighted by the application of high-level metalanguage (recorded in 6 dictionaries (75%)) describing individual terms as elements of a system. Such components as a title page or a table of contents, in spite of being important in the whole dictionary structure, are not always present in the case of studied papers as they constitute a part of the whole dissertation and are not sometimes isolated from the whole work. Nonetheless, the fact of their presence in 5 and 6 dictionaries under analysis, respectively, shows their significance in the composition of terminographic work.

Terminographic feature	1. TCT	2. BTO	3. ISPD*	4. BTLT*	5. TO	6. DKSCT	7. PPDB	8. MDCTE	Percentage
Introduction									
Presence of introduction	+	+	+	+	+	+	+	+	100
Methods and criteria for choosing terms	+	+	+	+	+	+	+	+	100
Rules of terminology organisation	+	+	+	+	+	+	+	+	100
Description of microstructure	+	+	+	+	+	+	+	+	100
Target group	-	+	+	+	+	+	+	+	88
Specified number of entries	-	+	+	+ **	+	+	+	+	88

Table 3: Elements of introduction in special purpose dictionaries prepared as part of doctoral dissertations at the FAL, UW.

* models of special-purpose dictionaries; ** number of entries in the model

An introduction is present in all dictionaries. Also, all of them discuss the microstructure, the methods and criteria of the choice of terminology and the rules of terminology organisation. The target group is quoted in 88% of cases (7 out of 8), similarly to the number of entries. Models of dictionaries sometimes presented a hypothetical number of entries which is estimated to be present in a given dictionary type.

The most frequent elements of microstructure are foreign equivalents. This is a direct consequence of one of terminographic rules [Felber, Budin 1994: 173; Lukszyn, Zmarzer 2006: 134], namely the rule of international harmonisation of terminology in a dictionary. Very often, in 7 out of 8 dictionaries, the dictionary entry comprised a microthesaurus reflecting the system of semantic relations that are attributed to a given term.

Nearly all analysed special purpose dictionaries are terminological dictionaries, and only one takes the form of a terminological glossary. An intentional definition predominates in the presented terminographic works. The definition is additionally completed with a predicative definition in one of the dictionaries, and with an extensional definition in another one. Other elements of macrostructure are observed less frequently, from one to five cases.

Terminographic feature	1. TCT	2. BTO	3. ISPD*	4. BTLT*	5. TO	6. DKSCT	7. PPDB	8. MDCTE	Percentage
Microstructure									
Etymological information	+	-	+/-	-	-	+	-	-	38
List of derivatives	-	-	+/-	-	-	-	-	-	13
Foreign equivalents	+	+	+	+	+	+	+	+	100
Predicative definition	-	-	+	-	+	-	-	-	25
Intentional definition	+	+	+	+	-	+	-	+	75
Extensional definition	+	-	-	-	-	-	-	-	13
Collocations	-	-	+	-	-	+	-	+	38

Terminographic feature	1. TCT	2. BTO	3. ISPD*	4. BTLT*	5. TO	6. DKSCT	7. PPDB	8. MDCTE	Percentage
Microthesaurus (semantic relations)	+	+	+	+	+	+	-	+	88
Source of information about the term	+	-	-	+	+	+	-	+	63
Phonetic transcription	-	-	-	-	-	-	+	-	13
Grammatical information	-	-	-	-	-	-	-	+	13

Table 4: Microstructure of special purpose dictionaries prepared as part of doctoral dissertations at the FAL, UW.

* models of special-purpose dictionaries

The above-presented study allowed the author to analyse the prospective applicability of ideas proposed in the eight PhD theses in the construction of interdisciplinary professional dictionaries. Some of the terminological solutions can be used in the work on the development of methodology of constructing ISD as they show methods of reflecting the terminological system. Having made adequate assumptions, it is possible to apply those solutions in the scope of a terminological sphere, and not only of a terminological field as is the case in the analysed sample. In this respect, special attention should be paid to the work by T. Borowski, Ł. Karpiński, P.P. Nagórka, P. Michałowski and R. Parowenko.

Summarising the above professional dictionaries created as part of PhD dissertations at the Faculty of Applied Linguistics, the University of Warsaw, suggest uncustomary ways of effective terminological data presentation. Worth noting is the fact that the topic of constructing professional dictionaries has been on the increase since 2005, the year before which no similar PhD works had been found in the Faculty. Additionally, the issue has also been widely discussed in various scientific publications. This situation can start to be treated as a birth of a new school of terminology and terminography.

Bibliography

Borkowski T., 2011, *Polsko-angielski słownik terminów prawnych Polterm z definicjami*, Wydawnictwo Translegis, Warsaw;

Borkowski T., 2008, (doctoral dissertation) *Polsko-angielski tezaurus terminologii prawnej a harmonizacja prawa. Zasady konstruowania*, Warsaw;

Felber H., Budin G., 1994, *Teoria i praktyka terminologii*, UW, Warsaw;

Karpiński Ł., 2005, (doctoral dissertation) *Teoretyczne podstawy sporządzania modułowego słownika terminologii branżowej (na materiale lądowego budownictwa transportowego w języku polskim, rosyjskim i angielskim)*, Warsaw;

Karpiński Ł., 2008, *Zarys leksykografii terminologicznej*, UW, Warsaw;

Krzyszczkowski T. P., Ostanina-Olszewska J., 2005, *Polsko-angielsko-rosyjski słownik biznesmena*, WSHT, Łódź;

Lukszyn J. [ed.], 1998, *Tezaurus terminologii translatorycznej*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warsaw;

Lukszyn J. [ed.], 2005, *Języki Specjalistyczne. Słownik Terminologii Przedmiotowej*, UW, Warsaw;

Lukszyn J., Zmarzer W., 2006, *Terminologiczne podstawy terminologii*, UW, Warsaw;

Łukasik M., 2007, *Angielsko-polskie i polsko-angielskie słowniki specjalistyczne (1990-2006). Analiza terminologiczna.*, UW, Warsaw;

Łukasik M., *Angielsko-polski tezaurus terminologii astronomicznej - kosmologia i obiekty Wszechświata*, online dictionary, access on 23 Oct 2013, link: <http://tezaurus.astrowww.pl/>;

Michałowski P., 2010, (doctoral dissertation) *Struktura wiedzy zawodowej w ujęciu terminograficznym*, Warsaw;

Nagórka P. P., 2013, *Tezaurus enologii polsko-angielski*, Piotr Nagórka Linguistic Modelling, Warsaw;

Nagórka P. P., 2013, *Thesaurus of oenology English-Polish*, Piotr Nagórka Linguistic Modelling, Warsaw;

Nagórka P.P., 2011, (doctoral dissertation) *Tezaurus terminologii branżowej jako tekst edukacyjny*, Warsaw;

Ostanina-Olszewska J., 2005, (doctoral dissertation) *Theoretical and Practical Problems of Transcription in a Multilanguage Dictionary*, Warsaw;

Parowenko R., 2007, (doctoral dissertation) *Kluczowe terminy socjokulturowe jako jednostki opisu leksykograficznego (na materiale języka polskiego i szwedzkiego)*, Warsaw;

Sawicka A., 2012, *Koncepty wędrownie a specjalistyczne jednostki informacyjne*, [in:] W. Zmarzer [ed.], *Struktura jednostek informacyjnych*, UW, Warsaw, pp. 195-214;

Wasilewski O., 2011, (doctoral dissertation) *Tezaurus terminów kulturologicznych w ujęciu holistycznym*, Warsaw;

Woźnicka A.M., 2008, (doctoral dissertation) *Ways of Representing Specialist Knowledge in a Terminological Dictionary (on the Basis of Polish and English Medical Terminology)*, Warsaw;

Zmarzer W., [ed.], 2012, *Struktura jednostek informacyjnych*, UW, Warsaw.

Analiza słowników specjalistycznych opracowanych w rozprawach doktorskich na Wydziale Lingwistyki Stosowanej UW

Artykuł przedstawia wyniki analizy słowników specjalistycznych stworzonych w ramach rozpraw doktorskich na Wydziale Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego, zwracając szczególną uwagę na ich skuteczność w prezentowaniu danych terminologicznych. Badanie odnosi się do ośmiu rozpraw doktorskich, w których autorzy zaproponowali serię rozwiązań terminograficznych dostosowanych do konkretnych leksykonów terminologicznych lub zastosowań słowników. Obok analizy każdego ze słowników zamieszczono uwagi określające użyteczność niektórych rozwiązań przy tworzeniu specjalistycznych słowników interdyscyplinarnych. Ponadto, spoglądając na daty publikacji poszczególnych słowników, warto zauważyć, iż zagadnienie tworzenia słowników terminologicznych dostosowanych do konkretnych użytkowników stało się w ostatnich latach popularne. Przed rokiem 2005 nie odnotowano podobnych rozpraw doktorskich na Wydziale. Uwzględniając powyższe, jak również biorąc pod uwagę inne badania terminologiczne prowadzone na Wydziale, których pokłosie można obserwować w licznych publikacjach, możemy mówić o formułowaniu się zrębów nowej szkoły terminologicznej na Uniwersytecie Warszawskim.

ŁUKASZ KARPIŃSKI*University of Warsaw – Faculty of Applied Linguistics*

THE EVOLUTION OF DATABASES FROM THE PERSPECTIVE OF LINGUISTIC CONSTRUCTIVISM

The process of compiling contemporary dictionaries cannot any longer be defined from the perspective of traditional publishing tasks. If terminological lexicography is regarded as theory and practice of dictionary production, then this process covers at present a wide spectrum of human knowledge, ranging from strictly linguistic knowledge, through information technologies, logic, economy and business, to some issues of editing, polygraphy, photography, filming including a number of other branches related to the multimedia “framing” of dictionaries.

Therefore, developing a concept for a particular dictionary constitutes also a serious operational challenge, with some economic innuendo, and is based on the principle of establishing its general idea and target recipients, defining its conceptual database, and performing a broadly defined harmonization of data. The next step of planning the macrostructure consists of an appropriate selection of elements for the dictionary microstructure; namely, the following questions have to be answered: will the elements to be registered remain specific for either a language, encyclopaedic, academic or terminological dictionary [cf. Karpiński 2008, 59-62]; what will be the volume and type of this lexicon (i.e. either translatory, etymological, minimal, or frequential etc.); and finally, how many entries approximately will it include. By setting framework limits for the discipline under consideration, a precise input lexical data can be established in the form of an (electronic) database, unlike historically, in the form of paper terminological cards.

Hence quite rightly, the development of the disciplines, which are topic-wise associated with terminology and lexicography due to the

interdisciplinarity mentioned above, was effectively stimulated by the achievements of the related disciplines. Since the creation of lexicographic works gained a justified market position, the lexicographer is no longer “a harmless workhorse who remains preoccupied only with searching for the origins of words, and defining their meanings” [see: Doroszewski 1982: 96]. Over the last few decades, a number of significant events have occurred within the domain of contemporary lexicography; namely, the introduction of the great systems theory, the development of IT and corpus linguistics etc.

It has to be mentioned that traditionally for the Polish linguistic school, all activities focusing on creating different types of lexicons have been divided among various scientific fields.

According to the concept developed by Witold Doroszewski, *lexicology* (i.e. the discipline concentrating on the meanings and functions of words), and lexicography (i.e. applied lexicology) constitute two branches of linguistics dealt with in unison due to their semantic fields which are closely interrelated. From the historic and generic perspective, lexicography had emerged much earlier than lexicology; it has also been one of these few disciplines which reflected upon the word, and this reflection has been accompanied by gathering and systematising of the lexical material [Miodunka 1989: 9]. Therefore, the competencies of lexicography include the methodology of gathering and analysing the linguistic material, the typology of dictionaries, the models for developing particular types of lexicons, as well as the methodology of tools required for generating an appropriate synthesis of the data gathered as meaning descriptions of entries. Currently, these tools may facilitate the access to various language corpora, as well as provide a computer-based support for text and database analyses, dictionary entry editing, and for all works related to the preparation of the prepared material for final publication, both in the traditional (paper) and electronic forms.

The development of methods which stimulate the self-improvement of science by new inventions and discoveries poses a material proof for the progress in optimizing and mastering the creative act on various levels of advancement and in a wide topical spectrum, ranging from philosophy, through economy and to quantum physics. Coincidentally, it was observed that “a multidimensional approach to scientific work may contribute to a better understanding of the process in progress [Kaufmann et al. 1975: 49], and it may also trigger a better understanding of the practical features of each invention, resulting in its practical application.

At the same time it is believed that “it is more difficult to point at principles or rules governing the process of creating concepts than to pay attention to the conditions fostering these new concepts.” [Dietrych 1968: 21]. This current multidimensional development of science has led to the occurrence and development of the systemic approach. The creation of the general systems theory was necessary in relation to the process of solving issues in the research on individual aspects which constitute a particular discipline. In this approach, the entities of a particular discipline of knowledge began to be treated as collections of strictly related elements.

In this evolution of the systems technique, an important role is assigned to the process of isolating and defining ever more complex settings. One of these evolutionary factors is defined as the variability of the system environment the impact of which remains ideologically close to the phenomena influencing the lexicographic project. “This environment consists of the up-to-date state of technology, other systems it has to cooperate with, the economic conditions, and the needs defined here as the states of tensions, or instability, existing within this environment” [Hall 1968:22].

By applying in practice the above assumptions of the evolution of systems into databases, it may be possible to point at a number of fundamental factors which foster the development of these structures as a result of the expansion in the number of theoretical and practical applications.

In the initial paradigm of scientific meanings, the database was understood, from the perspective of informatics, as a collection of data connected by various relations, and which can undergo diversified analyses with the use of various external programs. The potential introduced by the development in computer science, and the search for less-costly methods of creating dictionaries resulted in the occurrence of complex systems, already known from some parallel practices, and in the application of databases for the purpose of registering lexicographic data previously recorded on terminographic cards. The application of computer-based terminographic databases lead to a radical change in the perception of the process of dictionary creation. Historically, the lexicographic process was fundamentally based on registering the linguistic material with the use of terminographic cards. At present, a terminographic card is regarded as a derivative of the computer database, and in practice, it can be produced as an (electronic or paper) form which illustrates – in a defined setting - the database content relating to a particular term.

A database can be simply depicted as a table with a number of columns reflecting the number of fields on a traditional card and with the

infinite number of rows (the number of terms corresponds to the number of rows). Therefore, the creation of a computer database has to be preceded by a precise need analysis and by determining the required number of registering parameters. Every particular field may contain concrete data or (as so-called records) be then divided internally into a particular category.

Depending on the options available in a particular computer program, each field may have a defined or changeable length, and be used for storing a particular type of data – either numerical or text (or mixed), as well as graphic.

The essence of a database is the potential of providing access to records and fields in any desired order. Data is usually searched for by presenting some specific parameters of elements under search; this will result in the list of all the elements which possess these specific parameters [cf. SPK 2004: 75-76 and 266].

Furthermore, the step towards digitalising the lexicographic process was accompanied by the creation of text corpora, i.e. the collection of texts which present the words searched for in their real context as used by humans. Language corpora gather their content from newspaper articles and popular science research papers, official documents, excerpts from literature, course books, but may also included transcripts of everyday conversations, in order to register colloquial language. In order to represent a real developmental state of a particular language, a text corpus has to be balanced in terms of quality, chronology, style, as well as has to take into consideration any territorial and demographic aspects. Due to this premeditated planning of the structure, corpora differ for example from the general resources of the Internet. At present, every single publishing house operating on the market informs that the lexis of its publications was verified against up-to-date text corpora. What is more, even the dictionaries compiled more than 50 years ago are still purchasable thanks to corpus linguistics, and to more or less successful supplementation efforts.

The development of computer technology created at some point yet another opportunity for the printed lexicographic works. Namely, the desktop publishing ceased to be a time-consuming process, which allowed publishing houses to reduce material costs and to shift the focus to the increase in speed of up-dating any linguistic material.

The ultimate blow to the traditional lexicographic techniques was delivered by the development of the Internet-based communication. Free access to various types of lexicons made available over the Internet resulted in redefining of the dictionary market. It became obvious to the reputable

publishing houses that even a printed copy plus data carrier (CD, DVD or a pen drive) will not suffice, and the future of lexicography lies in the Internet.

By making explicit reference to the prior assumptions of the systems thinking and to the heuristic research methods, some generalized conceptual formulas of developmental processes can be presented herein with reference to e.g. databases. Every phase of knowledge evolution may be characterised by a certain existing initial status which poses some predefined paradigms of scientific meanings. In this particular moment under consideration, the status of the conceptual lexicon of a particular field of knowledge may be defined by the developmental stage of terminological undertakings such as organizing, harmonizing, regulating, normalizing, standardizing, unifying, codifying and restricting²; consequently, this leads to some heuristic attempts which aim at formulating a new hypothesis and lead to new practical applications.

This results in the process during which the system under examination is being analyzed as an element of a larger entity the form of which is determined by the status of current research; it also provides an opportunity for monitoring the abstract or material interactions of the system with other related elements which frequently exert influence from the level of similar or distinct fields of knowledge, and their predefined concepts. Such an approach assumes a systematic evaluation of an isolated system in a wide developmental context; it also assumes that every model shall not be regarded as ultimate, and constitutes only a large- or small-scale stage in the cognitive process, and the advancement in other fields may play a stimulating role in search for new models and changes in defining certain phenomena and results.

The heuristic modelling provides the possibility for checking of individual operation of a particular system: from the need analysis to final effects. Secondly, the system thinking allows to perceive the system under development as an element of a larger entity, the form of which remains preconditioned by the research and developments arrived at so far, as well as to observe the abstract and material interactions of the system with other intertwined elements. Such an approach assumes a systematic evolution of the isolated system in its wide developmental context, and regards any solution obtained as ultimate only for a particular cognitive cycle, and constitutes a smaller or larger step in the process of cognition.

² cf. Lukszyn, Zmarzer W., 2001, pp. 86-89.

There also exists an alternative solution for the entire heuristic system in the situation when the final effect remains different than the initial, searched-for solution, and its application may meet the initial assumption and / or introduce new, initially unforeseen, solutions. In the case of the terminological databases, some alternative solutions may be taken into considerations; they occur as a result of some improvements in the registration processes and the increase in the computing capacity of computers. Due to the optimization of recording, the increase in operating memory capacity, and the speeding-up of data reading and sorting, databases can be perceived as elements which enhance the process of machine translation and facilitate the development of artificial intelligence.

As a result of the hypothetical construction and verification of further heuristic thesis, some derivative concepts are also developed based upon existing terms. It may be also assumed here that the initial derivative theoretical concepts are created in majority prior to the initial concepts verified in practice. Hence the former will be marked as the primary derivative concepts, and the latter as the secondary ones.

In reference to the linguistic research model under presentation, it may be pointed out that the conceptual works on the primary concepts level refer to the tasks of *terminographic praxeology*, whereas the practical verification taking place on the secondary concepts level refers to *terminographic engineering*.

Terminographic praxeology can be understood in some way as a development of the exiting term of the terminographic research method [cf. STP 2005: 158] and can be regarded as the humanistic (linguistic) part of the specialized activity which focuses on the aim of formulating the most practical application of the scientific paradigm within the scope of analyzing thesauruses and creating terminological systems which form the basis for the variety of dictionaries. This activity remains superior and prior to terminographic engineering due to: its controlled research cycle, the attempt to formulate certain regulations applicable to the terminographic practice and its character as a discipline which remains primarily linguistic. This postulated primary character results from the fact that linguists control whether the IT specialists correctly codify language features and maintain appropriately the data gathered in the form of a database. Computer science is treated as a tool, whereas terminology is responsible for concept solutions. Looking at this change in roles, it can be said that IT specialists treat texts, even those written in foreign languages, purely instrumentally, while regarding foreign language teaching, stylistics etc. as necessary evils, omitted in the jargon specialized communication.

In terminographic praxeology, any final decision is implemented by lexicographers who commission IT specialists to perform tasks or consult those tasks with them.

Terminographic engineering should also be looked at as the development of the existing rules of terminographic tasks in the direction of mathematical (computerized) specialized activity which applies guidelines and rules created during the praxeological research cycle into the process of terminographic systems creation.

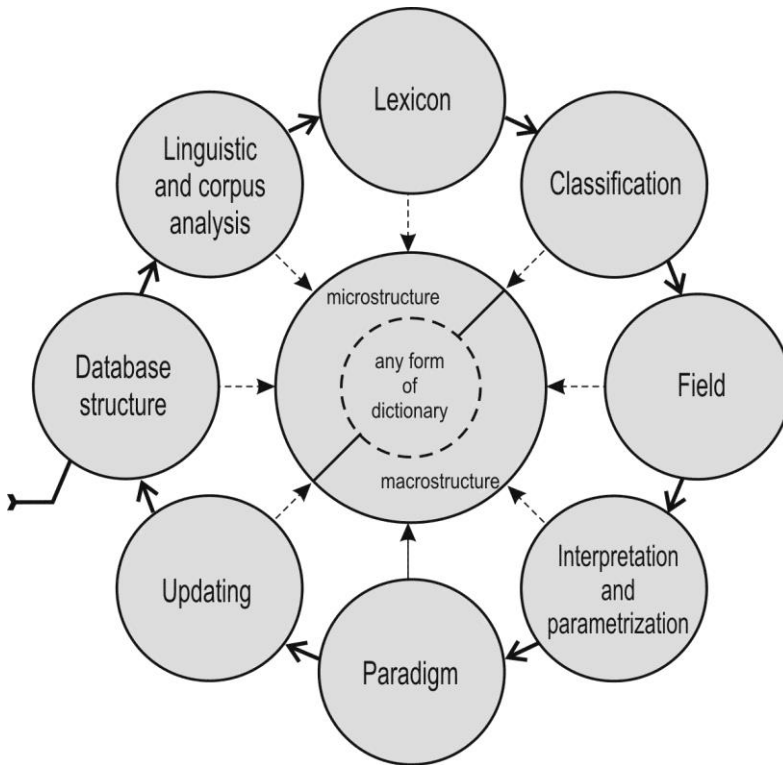
Terminographic engineering may be treated as a secondary activity to terminographic praxeology, since it consists of some practical (technological) tasks such as: designing, constructing, modifying and maintaining cost-effective solutions for practical problems, with the use of scientific and technical knowledge. The experience gained from the process of creating and modifying terminological systems remains an integral element of (feedback for) the improvement in terminographic praxeology.

The entire set of tasks creates at the same time a terminographic system understood here as a process of creating and transforming the universal terminological database, which consists of topically ordered parameters, with the aim to obtain the most effective method for selecting pieces of information depending on the functional needs; these parameters have to reflect the lexical, grammatical and systemic structure of a particular language (including a specialized one). This system can be divided into eight fundamental stages, as presented on Drawing 1.

For the cyclic conceptual arrangement of the terminographic system³ presented above, it was assumed that the lexicographic process shall begin with collecting and developing a text corpus. In the case of some more traditional methods of creating dictionaries, the basic lexicographic process will consist of collecting and processing any printed lexicographic data, verifying the general concept of a dictionary (macrostructure) and defining the aims for the text corpus under compilation⁴.

³ A similar concept for the terminological system was presented in: Karpiński 2012, pp. 95-107.

⁴ cf. Karpiński 2008, p. 72-73.

Drawing 1. Conceptual arrangement of terminographic system.

The macrostructural designing, as mentioned above, consists of such general tasks as:

- a) defining competences of the dictionary author / authors;
- b) defining target audience and the optimum volume of a dictionary;
- c) defining a topical scope, and consequently, the focus of a conceptual database;
- d) defining sources for terminology extraction;
- e) defining target languages in which terminological equivalents of particular entries will be recorded;
- f) developing supplementary elements of a dictionary;
- g) finalizing the database design for the purpose of collecting, analyzing and presenting the lexical material (microstructure).

Any corpus should consist of a significant number of words in order to comply with such requirements as: representativeness, topicality, quality and authenticity. The following product represents a typical corpus size for a dictionary of contemporary Polish:

- a) a number of phrases existing in contemporary Polish (120 000) having on average 3 various meanings;
- b) the phrase representativeness estimated at 50 occurrences;
- c) an average length of a phrase, estimated at 6.2 characters and a quantity factor which takes into consideration spaces in the general number of characters (1.15):

the product $120000 \times 3 \times 50 \times 6.2 \times 1.15$ gives 128 340 000 characters for the dictionary of contemporary Polish. The above can be expressed in a simplified rule for a representative corpus which means: **one dictionary entry to 1000 text characters.**

The beginning of database filling and processing the compiled collection sparks the process of terminographic engineering; on the other hand, it also creates the possibility for some creative modifications of the exiting workshop rules and the search - on the praxeological level - for new methods of analyzing the collected data. All potential modifications of and experiments on the collected material leads to potential conceptual alternations both in the terminographic met language, and in the technological space of a particular database. This correlates with the assumption presented above according to which the hypothetical designing and heuristic verification also lead to the modification in the database concepts and this results in creating of more or less stable derivative concepts of both a primary and secondary nature.

As a logical consequence of the schema outlined on Drawing 1, the terminological and corpus analysis becomes the next stage. The variety of terminological tasks is defined by the following parameters: organizing, harmonizing, regulating, normalizing, standardizing, unifying, codifying and restricting⁵:

- codifying denotes the presence of particular terminological units in the authoritative text corpus; as a result, the collected linguistic material is verified with all the changes, new phrases, and changes in the scope of meaning etc. being registered;
- ordering denotes the process of defining the place of a given terminological lexicon within the system of the available specialized languages which reflect all available types of specialized knowledge together with any potential connections to languages of related fields;
- harmonization denotes the process of comparing terminological data collected in the database with the so-called primary

⁵ cf. Lukszyn, Zmarzer, 2001, pp. 86-89.

- terminological system of a particular language; this leads to the verification of vocabulary, the assessment of corpus topicality, as well as its meaning, the lexical and grammatical compliance with the superior norms; furthermore, this process results in establishing the level of terminologization and differentiation of language units into terms, quasi terms, hypoterms and preterms.
- regulating denotes the application of any terminological recommendations with reference to the use of terminological borrowings, neosemantisms and neologisms, as well as any units originating from the borderline of specialized languages, i.e. jargon phrases;
 - nominalization takes into account international standards and recommendations related to terminology and established by appropriate international and national organizations;
 - standarization denotes the procedure of comparing a terminological collection with an appropriate terminological prototype, i.e. with the model for creating and/or verifying any new phrase units; frequency lists and alphabetic indices created with the use of a particular database may facilitate the process of searching for prefixes and suffixes used in a particular terminology type, and the methods of neologism creation;
 - unification denotes the process of subordinating the collected materials to the rules and norms of a particular language, both from the perspective of formality and meaning;
 - restricting denotes the process of selecting any redundant synonyms and duplicates, ambiguous and occasional terminological units which occasionally occur in specialized languages.

The definition of lexicon, in the context of the terminological system, is strictly preconditioned by the assumption of the dictionary macrostructure (i.e. its general practical concept) and by the accepted typology of dictionaries. In the concept of the terminological system presented herein, a dictionary does not strictly remain the subject of lexicographic undertakings; its type, level of accuracy⁶ and designed application determine only the prompting of particular elements collected for the purpose of a particular record (i.e. a dictionary entry). To meet editorial requirements, the database will produce only data required for example by an explanatory single language dictionary, a trade encyclopedia or a translation dictionary, following a rule according to which the

⁶ cf. Michałowski P., 2004, pp. 196-197 – the classification of dictionaries according to the accuracy factor.

microstructure of a target dictionary (either in an electronic or printed form) corresponds to the accepted norms, i.e. certain parameters of the microstructure will be depicted in a dictionary, depending on its type and application⁷. Due to the design of each database record, which includes practically all known parameters, each traditional dictionary becomes de facto a print-out of the elements constituting a particular database; in the case of an electronic dictionary, the final product will form an interface linked to the content of the database recorded on a data carrier or located on the Internet portal. At this stage, a certain conceptual development of the database took place. It was observed that, if the developed database remains compatible with the algorithms of machine translators, a new application may be found for it; namely, it will provide effective support for the process of automatic translation.

The typological classification of terminology presents a direct reference to the systematicity of specialized languages which is expressed by a set of semantic relations within the environment of primacy, subordination and multilateral matching. This original concept presented herein proposes a modular (module-base) classification⁸ which originates from the methodological assumptions organizing the decision-making processes and from the herein mentioned theory of (large) systems. The application of the systems theory to terminographic tasks seemed obvious due to:

- the direct dependence of the terminological system on the development of a particular discipline;
- taking into consideration by the systems theory a significant number of external factors which are reflected in terminology due to the influence of the related disciplines on the topical scope and the needs of potential users of a particular dictionary;
- the fact that every system has to take into account the requirement of introducing corrections and the constant updating of elements;
- the fact that every system should remain dividable consistently and logically into smaller elements which co-operate with one another.

⁷ cf. C. B. Гринев, 1995, с. 48-51; Lukszyn, Zmarzer, 2001, p. 136, Karpiński 2008, p. 111. The most important parameters include those dealing with registering, formal, etymological, lexical, interpretative, associative, pragmatic, illustrative, graphic, equivalential, functional and classificational. The last parameter is connected with the author's modular classification which allows for a comprehensive and systematized creation semantic maps of terminology in all disciplines.

⁸ Basic assumption of the modular classification and the ways of its development were presented e.g. in Karpiński Ł., 2008.

It can be proved that each logically consistent method of dividing a particular terminological collection into smaller subset should systematize a particular terminology; the modular classification proposes in this respect a 3-level, permanent, sufficient and detachable structure. Each term introduced into this collection will find its own and strictly defined place; and the internal homogeneity of this structure enables the comparison of data from numerous thematic classifications, at the same time extending the possibility of sorting and processing the terminological material.

As a result of classifying the terminology, the obtained structure facilitates a simple method for isolating particular terminological fields which are understood as the subsets of terms thematically related within a larger collection.

The semantic structure of the terminological field may be analyzed thoroughly with the aim to define more precisely the meaning of each element. The changes uncovered while performing terminological tasks have a direct influence on updating the meaning of a particular phrase. In the case of registering definitions in the database, it is important to construct appropriately the description of each term. In order to obtain a collection of features characterizing a particular term, it is necessary to consider all possible means and circumstances of the phenomenon (an object or an abstract) occurrence; this will become easier by "placing" a term in consecutive terminological spaces⁹ [Kaufmann et al. 1975: 93-95]. The proposed gradual "placing" of the term under defining will enable to specify the components of the final definition. The second crucial condition for constructing a definition in compliance with the 4-stage schema, which will allow in the future for generating – with the use of the programs for maintaining the lexicographic database – descriptions which are adequate for a particular type of a dictionary and for the needs of its potential users. The application of an appropriate definition (a predicative, abbreviated intentional definition, a complete intentional definition, or a realistic definition) results in four different accuracy levels of thesauruses which describe a trade terminology [cf. Lukszyn 2001: 103-106].

The second element of the process was created during the modification of the database and while searching for the means of

⁹ The method adapted from: Kaufmann, Fustier, Drevet, 1975, p. 93-95; The development of the defining process was presented e.g. in: Karpiński, 2008; Three mentioned spaces include: the effective space - the social environment within which a given term is considered; the functional space which considers a given term within the context of its application, its function, or the possibilities it offers; and the technological space which looks at a particular phenomenon with the aim to establish its components, how it is constructed and how some undertakings are performed.

describing data so they become compatible with machine translators. From here, only a small step remains to develop basic assumptions for parameterization of terms, which then turned into a simple model for creating digital definitions. The parameterization of terms constitutes an original development based on the Aristotelian perception of the world divided into classes (accidents), while taking into consideration subsequent philosophical criticism and some contemporary possibilities offered by the computational techniques. At the present stage, each class was divided into three sub-classes; each class can take various numerical values depending on how intensified a particular phenomenon is. A multilevel parametric description in the process of translation brings the database closer to a simplified cognitive model: by isolating a particular word (phrase), the algorithm of the software (a machine translator) finds its entry in the database, reads the component parameters which categorize a particular term (which – in the human cognitive processes – can be described as context defining), finds out equivalents in another language within the closest possible structure of analogical parameters. There exists also an alternative proposal: the monitoring of changes in the value of the parameters throughout the entire text, and then applying, or suggesting with the use of the machine translator algorithms, a selection of equivalents which would reproduce roughly any changes of the parameters in the target language. In this case a stronger emphasis is placed on the contextual translation which, within the parametric approach, acquires a new qualitative meaning¹⁰.

The assumption is that the parametric description of the text becomes a procedure carried out by an algorithm prior to the process of translation. This technology may become a type of an “overlap” for the proper translator. The initial analysis, prior to the main translation process, will allow for the recognition of the text style, its emotional features and for the defining of numerical scopes of the remaining parameters. It should be noted, however, that the credibility of the system will always remain proportional to the text length, and the process of parameterization will begin with the texts containing at least a dozen or even several dozen words. The parametric description of texts and of the phrases they contain poses a rather painstaking task requiring a meticulous analysis of text corpora, a comparison of collocations, stylistics, as well as

¹⁰ At present the digital definitions include 27 parameters. The research on the effectiveness of digital definitions is in progress and will become a subject of a separate publication. More in: Karpiński 2012, pp. 21-32.

some categorizing of other terms originating from the lexical and grammatical borderland.

The analysis of the frequency lists obtained from the collected textual material will remain in this case one of the most fundamental tools used to increase the credibility and topicality of the parametric description of terms.

The next stage of the research defines the term of terminological paradigm which denotes a “subset of terms characterized by cohesion in terms of permanent semantic relations occurring between those terms”¹¹. Within the conceptual setting of the terminological system, a paradigm refers also – apart from the features listed already – to constant or newly created collocations contained in texts. The semantic relations registered in the database as a result of analyzing the collected and updated text corpus may undergo certain modifications. Furthermore, as a result of updating terminological tasks, certain assumptions may occur for the verification of the semantic relations, which may lead to some changes in defining and parametrizing, and result in the requirement for the correction of the terminological field and potentially of the remaining elements of the terminological system.

The updating complements the cohesion of the terminological system. Based upon the changes registered in text corpora or in normalizing texts, some alternations can be introduced systematically into databases which emphasize again the advantage of the electronic terminological systems over printed dictionaries. The presence of the updating process in the system of lexicographic tasks remains obvious; hence the postulate for the improvement of programs which will facilitate effective means of discovering any changes in the semantic or formal and grammatical structures of the updated text corpus. Usually these changes result from individual experience (interpretation) of the users of a particular language; the specificity of the direct or broad contexts poses an additional element which influences creatively any development or changes in language. Therefore the lexicographic system should take into consideration all known factors which influence the quality of human communication. These processes finalize the creation of new derivative concepts and consolidate the final concepts – deliberate or additional ones – occurring as a result of the discovery of new - even those unplanned – possibilities which derived from conceptual changes.

A singular process of creating a particular database, depending on the aim it was formed for, may result in the application of some completely

¹¹ *STP*, J. Lukszyn (editor), KJS UW, Warszawa, 2005, p 77.

insignificant modifications at the level of the terminographic engineering; they can also introduce new elements not only into the workshop procedures, but also into the theoretical level of research deliberations.

According to the cognitive assumptions, databases may be transformed into so-called knowledge databases which constitute the basis for the future artificial intelligence systems. Taking advantage of this development for the needs of lexicographic databases seems in this situation indispensable. Consequently, another conceptual transformation of the terminographic system into the lexical and communicative system seems apparent; the latter should be understood as a multilevel, interdisciplinary, cohesive, transformable and evaluating system of defined relations and links related to the material or abstract form of linguistic information having its application into lexicography, machine translation, and neurolinguistics.¹²

The planned perspective of the evolution in the presented herein linguistic and communicative system should increasingly take advantage of the of cognitive science, including cognitive linguistics regarded as a linguistic paradigm which assumes that language is strictly related with mental processes which refer to the process of the world perception. The achievements of symbolic and sub symbolic cognitive science are also important hence the explanation of cognitive processes – based on the characteristics of the neural network – taking place in human brain remains a key subject in the process of modeling "artificial intelligence". One of the most popular paradigms of sub symbolic cognitivism becomes the science which contains patterns and models originating in traditional disciplines of cognitive science, psychology, neurobiology and other numerous sub disciplines of natural science. The symbolic cognitive science is regarded as a discipline which concentrates on the symbolic modeling of the intentionally occurring abstract cognitive functions. This is also connected with such aspects as the processes of decision making, intelligence and self-consciousness in human beings, and intended also for machines.

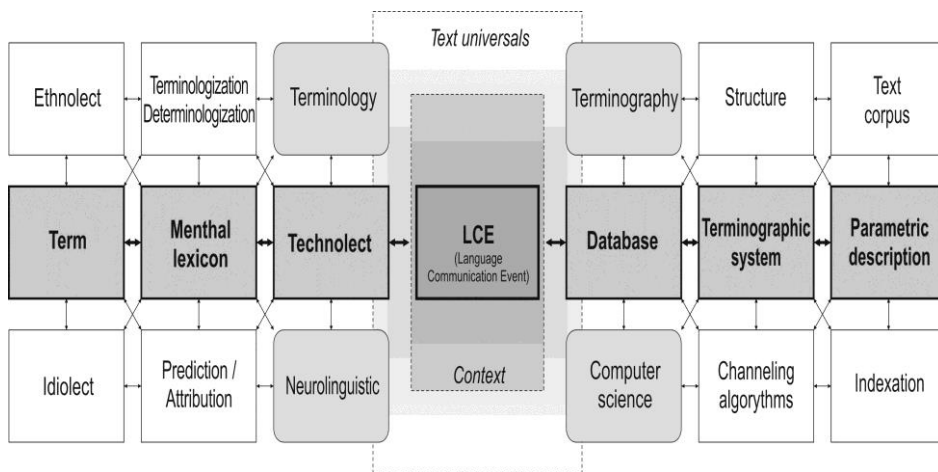
Additionally to the above solutions, it is worth mentioning the evolving communicative system considered universally and occurring between any beings / machines capable of creating messages¹³.

¹² The original research on the origins, development and application of a modified lexical and communicative system will become a subject of another monographic study currently in progress.

¹³ The comprehension process (in the case of living creatures) remains the most important element of LCE (Language Communication Event); it was defined as a process of confronting the data obtained with those recorded in memory resources. This element poses at present the most challenging problem for computer science; in order

The direct (linguistic) and broad contexts, so important for the process of human communication, will be recognized by the machine system as a set of appropriate values of the parameters defining for example the style or emotional characteristics. There are two centers responsible for creating messages, i.e. the mental lexicon which depicts human linguistic resources, and the terminographic system understood here as a collection of data and algorithms the aim of which is to create and update the universal terminological database. Furthermore, on one side the ethnolect poses a coding backstage for the messages under creation and coding; on the other hand, the machine algorithms will obtain certain information (binary) from the existing database which contain traditional and digital, parameterized definitions of the analogs of ethnolectal forms. On the other hand, idiolects – traditionally understood as an individually developed language of a human – should meet its machine analog in the form of parametric indices, entered into the database, which describe in the digital form the semantic and stylistic changes. The entire communicative system remains mutually preconditioned by four disciplines: terminology, terminography, neurolinguistics and computing (algorithmic in particular). Additionally, broad context universals shall be regarded – not only for specialized languages - as text qualities which determine the essence of this text as a language product existing within the system of professional communication. A text (including a specialized one), which serves the role of consolidating and communicating a defined amount of (professional) information, is characterized by its constructive content such as the formal signs to mark the beginning and end of the communiqué. The studies conducted on the universal features of specialized texts are directly related to the idea of changeability in the scientific paradigms and in the cultural preconditioning of cognitive styles [cf. STP: 119]; By contrast, the linguistic context is understood as a proximity of a particular linguistic unit, element or a set of elements occurring within the text, directly prior to that unit or just after it, necessary to define and to understand its meaning [therein: 56-57]. The conceptual schema of the universal communicative unit: human – machine – human is presented on Drawing 2.

to solve it some efficient software must be designed which will allow the machine to create and communicate appropriate data. This issue – in reference to the theoretical description of communication along the “human-machine” line – was discussed in the paper: Karpiński Ł., 2012a, *Analiza parametryczna tekstu a translacja maszynowa – wybrane zagadnienia*, [in:] „The Linguistic Academy Journal of Interdisciplinary Language Studies”, Volume 2, 2011/2012, pp. 103-114, and in Karpiński Ł., 2013, *Uniwersalne wydarzenie komunikacji językowej na tle klasyfikacji modułowej*, [in:] „Language and Literary Studies of Warsaw”, Volume 3/2013, pp. 199-210.

Drawing 2. Conceptual schema of universal communicative system

Both potential participants of the communicative process show extensively significant analogies in their undertakings. Human memory shall be regarded as an unmatched model of associating, however, due to that fact it is burden with a certain type of fallibility. On the other hand, computer technology offers increasingly larger volumes of artificial memories. The development of communication technologies in this respect provides another direction in the development of robotics. By providing some theoretical background and appropriate software dedicate to the process of recording new entries in memory fields containing encrypted terms, a breakthrough will be made in the approach to the issue of “artificial intelligence”. The simulation of the human processes of channelling thoughts in the brain and of activating certain neural zones with the aim to decode, understand and conclude remains at present the subject of studies conducted by IT specialists, linguists and biologists [Pulvermuller 517-524]. The progress taking place in this discipline is so fast that what until now seemed to be the domain of science fiction, now turns into an everyday occurrence.

The process described above may also take place without any dialogue-like exchange of information. In such a case, the process of information exchange is replaced with the cognitive, internally analytic search for new logical combinations of distinctive features. The initially impermanent concepts that occur as a result of analyzing a particular object or terms may gradually become rightful concepts of a particular unit, as a result some

further undertakings, and may be transferred to other humans in the communicative process¹⁴.

The above examples were presented herein with the aim to disclose a wide research spectrum and numerous interdisciplinary connections occurring within the lexical and communicative system which constitutes a multidimensional and evolving entity; furthermore its constituting elements, although presenting a different qualities and entering various relations, remain an intentional integrated entity comprising the problems of general and specialized communication, the methods specific from terminology and lexicography, as well as of electronic databases and corpus studies. It is worth mentioning here that it originates from the initial rules of lexicography, which along with the development of various research and practical tools, eventually were transformed into the terminological procedures and tasks, into databases, and further on into terminographic, as well as lexical and communicative systems.

Yet the evolution still continues; the advancement in science remains irreversible. It remains to be seen in the nearest future what form of a database will be applied in the process lexicographic designing.

Literature

Dietrych J., 1968, *Konstrukcja i konstruowanie*, WNT, Warszawa.

Dietrych J., 1985, *System i konstrukcja*, WNT, Warszawa.

Doroszewski W., 1982, *Język. Myślenie. Działanie. Rozważania językoznawcy*, PWN, Warszawa, 1982.

Duch W., 2009, *Reprezentacje umysłowe jako aproksymacje stanów mózgu*, [in:] „Studia z Kognitywistyki i Filozofii Umysłu”, vol. 3, pp. 5–28.

Hall A.D., 1968, *Podstawy techniki systemów. Ogólne zasady projektowania*, PWN, Warszawa 1968.

¹⁴ The simulation of machine recorded description of terminological changes will pose a subject for another study. An initial set of basic algorithm rules was established; an appropriate software for simplified simulating of machine recorded parametric and semantic changes.

Karpiński Ł., 2007, *Jednostki języka specjalistycznego w aspekcie statusu terminologicznego*, [in:] „Linguodidactica”, t. XI, Uniwersytet w Białymstoku, Białystok, pp. 63-74.

Karpiński Ł., 2008, *Zarys leksykografii terminologicznej*, KJS UW, Warszawa.

Karpiński Ł., 2011, *W kwestii statusu terminologicznego hipotermínu w językach specjalistycznych*, [in:] „Linguodidactica”, t. XV, Uniwersytet w Białymstoku, Białystok, pp. 89-100.

Karpiński Ł., 2012a, *Analiza parametryczna tekstu a translacja maszynowa – wybrane zagadnienia*, [in:] „The Linguistic Journal of Applied Linguistics”, (eds.), Lingwistyczna Szkoła Wyższa w Warszawie, Warszawa, pp. 199-210.

Karpiński Ł., 2012b, *Od słownika do systemu terminologicznego*, [in:] „Linguodidactica” 2012, t.XVI, Uniwersytet w Białymstoku, Białystok, pp. 95-108.

Karpiński Ł., 2013, *Uniwersalne wydarzenie komunikacji językowej na tle klasyfikacji modułowej*, [in:] „Language and Literary Studies of Warsaw”, Volume 3/2013, pp. 199-210

Kaufmann A., Fustier M., Drevet A., 1975, *Inwentyka. Metody poszukiwania twórczych rozwiązań*, WNT, Warszawa,

Lukszyn J., *Termin i system terminologiczny w świetle praktyki terminograficznej*, [in:] «Języki specjalistyczne», t.1, KJS UW, Warszawa, 2001, pp. 7-25.

Lukszyn J., Zmarzer W., 2001, *Teoretyczne podstawy terminologii*, WLSiFW, Warszawa

Michałowski P., 2004, *W poszukiwaniu idealnego modelu słownika terminologii przedmiotowej*, [in:], „Języki Specjalistyczne”, t.4, KJS UW, Warszawa, 2004, s. 193-201.KJS UW, Warszawa

Miodunka T., *Podstawy leksykologii i leksykografii*, Warszawa

Pulvermuller F., 2001, *Brain reflections of words and their meaning*, [w:] “TRENDS in Cognitive Sciences”, Vol.5, No.12 December 2001, s. 517-524.

STP = Słownik Terminologii Przedmiotowej, 2005, J. Lukszyn (eds.), KJS UW, Warszawa.

Гринев С. В., 1995, *Введение в терминографию*, Московский педагогический университет, Москва, с. 48-51.

EWOLUCJA BAZ DANYCH NA TLE KONSTRUOWANIA LINGWISTYCZNEGO

Kompilacja współczesnych słowników nie mieści się już w tradycyjnym zbiorze czynności wydawniczych, a opisywane w artykule prakseologia terminograficzna i inżynieria terminograficzna obejmują teorię i praktykę tworzenia słowników, zawierającą zarówno działy stricte językoznawcze, informatykę, logikę oraz ekonomię i handel jak i zagadnienia edycji, poligrafii, fotografii, filmu i szeregu innych gałęzi odpowiedzialnych za multimedialną oprawę słowników.

Także opracowanie samej koncepcji dowolnego słownika to obecnie poważna operacja z ekonomicznym podtekstem i opiera się na sformułowaniu jego ogólnej idei, ukierunkowaniu go na określonego odbiorcę, określeniu bazy konceptualnej i szeroko pojętej harmonizacji danych. Kolejnym elementem planowania makrostruktury jest odpowiedni dobór elementów mikrostruktury słownika – a więc czy rejestrowane będą elementy charakterystyczne dla słownika językowego, encyklopedycznego, dydaktycznego czy terminologicznego, jakiej objętości i typu (przekładowy, etymologiczny, minimum, frekwencyjny itd.) będzie ten leksykon oraz na ile jednostek hasłowych jest on szacowany. Ramowe ustalenie granic opracowywanej dziedziny wiedzy daje w efekcie precyzyjne dane wejściowe słownika, które dawniej rejestrowało się na papierowych kartach terminologicznych, a obecnie - w postaci (elektronicznej) bazy danych.

Artykuł zawiera szkic informacji poświęconych opisanym wyżej problemom, starając się przy tym odpowiedzieć na kilka istotnych z punktu konstruowania leksykograficznego pytań.

MAREK ŁUKASIK*Pomeranian University in Słupsk*

COMPILING A CORPUS FOR TERMINOGRAPHIC PURPOSES

This article presents preliminary considerations on the compilation of a specialised corpus for terminographic¹⁵ purposes. It is assumed that the reader is already acquainted with the fundamental concepts related to corpus linguistics, and therefore these will not be discussed here. Some basic notions and methodology have been thoroughly introduced in literature, for example by Bowker, Pearson, 2002; McEnery, Xiao., Tono, 2006; McEnery, Wilson, 1996/2001; Stubbs, 2004; Sinclair, 2003; Sinclair, 2004, among other authors.

1. Corpus revolution in lexicography

The usefulness of corpus methodology in linguistic research is undoubtful, despite some continuing criticism, for example from Noam Chomsky and his followers [cf. Béjoint 2010: 350]. Yet, the use of corpora has gone far beyond studying the behaviour of lexical items in large chunks of text: these large collections of texts are now used in more practical applications, including translation studies, machine translation, discourse analysis (as used in e.g. psychotherapy), second language acquisition, forensic linguistics, automated response systems, automatic speech recognition and synthesis, and lexicography [see McEnery, Xiao, Tono 2006: 80-116; Somers, 2003; Mel'čuk, Wanner, 2001; Wu, 2005; Young, Bloothoof, 1997, Stiles 1987, among others]. In fact, corpus approach is now the preferred method used in dictionary-making [see e.g. Baňko 2001: 13; Hanks 2003:

¹⁵ The term 'terminography' is used here synonymously with the term 'specialised lexicography'.

52; L'Homme 2003: 404], and the significance of the introduction of corpora to the art and craft of dictionary-making could aptly be called *The Corpus Revolution in Lexicography*, following the title (and content) of an article published in *International Journal of Lexicography* by Patrick Hanks [Hanks 2012]. To realise the omnipresence and significance of corpora in dictionary making, one may wish to consider the following paragraph on the use of the computer in lexicography, excerpted from a handbook titled *The Lexicography of English. From Origins to Present* by Henri Béjoint:

The computer is now used in all dictionary projects, sometimes for very simple tasks but sometimes in highly sophisticated ways. Its advantages are well known: it can treat huge quantities of information in much less time than humans, it is perfectly accurate, consistent, and free from the bias that humans often introduce. [Béjoint 2010: 349].

The proof of the corpus domination in lexicography is to be found in existing dictionaries. The fact that most lexicographers' dream has come true is confirmed by Tony McEnery, who states that

[...] the challenge nowadays with English dictionaries – certainly in Britain – is to find a dictionary which has not been produced using corpus data. English dictionaries – irrespective of whether they're aimed at those who are learning English or those who have English as a native language – are now almost certainly based on corpus data [McEnery 2014: online¹⁶].

This is because corpora may prove helpful in many dictionary undertakings. Landau provides a brief overview of these:

There is scarcely any area of dictionary work where a corpus cannot provide important evidence for the lexicographer. The corpus is of great value in deciding on the word list and on the form of each entry. It is vitally important in defining, first in determining the sense breakdown if the word is polysemous and then in discovering more particularly how best to define each sense. [Landau 2001: 305]

Undoubtedly, there are many more uses of corpora in dictionary-making, not to mention specialised dictionary-making. These will be discussed mentioned in the following sections and described in detail in the follow-up paper.

¹⁶ A lecture (Week 1, part 5) for participants of an online course offered by Lancaster University titled “Corpus linguistics: method, analysis, interpretation”, available on FutureLearn platform from 27 January till 24 March 2014 <www.futurelearn.com>, access date: 3 February 2014.

2. Introspection and corpora

The huge quantities of information Béjoint mentions may be either pre-processed corpora (or even raw texts yet to become a corpus) or finished lexicographical databases. To manage the amounts of data typical of an average lexicographic project, a human would require years, while the computer can do it in just minutes. Yet, the benefit of using corpora in lexicography stretches far beyond the swiftness of data processing, with the major advantage of incorporating corpora in lexicographic/terminographic work being objectivity of the results obtained. As it turns out, humans are not so good at reporting their own linguistic behaviour and when asked to give examples of usage, they invent utterances which are far from natural use of language in a communicative situation [Hanks 2012: 404]. That is why Hanks calls introspection “dangerous when used as a source of invented evidence, although necessary for the interpretation of real evidence [ibid.: 407].

It can be argued that the role of the corpus method in specialised dictionary-making is even more important. As Bergenholtz and Tarp emphasise

The fact that so many existing LSP dictionaries contain imprecise and sometimes even incorrect information, leaving out important details, undoubtedly has to do with the precariousness of the introspective method [Bergenholtz, Tarp 1995: 93].

If a specialised dictionary is to transfer specialised knowledge without any quality loss, there is no room for inconsistency, factual error or bias. As such, these could precipitate faulty macro-, medio-, and microstructure of a specialised dictionary, such as gaps in the word list (which could lead to erroneous, i.e. selective coverage of the underlying conceptual structure, and hence distorting professional knowledge), incomplete cross-referencing, faulty definitions, deficient linguistic information (e.g. incorrect grammatical tags, incomplete collocational patterns, etc.), unnatural (and possibly non-existent) entry word (term) usage examples, etc. The revolution, therefore, has had to take place in terminography to fulfil the strict criteria of objectivity and preciseness in specialised dictionary-making.

3. Corpus-based vs. corpus-driven approach

There are two approaches to using corpora in dictionary making¹⁷, namely corpus-based lexicography and corpus-driven lexicography. Henri Béjoint defines the two in the following manner:

In corpus-based lexicography, the corpus is used to test and exemplify the lexicographer's hypotheses; in corpus-driven lexicography, every piece of information is drawn from the corpus without pre-conceived ideas. [Béjoint 2010: 357].

Hanks advocates the corpus-driven approach in lexicographic work, since “corpus-based research seeks to support preconceived theories with judiciously selected examples from the corpus”, while “corpus-driven research [...] attempts to approach corpus evidence with an open mind to formulate hypotheses and indeed, if necessary, a whole theoretical position on the basis of the evidence found” [Hanks 2012: 417, emphasis mine – M.L.]. One cannot but agree more, especially as the lexicographer deals with the linguistic material (texts) which he/she has to arrange into a dictionary, without overimposing any presumptions on the material itself. Doubts may arise in the case of onomasiological approach to dictionary-making, for example while compiling a terminological thesaurus. However, even here, the terminographer should abandon his/her preconception of word classes, categories and relations and discover them in the existing body of linguistic material.

4. Use of corpora in specialised dictionary-making

The scope of corpora use in specialised dictionary-making is primarily conditioned by the steps the terminographer has to take in order to compile a specialised dictionary. Assuming that the terminographer is not a field-specialist and starts his/her dictionary project from scratch, these steps are as follows:

- a) familiarising oneself with the field, terminology of which is supposed to be included in the dictionary,
- b) identifying the boundaries of the specialised field,
- c) selection of texts for the corpus, i.e. corpus compilation,
- d) identification of potential terms for a dictionary word list,
- e) corpus data analysis (and excerption of collocations, exemplary usage, definitions, etc.),

¹⁷ This division (i.e. *corpus-based* and *corpus-driven*) also holds for other studies utilizing corpus methodology [cf. McEnery, Xiao, Tono 2006: 8-11].

- f) preparation of specialised dictionary entry [Bowker 2003: 162-163; Czerni 1977: 37-41; Łukasik 2010: 105-132; Lukszyn—Zmarzer 2006: 134-135].

The above provisional list could be extended (e.g. by including substages, such as creation of terminological (or terminographic) database or post-editing), yet for simplicity reasons it will be kept short here. In the following paragraphs some issues connected with the compilation of a specialised corpus will be presented, while other uses of corpora in terminography will be presented in the follow-up article.

5. Corpus compilation

Undoubtedly, the lexicographer compiling a general (=not specialised) dictionary can make use of an existing corpus for the purposes of dictionary-making. In several countries researchers have collected huge repositories of text data and built national corpora¹⁸, which would be perfectly-suited for this type of task. Yet, the availability of specialised corpora is limited, hence terminographers have to compile their own collections of texts. As with any corpus, it has to meet certain criteria, influenced, *inter alia*, by the type of dictionary to be compiled.

5.1. Choice of texts

In fact, the terminographer's adventure with corpora starts with the selection of texts for the future corpus. This step, however, must be preceded by two previous steps (as listed above)¹⁹, as it requires certain level of field-specific expertise or consultation with a field specialist so as to maintain appropriate quality of the texts collected for the validity of the corpus data. The corpus to be compiled is not just a collection of any texts from specialised literature. As Lynne Bowker writes “[c]are must be taken to evaluate the quality and appropriateness of the texts to be included in the corpus as well as to ensure that the range of texts selected will provide adequate coverage of the field in question.” [Bowker 2003: 162, emphasis mine – M.L.]. The quality and appropriateness of texts means that the content to be included in our specialised corpus must represent the style and value of main-stream academic writing of a given field if the dictionary

¹⁸ Examples of which include The British National Corpus, American National Corpus, Corpus of Contemporary American English, The National Corpus of Polish, Russian National Corpus, The Czech National Corpus, among other corpora.

¹⁹ Due to limitations of this paper, these will not be discussed here.

is to disseminate quality professional knowledge²⁰. Fulfilment of this requirement seems even more important in the era of the Internet, when anyone can publish anything online.

Jennifer Pearson, reporting on corpus design for a terminological study, lists some features that the texts to be included in the corpus need to have in order to be of proper value for the project. These include the property of texts being:

- a) written (as spoken texts have to be transcribed, which may lead to deformation of professional message),
- b) published (this will validate the reliability of the material, especially if the publishing house ranks high),
- c) produced by an acknowledged individual or institution,
- d) factual (i.e. representing what is known to exist, or believed to exist) [Pearson 2003: 60].

From the perspective of specialised dictionary-making the above list has to be broadened to include one more feature, namely that the texts to make up the corpus must be characterised by a proper (=high) degree of lexical density and proper (=high) level of terminologisation. Put simply, such texts should be term-rich ones [Pearson 1998: 48]. However, one has to bear in mind that high level of terminologisation, understood as a relatively high number of (unique) terms per a number of tokens, is only one of the measures which define the specialised text based on the terminological parameter. Another is the degree of specificity of terms used in the text, directly influencing the 'amount of knowledge' a given specialised text conveys [Lukszyn 2002].

Since the corpus to be compiled is intended to serve a terminographic purpose, the texts included must provide valuable and sufficient terminographic data for a given dictionary project. The underlying idea is that depending on the type of the specialised dictionary, the corpus should include specific kinds of professional texts. To meet the different terminographic criteria, the texts collected should have gone through so-called terminographic filters (i.e. individual, explicit requirements, such as genre type, term density and specificity, presence of various linguistic and extralinguistic features, etc.) [Łukasik 2005: 156-157], which would help evaluate their usefulness (or quality and appropriateness as Bowker puts it). For example, if the goal is to compile a dictionary that would register the development of a given branch by way of terminology, then the up-to-

²⁰ However, some terminographic projects may envisage representation of idiosyncrasies, for example in a terminological dictionary of a given scientist.

dateness of term-rich texts will not be the most desired feature of such texts. Rather an appropriate and consistent choice of text genres and equal distribution of texts published in particular years will be more sought for. Or if the purpose is to register collocational patterns of terminology of a given branch, say technology, then texts such as component lists or catalogues will not serve the purpose.

An issue closely connected with the above considerations is whether the corpus should include samples of texts, parts of texts or full texts. There is no simple answer to this question, yet one has to remember that the corpus has to be tailored to the needs of the researcher using it in a particular study. Sampling is the desired method for large corpora aimed at being representative of a language in its entirety, simply because “the quantitative analysis of sampled corpus does allow for its findings to be generalised to a larger population” [McEnery, Wilson 1996/2001: 76]. Conversely, a corpus composed of specific parts of texts, for example introductions to scientific papers, and hence not balanced, may serve specific research needs, such as searches concerning specific lexical items. However, it could be argued that for most terminographic projects sampling or selection of specific parts of any written work for the corpus might not be as useful: various data important from the perspective of terminographic work may be distributed in different parts of a text. By way of example, let us assume that a terminographer is interested in excerpting definitions from a specialised corpus. The common sense tells us that when a term is introduced for the first time in a text, it is occasionally explained, and that such explanations are more likely to be provided in the early section of a publication [Pearson 1998: 59]. Hence, if we were solely interested in definitions, selection of initial chapters of a textbook or the first few paragraphs of consecutive chapters would constitute an appropriate procedure. However, as Pearson argues, “explanations are very often provided throughout the publication” [...] and “in an introductory textbook, simple terms may be explained in the early chapters and more complex terms introduced and explained in the later chapters” [ibid.]. If sampling were to be used in case of scientific research papers, it again could result in the corpus being incomplete and yielding results far from being representative (or providing no results at all). The problem here lies with the rigid structure organising the contents of research papers published in English and represented by the acronym IMRaD (for Introduction, Methods, Results and Discussion). In such a case, even if sampling were to be undertaken within each of the sections of a scientific paper or within chapters of a textbook or a monograph, and then consistently throughout all texts collected, it could provide selective coverage of the features of the

specialised language in question. Taking the above into consideration it seems more reliable to include full texts in the corpus for terminographic purposes. This is even more justified in the light of the words of Sidney Landau, who emphasises that “[a] corpus is always a selection and can only represent the speech and writing of those transcripts and texts that are selected” [Landau 2001: 321]. If selection of textual data becomes too narrow, then the paucity of lexicographic/terminographic data may render dictionary compilation impossible.

5.2. Size matters

Or, at least, it does in corpus linguistics. However, does it matter that much? The answer is relative and should be considered against the background of the purpose for which the corpus for terminographic purposes is compiled. If the corpus is to be of universal use, i.e. utilised to extract as much data from it as possible, regardless of the specialised dictionary project, then, surely, the bigger the better. So how big? Bergenholtz and Tarp quote 500,000 text words in a corpus compiled for lexicographical description of American gene-technology usage as being sufficient for the purpose [Bergenholtz, Tarp 1995: 95]. According to Pearson “[a] corpus consisting of ca. one million words is the size usually selected for special purpose corpora” [Pearson 1998: 56]. The researcher, however, promptly adds that “[i]t is likely that the best practice, even for the compilation of special purpose corpus, is to aim to compile as large a corpus as possible [...]” [ibid.: 57]. This, in fact, could make up for poor representativeness (where limited resources are available). Nevertheless, some researches disagree and, just like Rundell does, emphasise the need to strive for maximum efficiency in extraction and utilisation of corpus data:

The focus in corpus lexicography has begun to move away from issues such as the size and composition of corpora (which preoccupied us in the 1980s and 1990s) towards the newer challenges of how best to extract lexicographically relevant information from very large text databases. [Rundell 2002: 140 after Béjoint 2010: 351].

One of the methods to achieve the goal is to compile a corpus precisely matching the needs of the terminographer. The useful notion here is the degree of corpus closure or saturation. This will be discussed below.

5.3. Representativeness

Many authors emphasise the need for the corpus to be representative [McEnery, Wilson 1996/2001: 75; cf. Bergenholtz, Tarp 1995: 94]. This in particular concerns large general language corpora, aimed to represent the language in its entirety. Representativeness is chiefly achieved through proper ballancing of the corpus, i.e. maintaining an appropriate proportion of texts across various genres so that they represent natural proportions found in the language, and through sampling procedures. However, these proportions have not been defined and, as such, should be considered in relative terms [McEnery, Xiao, Tono 2006: 21]²¹. Maintaining representativeness in a specialised corpus is also attainable as specialised languages also produce text genres that can be more or less precisely identified and sampled. However, there are additional limitations to sampling of specialised texts (as discussed above) and, therefore, the quality of being representative should be considered in even less absolute terms. Taking the purpose into account, specialised corpora for general terminographic analyses should be representative, of course as far as it is possible. On the contrary, specialised corpora for specific terminographic analyses, such as for a particular terminographic task, e.g. for extraction of collocations from medical reports) will include only a selection of text genres, not necessarily sampled ones.

An aspect worth mentioning on the margin of representativeness is the frequent exclusion of popular texts from the specialised corpora, on the grounds that these texts are not professional enough (or, linguistically speaking, their level of terminologisation and the specificity does not match the pre-set criteria). Yet, given the fact that each such text is in fact a term-carrying text and as such can be useful in specialised dictionary compilation, their exclusion from the corpus seems unwarranted. Again, the decisive factor is the aim of terminographic work, which may e.g. concern compilation of a didactic terminological dictionary. In such a case, it is highly probable that popular texts will include explanations that are comprehensible for laymen and therefore useful when extracting terminographic data for definition compilation. Sometimes popular texts are the only texts available to the terminographer or the only genre produced in a given language community²², which leads us to the conclusion that these texts should not be excluded from the corpus. Besides, the requirement of representativeness would be violated if we

²¹ In fact, each corpus or corpus family has different genre proportions.

²² This may happen if professional (expert) texts are published in a language other than the mother tongue.

excluded such texts from specialised corpora compiled for general purpose (so aimed at representing a specialised language in its entirety).

In specific applications the parameter of corpus closure/saturation may be of greater value than the notion of representativeness. This is certainly the case with corpora for lexicographic purposes. “Closure for a particular feature of a variety of language means that is tending towards being finite” [McEnery, Wilson 1996/2001: 166]. For example, high level of lexical closure (saturation) of a corpus means that at certain point (i.e. having achieved a specific number of tokens in a corpus) addition of new text segments to the existing corpus does not significantly change the number of new lexical units per segment. Closure (saturation) may involve such elements as terminology, collocations, specific syntax patterns, etc. It is especially useful in the process of compiling a corpus for terminographic purposes, however, caution is necessary when the corpus is to be used for large dictionary projects, aiming to extract various types of data from the corpus. Sometimes the project requires the representation of the unique, such as, for example, neologisms. In such instances the saturation parameter should be applied with caution or dropped altogether. It is, nevertheless, an organising measure which may help compile a representative corpus, especially when paralleled with a corpus compilation technique known as cyclical text corpus compilation [Bauer, Aarts 2003: 29]. In this procedure the first step preceding the actual creation of the corpus is theoretical analysis, whereby the usefulness of the text corpus in a given study is researched. Next a pilot study is undertaken so as to verify the theoretical assumptions. This is followed by precise design of the corpus, when corpus parameters are set, text genres are chosen, size defined, and sources confirmed. Then the first corpus segment is compiled and analysed. On the basis of the analysis a modified set of parameters is developed, which then serves as the basis for the compilation of another corpus segment. The procedure allows for the continual quality control, elimination of inappropriate (faulty) corpus segments (e.g. lexically or terminologically inappropriate) and control of the saturation level of the corpus.

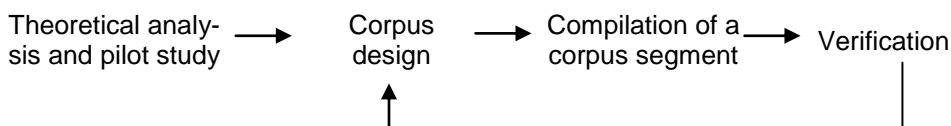

Fig. 1 Compilation of a corpus as a cyclical procedure [Bauer, Aarts 2003: 29].

Adoption of the cyclical procedure in corpus compilation may in fact mean that in some cases the corpora compiled do not have to be as large as they would have to be without any control instrument. Moreover, consistent application of the procedure may in fact be very useful when compiling a monitoring corpus. This is especially important in case of a corpus used for the creation of a terminological database. The corpus is always in a state of being developed, which corresponds well with the requirement that the database be continually updated so as to represent the most up-to-date professional knowledge.

6. Conclusion

Corpus linguistics has undeniably changed the methods of linguistic analysis. This corpus revolution has also had great impact on lexicography. The contention, shared by many researchers, is that “[i]n the long run, the widespread use of corpora in lexicography will vastly improve the quality of dictionaries” [Landau 2001: 340]. This also involves terminological dictionaries, hence the need for specialised corpora created for the purpose of specialised dictionary-making. However, there are numerous aspects that have to be taken into consideration before venturing to compile one. This article aimed to bring to light some of the fundamental issues connected with the compilation of specialised corpora for terminographic use.

References:

Bańko M., 2001, *Z pogranicza leksykografii i językoznawstwa*, Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa.

Bauer M.W., Aarts B., 2003, *Corpus Construction: a Principle for Qualitative Data Collection*, [w:] Bauer M. W., Gaskell G. [eds.], *Qualitative Researching with Text, Image and Sound. A Practical Handbook*, London-New Oaks-New Delhi: Sage Publications.

Béjoint H., 2010, *The Lexicography of English. From Origins to Present*, Oxford University Press, Oxford.

Bergenholtz H., Tarp S. [red.], 1995, *Manual of Specialised Lexicography*, John Benjamins, Amsterdam, Philadelphia.

Bowker L., 2003, *Specialised lexicography and Specialised Dictionaries*, [in:] P. van Starckenburg [ed.], *A Practical Guide to Lexicography*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Philadelphia, pp. 154-164.

- Bowker L., Pearson J., 2002**, *Working with Specialized Language. A practical guide to Using corpora*, Routledge, London
- Czerni S., 1977**, *Słowniki specjalistyczne*, Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, Warszawa.
- Grucza S., 2007**, O konieczności tworzenia korpusów tekstów specjalistycznych, [in:] S. Grucza et al. [red.], *W kręgu teorii i praktyki lingwistycznej*, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa, pp. 103-122.
- Hanks P., 2003**, *Lexicography*, [in:] Mitkov R. [ed.], *The Oxford Handbook of Computational Linguistics*, Oxford University Press, Oxford, pp. 48-69.
- Hanks P., 2012**, *The Corpus Revolution in Lexicography*, "International Journal of Lexicography", Vol. 25, No. 4, pp. 398-436.
- Landau S., 2001**, *Dictionaries. The Art and Craft of Lexicography*, Cambridge University Press, Cambridge.
- L'Homme M-C., 2003**, *Capturing the lexical structure in special subject fields with verbs and verb derivatives. A model for specialized lexicography*, „International Journal of Lexicography”, Vol. 16, No. 4, pp. 403-422.
- Lukszyn J. [ed.], 2002**, *Języki specjalistyczne. Słownik terminologii przedmiotowej*, Katedra Języków Specjalistycznych Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa.
- Łukasik M., 2010**, *Teksty specjalistyczne a konstruowanie terminograficzne*, Wydział Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa (unpublished doctoral thesis).
- McEnery T., Wilson A., 1996/2001**, *Corpus linguistics*, Edinburgh University Press, Edinburgh.
- McEnery T., Xiao R., Tono Y., 2006**, *Corpus-Based Language Studies. An advanced resource book*, Routledge, London-New York.
- Mel'čuk I., Wanner L., 2001**, *Towards a Lexicographic Approach to Lexical Transfer in Machine Translation (Illustrated by the German-Russian Pair)*, „Machine Translation”, No. 16, pp. 21-87.
- Pearson J., 1998**, *Terms in Context*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Philadelphia.
- Sinclair J., 2003**, *Corpus Creation*, [in:] Sampson G., McCarthy D., [eds.], *Corpus Linguistics. Readings in a widening discipline*, Continuum, London-New York, pp. 78-84.
- Sinclair J., 2004**, *Trust the text: language, corpus and discourse*, Routledge, London, New York.
- Somers H., 2003**, *Machine translation: latest developments*, [in:] Mitkov R. [ed.], *The Oxford Encyclopedia of Computational Linguistics*, Oxford University Press, Oxford, pp. 512-528.

Stiles, W.B., 1987, *Verbal response modes as intersubjective categories*, [in:] R. L. Russell/ [ed.], *Language in Psychotherapy. Strategies of Discovery*, Plenum Press, New York/London: pp. 131-170.

Stubbs M., 2004, *Language Corpora*, [in:] A. Davies, C. Elder [eds.], *The handbook of Applied Linguistics*, Blackwell Publishing, Malden-Oxford-Carlton.

Wu D., 2005, *MT model space: statistical versus compositional versus example-based machine translation*, „Machine Translation”, Vol. 19, pp. 213-227.

Young S., Bloothoof G. [eds.], 1997, *Corpus-Based Methods in Language and Speech Processing*, Kluwer Academic Publishers, Dordrecht-Boston-London.

TWORZENIE KORPUSU DLA CELÓW TERMINOGRAFICZNYCH

W artykule poruszona została problematyka kompilacji korpusu tekstów specjalistycznych dla celów terminograficznych. Nie ulega wątpliwości, że metody korpusowe zrewolucjonizowały badania lingwistyczne, w tym pracę leksykograficzną, dzięki czemu możliwe staje się odrzucenie intuicji badacza (leksykografa) i zwrócenie się ku danym empirycznym. Jednak pomimo wielu istniejących korpusów tekstowych języka ogólnego, korpusy tekstowe języka specjalistycznego są nadal rzadkością. Stąd w przypadku chęci zastosowania metody korpusowej w pracy terminograficznej, niezbędne staje się zgromadzenie własnego korpusu. W pracy rozważane są m.in. cechy tekstów tworzących korpus dla celów terminograficznych, wybrane problemy związane z jego kompilacją, reprezentatywność, rozmiar oraz metoda jego rozbudowy w oparciu o procedurę cykliczną. Niniejszy tekst stanowi zapowiedź kolejnego artykułu, w którym szczegółowo zilustrowane zostaną sposoby wykorzystania korpusów tekstów specjalistycznych w warsztacie terminografa.

ПЕТР МИХАЛОВСКИЙ

Варшавский университет – Факультет прикладной лингвистики

ПРИНЦИПЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ДВУЯЗЫЧНОГО ПРЕДМЕТНОГО ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ – ТОРГОВО-ФИНАНСОВАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

Целью настоящей статьи является представление концепции микроструктуры, которую можно применить для конструирования двуязычных предметных терминологических словарей (ПТС) разных областей знаний (с необходимыми модификациями). Словарем, созданным при помощи представляемого типа микроструктуры, смогут пользоваться как специалисты в данной области, так и начинающие участники профессиональной коммуникации. Иначе говоря, такой словарь является одновременно специальным и учебным.

В настоящее время, в связи с международным характером научной и профессиональной деятельности, наблюдается необходимость выравнивания уровня знаний специалистов во всем мире, а также обмена профессиональной информацией и опытом. Таким образом, создание двуязычных терминологических словарей всех областей знаний является сегодня актуальным заданием. С другой стороны, необходимо помнить о том, что такие словари должны отвечать потребностям адресатов, а также адекватно и объективно представлять терминологию данной отрасли. Несмотря на то, что в последние годы в Польше издается очень много терминологических словарей разного типа (в т.ч. двуязычных), их качество оставляет желать лучшего. Многие из словарей страдают различными недостатками, которые дисквалифицируют их пригодность, на нынешнем этапе развития как терминографии, так и описываемых дисциплин. Таким образом, разработка разных типов микроструктур, отвечающих отдельным областям знаний (представляемым в терминологических словарях) является необходимой.

Согласно классификации В. Змарзер (1991), ПТС имеет своей целью описание одного терминологического лексикона. Терминологический лексикон (ТЛ), в свою очередь, представляет собой собрание конвенционных языковых знаков, репрезентующих актуальное состояние одной области профессиональных знаний в жестко ограниченном спектре [ср. Герд 1996, Lukszyn, Zmarzer 2001].

Структура любого словаря состоит из нескольких элементов, совокупность которых можно назвать его макроструктурой. Среди них можно перечислить: собственно словарную часть, схемы, индексы, библиографический список и др. Иначе говоря, макроструктура представляет собой систему ограничений, возникших как результат применения терминографических принципов по отношению к терминологическому материалу, который является предметом описания в словаре. К основным терминографическим принципам, применяемым в процессе создания ПТС, среди других, относятся:

- принцип оптимального ограничения словника;
- принцип межъязыковой гармонизации терминологии;
- принцип систематизации терминологии;
- принцип терминографической симметрии;
- принцип выраженности внутрисистемных связей.

Принцип оптимального ограничения словника предусматривает, во-первых, выделение концептуальной основы описываемого ТЛ и, во-вторых, установление продуктивных интердисциплинарных связей. Концептуальная основа должна входить в словник каждого ПТС. Правильная реализация принципа оптимального ограничения словника требует, во-первых, определения корпуса текстов, содержащих актуальную в данное время терминологию, и, во-вторых, установления (на основе этого корпуса) правильной пропорции между терминами, принадлежащими исключительно к данному терминологическому лексикону, и терминами, общими для нескольких лексиконов. Словом, необходимо установить продуктивные межотраслевые связи (между отдельными концептуальными системами), с целью определить место данного лексикона в терминологической сфере (иначе говоря, место будущего ПТС в структуре межотраслевого терминологического словаря) и, следовательно, структуру системы, которую он собой представляет.

Принцип межъязыковой гармонизации терминологии заключается в синхронизации терминологических данных в словаре путем их сопоставления с терминсистемами таких терминологически обеспеченных мировых языков, как английский, немецкий, русский,

французский и др.). Целью межъязыковой гармонизации является трансформация терминологического словаря в терминосистему, совместимую с мировыми языками в плане формы и содержания [Kielar 2001].

Принцип систематизации терминологии связан с концептуальной и иерархической структурой терминологического лексикона, которая должна быть отражена в будущем ПТС. ТЛ представляет собой систему, состоящую из единиц (терминов), связанных друг с другом при помощи разного рода отношений. Причем важно подчеркнуть, что каждая единица вступает в несколько типов отношений.

Реализация принципа систематизации предусматривает проведение специфического анализа ТЛ, в рамках которого, в частности, выделяются базовые терминологические единицы и созданные на их основе терминологические серии, определяются соответствующие им типы дефиниций, а также структура характерных для данного лексикона микрополей [Lukszyn 2002/2005: 158].

Принцип терминографической симметрии имеет ключевое значение для создания хорошего терминологического словаря. Достижение самого высокого возможного уровня симметрии облегчает пользование словарем, а также восприятие его содержания. Реализация данного принципа заключается в том, что все статьи должны состоять из тех же структурных элементов. В свою очередь элементы одного типа должны быть построены одинаково. Например, должны использоваться одинаковые типы дефиниций. Симметричность должна обнаруживаться на всех уровнях словаря, т.е. на уровне статей, внутри статей (на уровне их языковых частей), а также на уровне структурных элементов статьи.

Реализация принципа выраженности внутрисистемных связей связана с применением техники тезауруса, в которой термин не рассматривается как самостоятельная, автономная семантическая единица (как в технике автономизации), а как часть терминологической системы (которую представляет собой ТЛ). Благодаря такому подходу все продуктивные связи, в которые вступают заглавные и вспомогательные единицы словаря показываются в микротезаурусе (одном из составных элементов словарной статьи).

Для представления концепции микроструктуры в качестве объекта описания в ПТС была избрана торгово-финансовая терминология.

Микроструктура (микрокомпозиция) каждого терминологического словаря является реализацией терминографических принципов,

которые легли в основу его концепции. Согласно представляемой концепции микрокомпозиция ПТС состоит из двух главных частей. Первая часть построена на основе реляции *термин – понятие*. В ней можно выделить:

- а) предикативную дефиницию в виде номинальной фразы;
- б) сокращенную интенциональную дефиницию.

Предикативная дефиниция представляет собой разновидность научной дефиниции, на основе которой проводится поверхностная систематизация отраслевой терминологии. Она содержит отнесение объекта к определенному классу. Такое двумерное представление концептуальной системы (которой является ТЛ) не достаточно для самостоятельного применения в учебном словаре. Учебный ПТС должен представлять знания на высшем уровне точности. Поэтому в предлагаемом типе микрокомпозиции, предикативная дефиниция имеет лишь вступительный характер. Она выступает в виде номинальной фразы и графически выделяется жирным шрифтом.

Согласно норме ISO [ISO 704:2000], интенциональная дефиниция является одной из основных, применяемых в терминологической деятельности. Будучи классической научной дефиницией, она представляет собой типичный способ вербального представления концептов (*definitio fit per genus proximum et differentiam specificam*).

Для предлагаемого типа микрокомпозиции оптимальной является сокращенная интенциональная дефиниция. Во-первых, она предоставляет читателю набор дифференциальных признаков (*differentia specifica*), которые вместе в состоянии полностью противопоставить данный объект другим компонентам общей концептуальной системы. Во-вторых, она не содержит излишней, с точки зрения учебного процесса, информации. Сокращенная интенциональная дефиниция построена на основе базовых характеристик исследуемого объекта (от 3 до 5), представленных в ее начале. В дальнейшем они подвергаются достаточно обширному анализу. Как правило, эти характеристики представляют собой концептуальные единицы метаязыка словаря. В случае вспомогательных терминов, они выделяются курсивом, а единицы, принадлежащие к числу заглавных терминов, отличаются от остальной части дефиниции разрядкой.

Вторая часть композиции словарной статьи – это микротезаурус. Он представляет собой графическое выражение системных связей между заглавным термином и другими концептуальными единицами [ср. Караулов 1981: 148, Zmarzer 1991 :129]. На основе вышесказанного можно сделать вывод, что (микро)тезаурус

является графическим представлением отношений, в которые вступают друг с другом компоненты терминологического микрополя (в рамках одного макрополя). Иначе говоря – микротезаурус это микрополе, в котором функционирует данный термин. Под понятием микрополя понимается сетка регулярных семантических реляций, в которые вступает заглавный термин.

Согласно настоящей концепции двуязычного ПТС, структуру микротезауруса определяют пять смысловых реляций, а именно:

1. Отношения субординации, на основании которых определяются верхний и нижний термины по отношению к заглавному. Стрелка вверх обозначает родовой термин, а стрелка вниз – видовой термин. Например в статье **кредит** подано: ↑ **активная банковская операция** и ↓ **банковский кредит, коммерческий кредит, ипотечный кредит и др.**
2. Отношения контрадикторности, благодаря которым определяется семантический контраст смысловых единиц. Знак стрелки, направленной в противоположные стороны (\leftrightarrow), обозначает термин, семантически противостоящий заглавному термину. Например в статье **банк** подано: \leftrightarrow **финансовая пирамида** и т.п.
3. Отношения логической производности, на основании которых выявляются термины, имплицированные семантикой заглавной единицы. Эти отношения в словаре представляет знак импликации (стрелка). В статье **банк** подано: \rightarrow **эмиссия денег, кредит, ценные бумаги** и т.п.
4. Отношения эквонимии, на основании которых устанавливаются термины, употребляемые в профессиональных текстах вместо заглавного. Эту реляцию представляет знак тождества (\equiv). Так, в статье **общество** подано: \equiv **компания, товарищество** и т.п.
5. Отношения смысловой комплементарности, на основании которых устанавливаются единицы, связанные с заглавным термином общим категориальным значением, в связи с чем существует возможность их ошибочного употребления вместо заглавного термина. Этот тип отношений представляет знак неравенства (\neq). В статье **банк** подано: \neq **сберегательная касса**.

Важно подчеркнуть, что не все типы реляций воспроизводятся регулярно во всех статьях. В каждой статье заполнены лишь те позиции микротезауруса, которые относятся к активно работающим типам смысловых отношений. На месте неактивных в данном случае реляций помещается знак Ø.

Следует также отметить, что предлагаемый микротезаурус во многом черпает из опыта существующих терминологических словарей, а главным образом из тезауруса предметной терминологии, связанной с изучением специальных языков, составленного в Варшавском университете под руководством проф. Ю. В. Люкшина [Lukszyn 2002/2005]. Это видно также в его графическом оформлении, где для обозначения типов смысловых реляций используются подобные знаки. Такое решение продиктовано тем, что структура микротезауруса – особенно в учебном словаре – должна быть ясной и не заставлять читателя каждый раз задумываться над значением использованных символов. По этому поводу настоящая концепция не следует примеру «Тезауруса по теоретической и прикладной лингвистике» С. Е. Никитиной (1978), в котором для обозначения позиций микротезауруса употребляются языковые знаки типа: *синоним, коррелят, носитель параметра, способ выражения функции* и др. Это может затруднять восприятие содержания статьи (например, в случае начинающего специалиста или читателя иностранца). Все графические знаки, употребленные в микротезаурусе характеризуются тем, что их значение очевидно. Читателю достаточно лишь раз познакомиться с их объяснениями, чтобы навсегда избавиться от сомнений, касающихся значения, которое они собой представляют. Например, для обозначения реляции эквонимии, вместо обычного знака тождества употребляется знак тройного равенства (\equiv). Его задание – подчеркнуть, что в данный тип отношений вступают исключительно единицы, представляющие собой абсолютные, полные синонимы, и что это, например, не является аспектуальной синонимией. Подобную роль исполняет знак неравенства (\neq). Он подчеркивает, что стоящий за ним термин только в некоторых случаях можно употребить вместо заглавного. Такая же однозначность характерна и для остальных употребляемых знаков.

В представляемом ПТС, словарная статья располагается на двух соседних страницах (первая – на польском, вторая – на русском языке). Каждая часть занимает всю страницу. Важно подчеркнуть, что одинаковая структурная организация повторяется в обеих частях словаря. Все элементы статьи графически оформлены одинаково в ее обеих частях и расположены на страницах в тех же местах, даже если они различаются по размеру. Это сделано для того, чтобы было удобно читать и сравнивать соответствующие элементы сопоставляемых языков.

В самом верху находится вокабула (заглавный термин). Она выделяется жирным шрифтом большего размера. За вокабулой

следует краткая предикативная дефиниция в виде номинальной фразы. Графически она выделяется жирным шрифтом и обособляется двумя пробелами. Ниже помещается сокращенная интенциональная дефиниция. После очередного пробела, в конце статьи помещается микротезаурус, каждая позиция которого начинается с новой строки. Графически он выделяется жирным шрифтом. Как видно, все элементы статьи выделяются при помощи разных размеров и типов шрифта, а также пробелов. Ниже приводим модель словарной статьи²³.

1.	ЗАГЛАВНЫЙ ТЕРМИН
2.	предикативная дефиниция
3.	сокращенная интенциональная дефиниция
4.	<i>микротезаурус:</i>
4.1	↑ родовой термин
4.2	↓ видовой термин
4.3	↔ семантически противостоящий термин
4.4	→ имплицированный термин
4.5	≡ термин-эквоним
4.6	≠ термин, связанный смысловой комплементарностью

²³ Цифры с левой стороны обозначают лишь количество составных элементов статьи и не используются в словаре. То же самое касается слова *микротезаурус*.

Благодаря тому, что каждый структурный элемент статьи формально и графически выделяется, предлагаемая микрокомпозиция двуязычного ПТС прозрачна и выразительна. Это облегчает пользование словарем и усиливает его учебный характер. Следует подчеркнуть, что любой элемент статьи является отдельным источником знаний и может читаться в качестве самостоятельного текста. Однако каждый из них предоставляет пользователю определенную часть информации себе характерным способом. С этим связаны две особенности предлагаемого словаря. Во-первых, им можно пользоваться методом так называемого быстрого просмотра, иначе говоря, знакомиться лишь с элементами, выделенными жирным шрифтом, к которым относятся:

- вокабула,
- предикативная дефиниция,
- микротезаурус.

Однако этим методом смогут пользоваться лишь специалисты в области торговли и финансов или опытные переводчики специальных текстов из этой области. Во-вторых, – а это связано с предыдущим утверждением – каждый компонент микроструктуры может быть интересным для определенной группы пользователей. Например, для студента или начинающего переводчика полезно будет познакомиться со всей статьёй, в то время как для опытного переводчика или эксперта-экономиста, изучающего иностранный язык, интерес представит лишь микротезаурус, или даже его одна, последняя позиция. Кроме того, читатель, у которого во время пользования словарем методом быстрого просмотра возникнут трудности языкового или профессионального свойства, сможет их преодолеть, знакомясь со всей статьёй или сравнивая соответствующие элементы обеих ее частей. Тем не менее только полная статья комплексно представляет необходимую информацию, которая может способствовать углублению знаний. Следует еще отметить, что все заглавные и вспомогательные термины на обоих языках помещаются в соответствующих индексах. Благодаря индексам и микротезаурусам пользователь получает возможность идти по пути концептуальных связей вплоть до реконструкции терминологии данной отрасли [ср. Lerat 1995: 174]. Представляемая концепция микроструктуры предусматривает разные пути доступа к содержанию словаря: либо посредством заглавных единиц, либо посредством вспомогательных единиц, перечисленных в соответствующих индексах. Благодаря этому, рекон-

струкция всей системы отраслевой терминологии (с помощью микротезауруса) возможна, начиная в любом месте словаря.

С целью усилить учебный характер словаря его микроструктуру можно дополнить следующими элементами лингвистического характера:

1. Краткая этимологическая справка;
2. Список основных (часто употребляемых) дериватов;
3. Список стандартных словосочетаний.

Краткая этимологическая справка предоставляет самые основные, необходимые сведения, касающиеся заглавного термина. К ним относятся: язык происхождения и информация о слове (словах), которые легли в основу современного значения термина. Этот элемент статьи является дополнительным средством раскрытия значения термина, и он может быть полезным прежде всего иностранным читателям. Например, в статье *kredyt / кредит* этимологическая справка выглядит следующим образом. На русской странице подано: <лат. *creditum* - *ссуда от credo – верю, доверяю*>, а на польской странице: <łac. *creditum* - *pożyczka od credo – wierzę, dowierzam*>. Этимологическая справка традиционно помещается в треугольных скобках.

Список основных дериватов включает в себя главные компоненты словообразовательного гнезда заглавного термина, а именно – глагол, имя существительное, имя прилагательное. Однако они присутствуют в статьях только в случае их частого употребления в профессиональных текстах. Например, в статье *bank / банк* фиксируются лишь прилагательные *bankowy* и *банковский*, потому что только они являются наиболее употребительными.

Список словосочетаний включает в себя устойчивые и наиболее частотные словосочетания, компонентом которых является заглавный термин. Этот элемент является средством реализации переводной и учебной функций словаря. Например в статье *akcja / акция* он выглядит так:

<p>◆ akcje: idą w górę, kupować, poszły w górę, spadają, spadły, sprzedawać.</p> <p>akcyjny (-a, -e): bank, kapitał, przedsiębiorstwo, spółka (towarzystwo).</p> <p>akcji: cena giełdowa, emisja, kupno, kurs, notowanie na giełdzie, pakiet (portfel) kontrolny, posiadacz (właściciel), sprzedaż, wartość.</p>	<p>◆ акции: повышаются, покупать; курс акций поднялся; падают; курс акций упал (понижился); продавать.</p> <p>акционерный (-ая, -ое): банк, капитал, предприятие, компания (общество).</p> <p>акций: биржевая цена, эмиссия, закупка, курс, котировка на бирже, контрольный пакет (портфель), держатель (владелец), реализация (продажа), стоимость.</p>
--	--

Как видно, словосочетаниям из польской части (представленным в алфавитном порядке) соответствуют эквивалентные словосочетания в русской части. В скобках даются синонимы слов. В случае, когда словосочетание из списка на русском языке имеет другую структуру чем входное словосочетание на польском языке, оно обособляется точками с запятой. Например, в статье *kredyt / кредит*, в польской части подано в частности:

kredytowy (-a, -e): bank, blokada, dynamika, dyskryminacja, gwarancja, karta, towarzystwo, zdolność.

В русской части этому соответствует:

кредитный (-ая, -ое): банк, блокада; динамика кредита; дискриминация; гарантия кредита; карточка, товарищество.

Как видно, словосочетания: *динамика кредита, гарантия кредита* не построены по образцу польских коллокаций, а именно: прилагательное *кредитный* + существительное. Поэтому они приводятся полностью и обособляются.

Присутствие списка словосочетаний позволяет читателю правильно конструировать предложения с употреблением представляемого в статье термина.

С целью сохранения прозрачности и выразительности микрокомпозиции ПТС вышепредставленные элементы статьи следует графически выделить например другим цветом шрифта. Такое решение обосновано также тем, что все 3 элемента (в отличие от остальных компонентов статьи) имеют чисто лингвистический характер.

В заключение следует отметить, что в связи с бурным развитием терминографии и международной профессиональной коммуникации необходима постоянная работа над созданием новых типов микрокомпозиций двуязычных терминологических словарей, которые будут лучше отвечать возрастающим потребностям адресатов.

Библиография:

Герд А. С., 1996 (ред.), *Прикладное языкознание*, Изд. Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.

Караулов Ю. Н., 1981, *Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка*, «Наука», Москва.

Никитина С. Е., 1978, *Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике (автоматическая обработка текста)*, «Наука», Москва.

Kielar B. Z., 2001, *Harmonizacja terminologii w słowniku* [w:] Lukszyn J. [red.] „Języki specjalistyczne”, t. 1, *Metajęzyk lingwistyki*, KJS UW, Warszawa.

Lerat P., 1995, *Les langues spécialisées*, Presses Universitaires de France, Paris.

Lukszyn J., 2002/2005 [red.], *Języki specjalistyczne. Słownik terminologii przedmiotowej*, wyd. 1 – 2002, wyd. 2 – 2005, KJS UW, Warszawa.

Lukszyn J., Zmarzer W., 2001, *Teoretyczne podstawy terminologii*, KJS UW, Warszawa.

Michałowski P., 2004, *W poszukiwaniu idealnego modelu słownika terminologii przedmiotowej* [w:] Lewandowski J. (ред.) „Języki specjalistyczne”, t. 4, *Leksykografia terminologiczna – teoria i praktyka*, KJS UW, Warszawa.

Michałowski P., 2005, *В поисках идеальной модели многоязычного предметного терминологического словаря*, [в:] Ивашко Л. А.,

Лутовинова И. С. (ред.) XXXIV Международная филологическая конференция. Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл), Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.

Michałowski P., 2009, *Słownik terminologiczny a dydaktyka języków specjalistycznych*, [w:] „Przegląd Glottodydaktyczny”, t. 26.

Michałowski P., 2011, *Rodzaj wiedzy a słownik terminologiczny*, [w:] „Komunikacja Specjalistyczna”, t. 4, *Od terminologii do leksykografii*, IKLA UW, Warszawa.

Michałowski P., Szadyko S., 2011, *W kwestii idealnego słownika skrótów i skrótowców*, [w:] „Komunikacja Specjalistyczna”, t. 4, *Od terminologii do leksykografii*, IKLA UW, Warszawa.

Zmarzer W., 1991, *Leksykografia terminologiczna* [w:] Grucza F. [red.], *Teoretyczne podstawy terminologii*, Ossolineum, Wrocław.

ISO 704:2000 – Travail terminologique – Principes et méthodes.

ZASADY KONSTRUOWANIA DWUJĘZYCZNEGO PRZEDMIOTOWEGO SŁOWNIKA TERMINOLOGICZNEGO – TERMINOLOGIA HANDLOWO-FINANSOWA

Artykuł prezentuje rozważania dotyczące mikrostruktury dwujęzycznego słownika terminologii branżowej oraz podstawowych zasad terminograficznych. Odrębną część artykułu stanowi opis, proponowanej przez autora, mikrostruktury dwujęzycznego słownika terminologii finansowo-handlowej (tezaurusu) w wersji podstawowej i rozszerzonej. Wersja rozszerzona jest wzbogacona o dodatkowe elementy opisu lingwistycznego, które mogą znaleźć zastosowanie w celach dydaktycznych.

MAREK WEBER

Białystok University of Technology - Department of Foreign Languages

**RECURRENT MULTI-WORD SEQUENCES.
TERMINOLOGICAL BUNDLES IN A CORPUS
OF TECHNICAL DOCUMENTATION OF NETWORK
TECHNOLOGIES.**

Data for the study - the corpus

The data for the study consists of a collection of 106 texts totalling 725418 running words. The texts were chosen to represent the field of network systems, a sub-discipline within the broad domain of Information and Communication Technology (ICT). Network technologies are indispensable in the realm of ICT as they govern communication and data transmission between devices in a network, e.g. in the Internet. The texts under scrutiny cover a wide range of topics pertaining to network systems.

Table 1. The composition and word count statistics of the corpus.

Network technologies	
Number of source files	106
Number of running words (tokens)	725 418
Number of word types	11 324
Number of word types per million words	15 610

Lexical bundle: the term

The term *lexical bundle* was first used by Biber et al. [Biber 1999] to refer to multi-word combinations while Scott coined the term *word clusters* in the manual of the software application Wordsmith Tools (1996). The only consideration in identifying lexical bundles is their frequency. Biber [Biber 1999] defines lexical bundles as multi-word sequences which occur at least 10 times per million words and in at least five texts. Analyses of recurrent multiword sequences have been undertaken in a number of corpus studies which demonstrate the importance of lexical bundles in various genres.

Methodology of the analysis

4-word bundles are analysed in the study due to the facts that their frequencies are considerably higher than 5-word strings and they often contain 3-word sequences. The list of 4-word bundles was created by means of the software application WordSmith Tools v. 5.0. The following **cut-off criteria** were established in the analysis: a minimum frequency of occurrence of 20 times per million words and in at least 5 texts which required appropriate calculations. After applying the cut-off points 261 different bundles were identified in the corpus. The total number of bundles found in the whole corpus was equal to 7 516. The corpus contains 44 bundles occurring with frequencies higher than 50 per million words which amounts to 17% of the overall number of 4-word bundles identified in the corpus after applying the established cut-off criteria.

Table 2. Lexical bundles statistics before applying the cut-off criteria.

Network technologies	
The total number of bundles before applying cut-off criteria	Number of different bundles before applying cut-off criteria
55 664	5 116

Table 3. Lexical bundles statistics after applying the cut-off criteria.

Network Technologies	7516	261
	The total number of bundles after applying cut-off criteria	
	Number of different bundles after applying cut-off criteria	

Table 4. High frequency bundles statistics (over 50 per million words).

Network technologies	
Number of high freq. bundles (>50 per million words)	Percentage of the number of different bundles after applying the cut-off criteria
44	17%

ICT terminological bundles

ICT terminological bundles are defined as multi-word combinations which contain terms. ICT terms have particular and precise meanings within the discipline which can be different from the meanings in general usage. Terminological bundles occurring in the field: ‘technical documentation of network technologies’ are subject to lexical scrutiny in this paper.

As Table 5 shows the corpus of texts: ‘technical documentation of network technologies’ contains 47 ICT terminological bundles which amounts to 18% of the overall number of 4-word bundles identified in the corpus after applying the established cut-off criteria.

Table 5. Numbers and proportions of ICT terminological bundles.

Network technologies		
Number of different bundles after applying the cut-off criteria	Number of terminological bundles	Percentage of the number of different bundles after applying the cut-off criteria
261	47	18%

Table 6 below contains terminological bundles identified in the corpus. ICT terms within the bundles are marked in bold.

Table 6. Terminological bundles identified in the corpus of ‘technical documentation of network technologies’.

Bundle	Freq.	Number of texts	Freq. per Mil.
routing and remote access	363	9	500.40
and remote access service	116	7	159.91
the remote access client	92	5	126.82
the dhcp relay agent	67	5	92.36
the destination ip address	49	10	67.55
the ip routing table	44	8	60.65
dynamic host configuration protocol	40	11	55.14
virtual private network vpn	40	9	55.14
the tcp ip protocol	39	13	53.76
the e series router	39	5	53.76
ip address and port	31	5	42.73
the source ip address	28	12	38.60
the ietf rfc database	28	9	38.60
a computer running windows	24	10	33.08
xp and windows server	21	7	28.95
a remote access client	20	5	27.57
user name and password	20	5	27.57
an ip address and	19	9	26.19
destination ip address and	18	11	24.81
the limited broadcast address	15	5	20.68
domain name system dns	96	10	132.34
network address translation nat	27	12	37.22
ip address and the	22	10	30.33
on the private network	41	5	56.52

in the ip header	31	12	42.73
ip address in the	30	10	41.36
in the ip routing	24	7	33.08
ip address to the	23	14	31.71
with the ip address	22	12	30.33
from the dhcp server	20	5	27.57
on the same subnet	19	10	26.19
a computer on the	19	5	26.19
on the local subnet	18	7	24.81
fibre channel over ethernet	16	7	22.06
from a dhcp server	16	6	22.06
to an ip address	15	6	20.68
to the dhcp server	15	5	20.68
computer running windows server	23	8	31.71
ip address of the	114	25	157.15
mac address of the	32	16	45.49
ip address of a	18	8	24.81
the ip address of	106	23	146.12
source ip address of	15	8	20.68

Description of the ICT field: ‘technical documentation of network technologies’

Network technologies are indispensable in the domain of ICT as they govern communication and data transmission between devices in a network. The internet allows millions of computer users around the globe to exchange information and to communicate using various new forms of computer mediated communication. The arrival of the Internet offered a new medium of communication that has become so popular that nowadays it is hard to imagine life without it. The terms *cyberspace* and *information superhighway* have been coined to refer to the virtual realm of

the Internet offering an ever-increasing range of services to be taken advantage of by the general public.

The main criterion governing the choice of source texts in the ICT field ‘technical documentation of network technologies’ was their representativeness of the described domain.

The texts under scrutiny cover a wide range of topics such as descriptions of selected network protocols, the internet domain name system, basic server configuration, signal transmission technologies and others. As many as 10 texts directly describe some selected Internet technologies (approximately 9.4%). For example, the wireless local area network (WLAN), a topic of 3 texts, is a convenient method of connecting wirelessly various devices by means of radio waves without the need of any cables. The devices in a wireless local area network such as personal computers, mobile phones, routers, printers, gaming consoles use a set of WiFi standards to communicate.

28 texts (26.4% of the source texts) contain information about corporations that have had strong influence on the development of network technologies such as Cisco, Microsoft, HP, Dell. Cisco is the industry leading manufacturer of network equipment and software. Texts containing information about Microsoft are mostly instructional materials as they describe how to configure particular network components in Microsoft Windows operating systems.

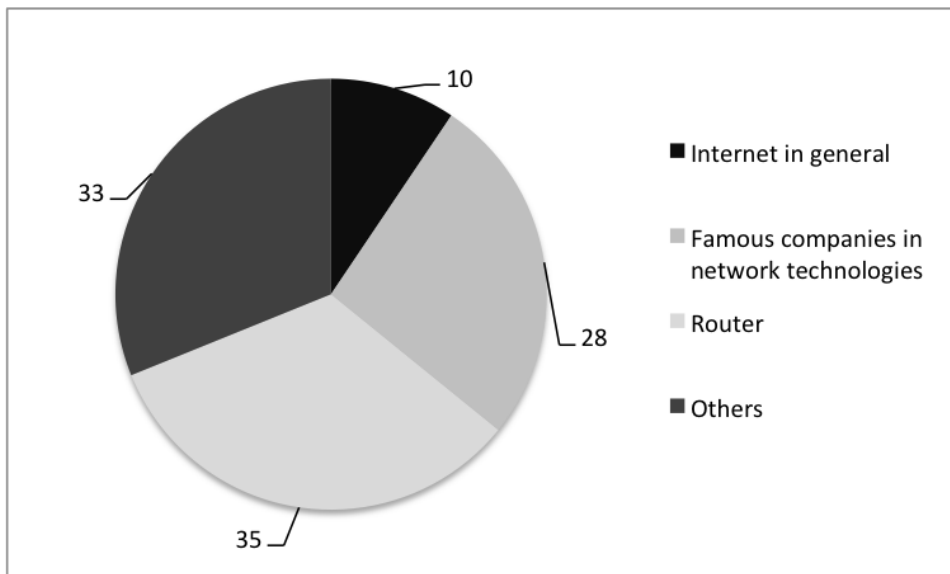
The biggest number - approximately 33% of all texts in the corpus (35 source texts) refer directly or indirectly to one network device - the router.

It is remarkable how many operations are performed by network equipment so that the users can enjoy internet access. Routers are connected to two or more networks and they perform the function of directing traffic of data in the Internet. The router reads the address information in the incoming data packet to determine its final destination. Afterwards on the basis of the information in its routing table the router forwards the packet to the next network on its journey. Wireless routers are responsible for securing wireless local area networks with sufficiently complex passwords, imposing restrictions on certain network elements, performing encryption tasks i.e. encoding and decoding data so that potential hackers cannot read it and other tasks.

The remaining 33 texts concern some other advanced network technologies, e.g. Cloud Computing which refers to the use of computing resources (hardware and software) provided as a service over the Internet. Cloud Computing involves processing information by external servers and limiting the user’s control to a personal computer. In this way, the user does

not need extensive knowledge about computer technologies or powerful personal computers. The name Cloud Computing comes from the cloud-shaped symbol used to denote the complicated infrastructure it contains.

Figure 1: Breakdown of texts according to the topic.

Terminological bundles in the ICT field ‘technical documentation of network technologies’.

Bundles including the keyword *IP*

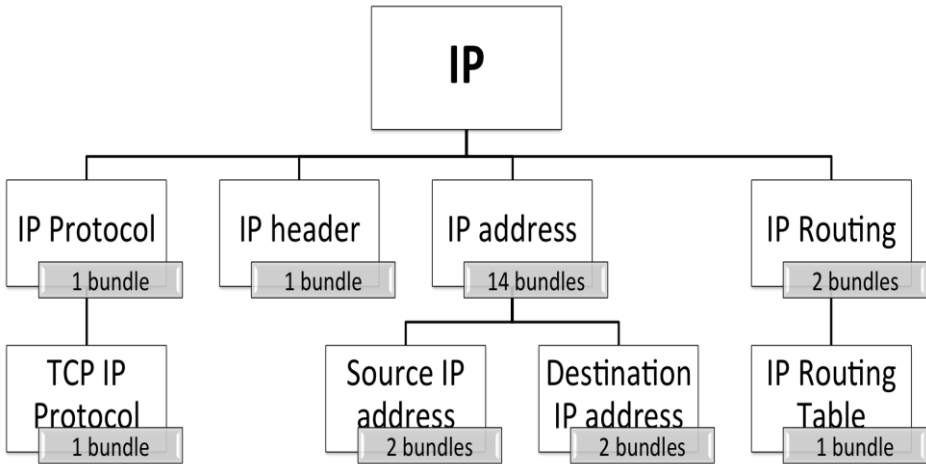
The abbreviation *IP* stands for the **Internet Protocol** - the main system of rules for exchanging data in the Internet. Data is transmitted in the form of chunks referred to as datagrams or network packets. Besides the actual data each packet contains the header with additional information necessary for the communication to take place such as for example: the length of the packet in bytes, the *source IP address*, the *destination address*, the version of the Internet Protocol.

The keyword *IP* occurs in 18 different bundles (42% of terminological bundles in the corpus): THE DESTINATION IP ADDRESS (49 occurrences in 10 texts; frequency per million 67.55), THE IP ROUTING TABLE (44 occurrences in 8 texts; frequency per million 60.65), THE TCP IP PROTOCOL (39 occurrences in 13 texts; frequency per million 53.76), IP ADDRESS AND PORT (31 occurrences in 5 texts; frequency per

million 42.73), THE SOURCE IP ADDRESS (28 occurrences in 12 texts; frequency per million 38.60), AN IP ADDRESS AND (19 occurrences in 9 texts; frequency per million 26.19), DESTINATION IP ADDRESS AND (18 occurrences in 11 texts; frequency per million 24.81), IP ADDRESS AND THE (22 occurrences in 10 texts; frequency per million 30.33), IN THE IP HEADER (31 occurrences in 12 texts; frequency per million 42.73), IP ADDRESS IN THE (30 occurrences in 10 texts; frequency per million 41.36), IN THE IP ROUTING (24 occurrences in 7 texts; frequency per million 33.08), IP ADDRESS TO THE (23 occurrences in 14 texts; frequency per million 31.71), WITH THE IP ADDRESS (2 occurrences in 12 texts; frequency per million 30.33), TO AN IP ADDRESS (15 occurrences in 6 texts; frequency per million 20.68), IP ADDRESS OF THE (114 occurrences in 25 texts; frequency per million 157.15), IP ADDRESS OF A (18 occurrences in 8 texts; frequency per million 24.81), THE IP ADDRESS OF (106 occurrences in 23 texts; frequency per million 146.12), SOURCE IP ADDRESS OF (15 occurrences in 8 texts; frequency per million 20.68).

The term *IP* is a component of multi-word terms consisting of two components: *IP address*, *IP protocol*, *IP header* and *IP routing*. The sequence *IP address* is in turn part of longer terms consisting of three components: *source IP address*, *destination IP address*. The sequence *IP protocol* is part of a longer term: *TCP IP protocol*. The sequence *IP routing* is part of a longer term: *IP routing table*.

Figure 2: The structure of terms containing the component *IP* and the numbers of bundles.

Bundles containing the term *IP address*

An *IP address*, short for an Internet Protocol address serves to identify a specific computer or other network device in a network that employs the Internet Protocol for data exchange. The designers of the Internet Protocol version 4 (IPv4), the primary protocol in use nowadays, defined an IP address as a 32-bit number, usually denoted in the format of 4 decimal numbers, separated by dots, for example 163.18.258.3. The first 8-bit part (also called an octet) of an IP address indicates the geographic location of the computer; the second octet identifies the company or organization the computer is linked to, the third octet indicates the sub-network and the fourth and final octet identifies the specific computer.

The term *IP address* occurs in 14 different bundles: THE DESTINATION IP ADDRESS, IP ADDRESS AND PORT, THE SOURCE IP ADDRESS, AN IP ADDRESS AND, DESTINATION IP ADDRESS AND, IP ADDRESS AND THE, IP ADDRESS IN THE, IP ADDRESS TO THE, WITH THE IP ADDRESS, TO AN IP ADDRESS, IP ADDRESS OF THE, IP ADDRESS OF A, THE IP ADDRESS OF, SOURCE IP ADDRESS OF..

The term *IP address* is part of 2 longer terminological formulaic sequences: *source IP address* and *destination IP address* which occur in the following 4-word bundles: THE SOURCE IP ADDRESS, SOURCE IP ADDRESS OF and THE DESTINATION IP ADDRESS, DESTINATION IP ADDRESS AND.

The sequence *IP routing* is part of a longer term: *IP routing table* which occurs in the following bundle: THE IP ROUTING TABLE.

Excerpt 1:

"The route used if **the IP address in** the packet is the same as the IP address of the local host."

Bundles with the term *DHCP*.

The term *DHCP* occurs in 5 bundles (12% of terminological bundles in the corpus):THE DHCP RELAY AGENT (occurs 67 times in 5 texts; frequency per million 92.36), FROM THE DHCP SERVER (occurs 20 times in 5 texts; frequency per million 27.57), FROM A DHCP SERVER (occurs 16 times in 6 texts; frequency per million 22.06), TO THE DHCP SERVER(occurs 15 times in 5 texts; frequency per million 20.68) and DYNAMIC HOST CONFIGURATION PROTOCOL (occurs 40 times in 11 texts; frequency per million 55.14). *DHCP*, short for Dynamic Host Configuration Protocol, is a protocol which dynamically allocates IP address to devices connected to the same local area network. The majority of Internet users take advantage of DHCP.

Excerpt 2:

"**The DHCP relay agent** sends the DHCPDiscover message to the DHCP server (located on another subnet) as a unicast IP packet rather than as an IP and MAC-level broadcast. If the DHCP relay agent is configured with multiple DHCP servers, it sends each DHCP server a copy of the DHCPDiscover message."

Bundles with the term *server*

The term *server* appears in 5 bundles (12% of terminological bundles in the corpus): XP AND WINDOWS SERVER (21 occurrences in 7 texts; frequency per million 28.95), FROM THE DHCP SERVER (20 occurrences in 5 texts; frequency per million 27.57), FROM A DHCP SERVER (16 occurrences in 6 texts; frequency per million 22.06), TO THE DHCP SERVER (15 occurrences in 5 texts; frequency per million 20.68), COMPUTER RUNNING WINDOWS SERVER (23 occurrences in 8 texts; frequency per million 31.71). The term *server* has two senses: an application performing computational tasks requested by client computers and a physical computer on which such software is installed.

Excerpt 3:

"After the client sends the FQDN option, it waits for a response **from the DHCP server**. Unless the DHCP server sets the Flags field to 3, the client then initiates an update for the A resource record."

Bundles with the term *remote access*.

The term *remote access* occurs in 4 bundles (8,5% of terminological bundles in the corpus): ROUTING AND REMOTE ACCESS (363 occurrences in 9 texts; frequency per million 500.40), AND REMOTE ACCESS SERVICE (116 occurrences in 7 texts; frequency per million 159.91), THE REMOTE ACCESS CLIENT (92 occurrences in 5 texts; frequency per million 126.82) and A REMOTE ACCESS CLIENT (20 occurrences in 5 texts; frequency per million 27.57). The term *remote access* denotes the ability to get connected to a computer system from a remote location.

Excerpt 4:

"The automatic entering of static routes for demand-dial interfaces is known as making auto-static updates and is supported by the server running **Routing and Remote Access**. Auto-static updates are supported by Routing Information Protocol (RIP) for IP, but not by OSPF."

Bundles with the term *network*.

The term *network* occurs in 3 bundles (6,4% of terminological bundles in the corpus): VIRTUAL PRIVATE NETWORK VPN (40 occurrences in 9 texts; frequency per million 55.14), NETWORK ADDRESS TRANSLATION NAT (27 occurrences in 12 texts; frequency per million 37.22) and ON THE PRIVATE NETWORK (41 occurrences in 5 texts; frequency per million 56.22). A *virtual private network (VPN)* enables a user to obtain secure access to a private network e.g. of a corporation from a remote location by means of establishing dedicated connections and/or encryption.

Excerpt 5:

"If the client locates **on the private network** and the server locates on the public network, the client provides a private IP address and port number to the server.

Then, ALG is used to translate them into a public IP address and port number, which the server uses to initiate a data connection to the client."

Bundles with the term *routing*

The term *routing* occurs in 3 bundles (6,4% of terminological bundles in the corpus): ROUTING AND REMOTE ACCESS (occurs 363 times in 9 texts; frequency per million 500.4), THE IP ROUTING TABLE(occurs 44 times in 8 texts; frequency per million 60.65), IN THE IP ROUTING(occurs 24 times in 7 texts; frequency per million 33.08). *Routing* is the process of choosing paths in a network, e.g. in the Internet, for sending data. *Routing* is usually carried out on the basis of information available in routing tables i.e. records of the routes to different network destinations.

Excerpt 6:

"Each group of network segments in the hierarchy can be represented as a single network ID through route summarization and can therefore be represented in **the IP routing table** as a single route. The routing table entry for the highest level (the network) is also the route used for regions of the network and for individual subnets."

Bundles with the term *computer*

The term *computer* occurs in 3 bundles (6,4% of terminological bundles in the corpus): A COMPUTER RUNNING WINDOWS (24 occurrences in 10 texts; frequency per million 33.08), A COMPUTER ON THE (19 occurrences in 5 texts; frequency per million 26.19) and COMPUTER RUNNING WINDOWS SERVER (23 occurrences in 8 texts; frequency per million 33.71).

Bundles with the term *protocol*

The term *protocol* occurs in 2 bundles (4.3% of terminological bundles in the corpus): DYNAMIC HOST CONFIGURATION PROTOCOL (40 occurrences in 11 texts; frequency per million 55.14), THE TCP IP PROTOCOL (39 occurrences in 13 texts; frequency per million 53.76). A *communications protocol* is a system of formats, procedures and rules for exchanging data in a network, e.g. in the Internet.

Excerpt 7:

"End node hosts must have IP multicast application software such as video conferencing and must be able to support IP multicast transmission and reception in **the TCP/IP protocol** stack."

Bundles with the term *subnet*

The term *subnet* occurs in 2 bundles (4.3% of terminological bundles in the corpus): ON THE SAME SUBNET (19 occurrences in 10 texts; frequency per million 26.19) and ON THE LOCAL SUBNET (18 occurrences in 7 texts; frequency per million 24.81). A *subnet*, an abbreviation for *subnetwork*, is a logically grouped part of an IP network.

Bundles with other ICT terms: *fibre channel over ethernet, broadcast address, network address translation NAT, MAC address*

The above ICT terms occur in the following bundles:

1. FIBRE CHANNEL OVER ETHERNET (occurs 16 times in 7 texts; frequency per million 22.06). *Fibre Channel* is a high-speed network technology used mainly in dedicated networks connecting storage devices such as disk arrays and tape libraries to servers.
2. THE LIMITED BROADCAST ADDRESS (occurs 15 times in 5 texts; frequency per million 20.68). A message sent to a *broadcast address* is received by all devices in a network.
3. NETWORK ADDRESS TRANSLATION NAT (occurs 27 times in 12 texts; frequency per million 37.22). *NAT*, short for *network address translation*, is an Internet standard which enables a local area network to use different sets of IP addresses for internal traffic and for external traffic. Among other benefits applying NAT makes it possible to hide a whole IP address space behind a single public IP address or a small group of public IP addresses so that a big number of personal computers can share a small number of public IP addresses. Additionally, the NAT translation improves security by

creating a type of firewall between the company's network and the Internet.

4. THE IETF RFC DATABASE (occurs 28 times in 9 texts; frequency per million 38.60). The bundle contains 2 abbreviations: *IETF* and *RFC*. *IETF*, short for *Internet Engineering Task Force*, is the main international standards organization for the Internet to ensure its smooth operation. *RFC*, short for *Request for Comments*, is a document concerning the Internet published and assigned a number by IETF which can later become an Internet standard.
5. MAC ADDRESS OF THE (occurs 32 times in 16 texts; frequency per million 45.49). *MAC address*, short for *Media Access Control address*, is a hardware address that fulfills the role of a unique identifier assigned to network interfaces of each device in a network.

Conclusions

Network technologies are indispensable in the domain of ICT as they govern communication and data transmission between devices in a network. The texts under scrutiny cover a wide range of topics pertaining to network systems. The biggest number - approximately 33% of all texts in the corpus (35 source texts) refer to one network device - the router. 28 texts (26.4% of the source texts) contain information about corporations that have had strong influence on the development of network technologies. 10 texts directly describe some selected Internet technologies (approximately 9.4%), e.g. the wireless local area network (WLAN) is a topic of 3 texts. The remaining 33 texts concern some other advanced network technologies, e.g. Cloud Computing.

47 ICT terminological bundles have been identified in the corpus after applying the established cut-off criteria. ICT terms occur with the following frequencies in 4-word ICT terminological bundles. The keyword *IP* is most frequent and it occurs in 18 different bundles e.g.: THE DESTINATION IP ADDRESS, THE IP ROUTING TABLE. It is worth emphasizing that the term *IP* is a key component of multi-word terms consisting of two or more lexemes, e.g.: *IP address*, *IP protocol*, *IP header* and *IP routing*. The term *DHCP* occurs in 5 bundles, e.g.: THE DHCP RELAY AGENT, FROM THE DHCP SERVER. The term *server* appears in 5 bundles, e.g.: XP AND WINDOWS SERVER, FROM THE DHCP SERVER. The term *remote access* occurs in 4 bundles, e.g.: ROUTING AND REMOTE ACCESS, AND REMOTE ACCESS SERVICE. The term *network* occurs in 3 bundles, e.g.: VIRTUAL PRIVATE NETWORK VPN, NETWORK ADDRESS TRANSLATION NAT. The term *routing* occurs in

3 bundles, e.g.: ROUTING AND REMOTE ACCESS, THE IP ROUTING TABLE. The term *computer* occurs in 3 bundles, e.g.: A COMPUTER RUNNING WINDOWS, A COMPUTER ON THE. The term *protocol* occurs in 2 bundles: DYNAMIC HOST CONFIGURATION PROTOCOL, THE TCP IP PROTOCOL. The term *subnet* occurs in 2 bundles: ON THE SAME SUBNET, ON THE LOCAL SUBNET. The following ICT terms occur in 1 bundle each: *fibre channel over ethernet*, *broadcast address*, *network address translation NAT*, *MAC address*.

The results summarised in this work show considerable terminological density as the percentage of ICT terminological bundles amounts to 18% of the overall number of 4-word bundles identified in the corpus after applying the established cut-off criteria. This linguistic phenomenon could be explained by the highly specialized nature of texts in the corpus which entails the frequent usage of fixed and specialized terminological bundles.

References:

Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S. and Finegan E., 1999, *Longman grammar of spoken and written English*, Pearson, Harlow.

Biber D., Conrad S., Cortes V., 2003, *Lexical bundles in speech and writing: an initial taxonomy*, <<Corpus Linguistics by the Lune: A festschrift for Geoffrey Leech>>, Wilson A., Rayson P. and McEnery T. (eds.), Peter Lang, Frankfurt/Main.

Biber D., Conrad S., Cortes V., 2004, *If you look at ...: Lexical bundles in university teaching and textbooks*, <<Applied Linguistics>>, pp. 371–405.

Biber D., 2006, *University language: A corpus-based study of spoken and written registers*, John Benjamins Publishing Company, Philadelphia/Amsterdam.

Cortes, V., 2004, *Lexical bundles in published and student disciplinary writing: Examples from history and biology*, <<English for Specific Purposes>>, pp. 397–423.

Hyland K., 2008, *As can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation*, <<English for Specific Purposes 27>>, pp. 4–21.

Gozdz-Roszkowski S., 2011, *Patterns of linguistic variation in American legal English*, Peter Lang, Frankfurt/Main.

Gozdz-Roszkowski S., (ed.) 2011, *Explorations across languages and corpora*, PALC 2009, Peter Lang, Frankfurt/Main.

Scott M., 1996, *WordSmith Tools 4 manual*, Oxford University Press.

Scott M., Tribble C., 2006, *Textual patterns*, John Benjamins Publishing Company, Philadelphia/Amsterdam.

Scott M., 2010, *WordSmith Tools 5 manual*, Oxford University Press.

Wray, A., & Perkins, M., 2000, *The functions of formulaic language*, <<Language and Communication>>, pp. 1–28.

SEKWENCJE WIELOWYRAZOWE W KORPUSIE DOKUMENTACJI TECHNOLOGII SIECIOWYCH. ZBITKI TERMINOLOGICZNE.

Celem pracy jest przeprowadzenie analizy zbitki leksykalnych w korpusie tekstów z dziedziny teleinformatyki (ICT) z wykorzystaniem nowoczesnych narzędzi informatycznych lingwistyki korpusowej. W artykule poddano badaniu 4-wyrazowe zbitki leksykalne występujące w korpusie 106 tekstów z zakresu ICT liczącym 725418 słów. Teksty obejmują dokumentacje techniczne technologii sieciowych.

Lista 4-wyrazowych zbitki została wygenerowana za pomocą oprogramowania WordSmith Tools v. 5.0 służącego do badań korpusów językowych. Na potrzeby badania ustalono dwa kryteria odcięcia dla zbitki leksykalnych: minimalną częstotliwość 20 na milion słów oraz występowanie zbitki w co najmniej 5 tekstach. Ilość różnych zbitki wyrazowych, które spełniły kryteria odcięcia wyniosła 261, ilość wszystkich wystąpień tych zbitki wyniosła 7516.

Zbitki terminologiczne występujące w korpusie dokumentacji technologii sieciowych są poddane analizie leksykalnej w niniejszej pracy. W pracy zidentyfikowano 47 zbitki terminologicznych, które zostały zdefiniowane jako sekwencje wielowyrazowe zawierające terminy z dziedziny teleinformatyki.

Wyniki analizy leksykalnej wskazują na znaczną gęstość terminologiczną, gdyż 18% zbitki, które spełniły kryteria odcięcia stanowi zbitki terminologiczne. To zjawisko lingwistyczne jest powiązane z wysoką specjalizacją techniczną tekstów w korpusie.

МАГДАЛЕНА КУРАТЧИК

Варшавский университет – Факультет прикладной лингвистики

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПОЛЬСКО-РУССКИЕ КОРПУСА В ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Теоретические обобщения в области переводоведения, двуязычной лексикографии и, отчасти, контрастивной лингвистики основываются на фактах, полученных в результате сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода. Наиболее эффективным инструментом для получения достаточно обширного материала, обладающего заданными характеристиками, и позволяющего наблюдать за переводчески релевантными межъязыковыми соответствиями, являются в настоящее время параллельные корпуса, выровненные по предложениям.

Цель данной статьи – показать возможности использования двух новых параллельных корпусов с русским и польским языками в обучении переводу юридических текстов. В качестве иллюстрации рассмотрим вопросы, касающиеся регулярный переводческих отношений, свойственных переводу юридического текста на примере Уголовного кодекса. Анализ регулярных соответствий, вскрывающих специфику переводческих трансформаций будет касаться уровня слова (на примере эквивалентов термина *sprawca*), уровня словосочетания (специфика перевода сочетаний существительных, типа *możliwość uiszczenia, konieczność zastosowania, potrzeba zapewnienia*) и предложения (особенности перевода сложноподчиненных подлежащих предложений, типа *Kto nieumyślnie powoduje śmierć człowieka, podlega karze...*).

В настоящее время для большинства европейских языков созданы национальные корпуса, т.е. собрания текстов в электронной

форме, приспособленные для поиска лингвистической информации²⁴. Свои национальные корпуса имеют также польский и русский языки²⁵. Такого рода базы данных, создаваемые лингвистами и программистами, используются для исследовательских и дидактических целей. Они включают десятки и даже сотни миллионов словоформ, располагая при этом специализированной поисковой системой. В большинстве корпусов возможен поиск точных форм и лексико-грамматический поиск, т.е. поиск любых или относящихся к заданной лексеме форм, обладающих определенными грамматическими и/или семантическими характеристиками. Корпуса предоставляют также, как правило, многие другие поисковые средства, в том числе, напр., возможность поиска сочетаний двух или более лексем. Итак, напр., *Национальный корпус русского языка* (далее НКРЯ), по умолчанию рассчитанный на поиск двухсловных сочетаний, дает возможность построить запрос, касающийся сочетания даже десяти следующих друг за другом форм.

Поисковые запросы могут относиться не только к словоформам и лексемам, но также к их частям. В таком случае используются разные метасимволы (операторы), среди которых чаще всего употребляется звёздочка (*), применяемая, напр., в НКРЯ для замены любой последовательности букв в начале или в конце слова, точка (.), используемая, напр., в *Польском национальном корпусе* для замены любой одиночной буквы и многие другие, а также их сочетания²⁶.

1. Польско-русские параллельные корпуса

Вслед за национальными, одноязычными корпусами, возникают также двуязычные и многоязычные корпуса. В 2013 году стали доступны в Интернете два новых корпуса с русским и польским языками, в которых каждому предложению исходного текста соответствует его перевод на другой язык. Поиск в них возможен, конечно, как в русско-польском, так и в польско-русском направлении.

²⁴ См., напр., сайт <http://www.ruscorpora.ru/corpora-other.html>, где собраны адреса нескольких десятков корпусов.

²⁵ См. *Narodowy Korpus Języka Polskiego* – www.nkjp.pl, *Национальный корпус русского языка* – www.ruscorpora.ru.

²⁶ Как набор метасимволов, так и их значение в разных поисковых системах могут не совпадать. См. список метасимволов с объяснением их значения и примерами употребления для поиска в *Польском национальном корпусе*: <http://nkjp.pl/poliqarp/help/plse3.html#x4-60003.1>, или – для поиска в *Национальном корпусе русского языка*: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-help.html>.

Первый из этих корпусов, *Польско-русский параллельный корпус*²⁷ (далее ПарКорп-PL), создан группой сотрудников Варшавского университета под руководством М. Лазинского в качестве самостоятельного проекта²⁸, второй – *Русско-польский параллельный корпус*²⁹ (далее ПарКорп-Ru), группой Российского государственного гуманитарного университета под руководством С. О. Минлос. ПарКорп-Ru представляет собой отдельный модуль *Параллельного корпуса* в составе *Национального корпуса русского языка*³⁰. Стоит заметить, что оба проекта развивались во взаимном сотрудничестве, состоящем, главным образом, в обмене текстами. По этой причине многие тексты обоих корпусов дублируются.

1.1. ПарКорп-PL включает ок. 25 млн. слов³¹, из чего 66% находится в свободном доступе, а остальная часть, охватывающая тексты, охраняемые авторским правом – в закрытом.

Структура корпуса следующая: тексты художественной литературы составляют 90%, документальная литература и юридические тексты – 5%, публицистические тексты (журнала *Foium* и сайта *inosmi.ru*) – 1%, религиозные тексты (Библия) – 4%.

База текстов включает оригинальные польские тексты (50%), оригинальные русские (33%) с их переводами соответственно на русский и польский языки, а также тексты русский и польских переводов художественных текстов с третьего языка (15%): английского, немецкого, французского, итальянского.

Поиск может вестись по всему корпусу или с разбиением по жанрам, причем в рамках художественной литературы в двух временных отрезках: до 1945 г. и после 1945 г.

К юридическим текстам ПарКорп-PL относятся: Уголовный кодекс Республики Польша от 1997 г. (*Kodeks karny RP*), Закон от 23 декабря 1994 г. о Верховной Контрольной Палате по состоянию на 19 января 1999 г. (*Ustawa o NIK-u*), Договор, учреждающий Европейское Сообщество (*Traktat o UE*), Договор об учреждении Европейского

²⁷ См.: <http://www.pol-ros.polon.uw.edu.pl>.

²⁸ Проект финансирован на средства Национального центра науки Республики Польша в 2010-2013 гг. (грант N N104056638).

²⁹ См.: <http://ruscorpora.ru/search-para-pl.html>.

³⁰ НКРЯ включает 11 корпусов-модулей: Основной (самый большой, объемом в ок. 230 млн. словоформ), Газетный (почти 175 млн. словоформ), Синтаксический, Обучающий, Поэтический, Диалектный, Исторический, Акцентологический, Устный, Мультимедийный и Параллельный.

³¹ Здесь и ниже количественные данные касаются состояния на январь 2014 г.

сообщества по атомной энергии (*Wersja skonsolidowana traktatu ustanawiającego Europejską Wspólnotę Energii Atomowej*).

В ПарКорп-PL чаще всего используются два метасимвола – точка (.), заменяющая один буквенный знак, и точка со звездочкой (.*), применяемая для замены любой последовательности знаков³². Корпуса предоставляют обычно также возможность поиска с исключением «ненужной» формы. В ПарКорп-Ru (как и в НКРЯ), а также в ПарКорп-PL при всех видах поиска за исключением параллельного, используется для этого оператор минус (-). При параллельном поиске в ПарКорп-PL достаточно поставить «галочку» в созданном для такой цели окошке отрицания.

1.2. Как было сказано выше, ПарКорп-Ru – второй из новых корпусов с русским и польским языками входит в состав Параллельного корпуса, представляющего собой один из модулей НКРЯ. Параллельный корпус НКРЯ (охватывающий почти 38 млн. словоупотреблений) состоит из восьми двуязычных корпусов с русским и английским, испанским, итальянским, немецким, польским, белорусским, украинским и французским языками, а также мультиязычного корпуса, содержащего переводы текстов (в том числе, напр.: *Pinocchio* C. Collodi, *Alice's Adventures in Wonderland* L. Carroll, *Le petit prince* A. de Saint-Exupéry, *The Da Vinci Code* D. Brown) одновременно на несколько, теоретически даже на 25 языков³³.

По своему объему ПарКорп-Ru занимает среди параллельных корпусов НКРЯ высокое третье место после русско-английского и русско-украинского. Польские оригинальные тексты с их русскими переводами имеют совокупный объем 4,5 млн. слов, русских оригиналов с польскими переводами меньше – 1,5 млн.

Польские тексты представлены 26 произведениями, созданными с 80-ых годов XIX века, в том числе два нехудожественных – Уголовный кодекс Республики Польша от 1997 г. (*Kodeks karny RP*), Закон от 23 декабря 1994 г. о Верховной Контрольной Палате по состоянию на 19 января 1999 г. (*Ustawa o NIK-u*). Русских текстов значительно меньше – всего 18 произведений художественной литературы, написанных с половины XIX в. до половины XX в.

Разметка корпуса позволяет осуществлять как поиск точных форм, так и морфологический поиск (по лексеме или по набору

³² См.: <http://www.pol-ros.polon.uw.edu.pl/index.php?id=12&lang=ru>

³³ Некоторые тексты представлены больше, чем одним переводом, напр., *Winnie-the-Pooh* A. A. Milne имеет по два перевода на польский, русский и украинский языки.

грамматических характеристик) и поиск сочетаний лексем (до десяти) с возможностью задать расстояние между ними.

ПарКорп-Ru, как и НКРЯ, дает также разнообразные дополнительные возможности уточнения поискового запроса, напр.: поиск слова перед/после точки, запятой или другого знака препинания, поиск слова в начале/конце предложения и др.

Источником материала для нашего исследования будут оба охарактеризованных выше и дополняющих друг друга по возможностям поиска параллельный корпус с русским и польским языками³⁴.

2. Специфика перевода юридического текста

Как известно, совокупность переводчески релевантных явлений во многом зависит от жанра переводимого текста. Если переводу художественного текста в значительной мере свойственно разнообразие в подборе языковых средств, то в юридическом тексте заметны многочисленные примеры неслучайно повторяющихся межъязыковых соответствий. Итак, напр., по данным ПарКорп-PL лексема *umowa* может получить самые разные эквиваленты: не только *договор*, *соглашение* или *контракт*, но и *уговор*, *согласие*, *обязательство*, *условие* и др., а также синтаксические конструкции, напр.:

Była umowa , że będziecie podatkowego porobcę śledzili od Ziębic, że dacie nam znać, którą ów pojedzie, gdzie się zatrzyma. [Narrenturm, A. Sapkowski]	Был уговор , что вы станете за сборщиком следить до Зембиц и дадите нам знать, куда он поедет, где остановится. [Narrenturm, A. Сапковский]
Była to milcząca umowa , którą przyjęli zgodnie i niemal podświadomie, a wynikała ona z pewnej realistycznej refleksji nad ludzką naturą, z tej mianowicie, że nigdy nie wiadomo, jak zachowa się człowiek w sytuacji skrajnej. [Szachinszach, R. Kapuściński]	Это было молчаливое согласие , которого мы достигли почти подсознательно, а оно явилось итогом неких реалистических размышлений над человеческой натурой, ведь никогда не знаешь, как люди ведут себя в крайних ситуациях. [Шахнишах, Р. Капуцинский]
Bezpośrednio potem wygarnął wszystko: że żadnej umowy nie zawierał. [Pokolenie, B. Czeszko]	И выложил все сразу: что, дескать, никакими обязательствами себя не связывал (...). [Поколение, Б. Чешко]

³⁴ Стоит заметить, что как параллельные корпуса вообще, так и оба корпуса с русским и польским языками имеют уже свою литературу. См., напр.: Добровольский, Кретов, Шаров, 2005; Łaziński, Kuratczyk, Orekhov, Słobodjan, 2012; Kuratczyk, 2013; Сичинава, 2013 (и приведенная там литература).

Więc podporządkowaliśmy się tej umowie . [Zdążyć przed panem Bogiem, H. Krall]	И мы приняли это условие . [Опередить Господа Бога, X. Кралль]
Pierścień (powiada) ci dam i piernacz, i nóż, a już Horpyna będzie wiedziała, co to znaczy, bo taka umowa stoi (...) [Ogniem i mieczem, H. Sienkiewicz]	Я, говорит, тебе дам перстень, пернач и нож, а уж Горпина будет знать, что все это значит; мы так уговорились . [Огнем и мечом, Г. Сенкевич]
Toteż zamknęli się i postanowili bez umowy wzajemnej nie dać przewodzić takiemu "smykowi". [Ludzie bezdomni, S. Żeromski]	Поэтому они ошетинились и, даже не сговариваясь , решили не дать этому «сопляку» верховодить. [Бездомные, С. Жеромский]

В юридическом же тексте круг эквивалентов лексемы *umowa* значительно ограничен и их дистрибуция сильно регламентирована. Напр., равноправные во многих контекстах, в том числе и в Кодексе законов о труде РФ, действовавшем до 1 февраля 2002 года, понятия «договор» и «контракт» допускали образование как сочетания *трудо-вой договор*, так и *трудо-вой контракт* (и действительность названных таким образом документов). Однако в настоящее время не рекомендуют называть *трудо-вой договор* «контрактом», поскольку в Трудовом кодексе РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2013) слово *контракт* не употребляется.

2.1. Наши рассуждения начнем с лексемы *sprawca*, которая в больших общих польско-русских словарях имеет следующие эквиваленты:

sprawca виновник (Hessen, Stypuła 2004)

sprawca 1. виновник (*тот, кто является причиной, источником чего*) **2.** (*inicjator czegoś złego*) зачинщик чего (Wawrzyńczyk, red. 2005)

sprawca 1. виновник **2.** инициатор, инспиратор (Chwatow, Timoszuk, red. 2008)

В ПарКорп-PL при морфологическом поиске лексемы *sprawca* в польских юридических текстах корпус выдает 244 результата. Все примеры оказываются при этом происходящими из Уголовного кодекса Республики Польша.

Параллельный поиск любых форм лексем *sprawca* и *виновник* (при вводе запроса **sprawc.*** и **виновник.***) не выдает никаких результатов. Такой же нулевой результат получаем при параллельном поиске формы **sprawc.*** и любой из форм **зачинщик.***, **инициатор.***, **инспиратор.***. Из сказанного вытекает, что при переводе всех 244 случаев употребления термина *sprawca* переводчик

Уголовного кодекса РП ни разу не использовал эквиваленты, предлагаемые большими польско-русскими словарями.

Если заглянуть в польско-русский словарь юридических терминов (Zobek 2008), то можно в нем найти предложение перевода интересующего нас термина посредством слов *исполнитель* и *причинитель*. Сам термин *sprawca* приводится однако лишь в сочетаниях:

sprawca przestępstwa исполнитель преступления
sprawca szkody причинитель вреда.

Параллельный поиск любых форм лексем *sprawca* и *причинитель* не выдает ни одного результата, однако при вводе запроса **sprawc.*** и **исполнител.*** мы получим 189 результатов.

Чтобы проверить, насколько часто слово *sprawca* выступает в Уголовном кодексе в сочетании с родительным падежом существительного *przestępstwo*, и каким образом такое сочетание переводится на русский, стоит воспользоваться ПарКорп-Ru, который предлагает возможность задавать последовательность лексем, обладающих определенными грамматическими характеристиками, а также расстояние между ними.

Полученные данные показывают, что сочетание *sprawca* (в любой форме) + *przestępstwo* (в форме родительного падежа и в непосредственном соседстве) выступает в кодексе 24 раза, причем во всех случаях переводится сочетанием *исполнитель преступления*, напр.:

Nie podlega karze sprawca przestępstwa określonego w art. 174, który dobrowolnie uchylił grożące niebezpieczeństwo.	Не подлежит наказанию исполнитель преступления , указанного в ст. 174, который добровольно устранил грозящую опасность.
Warunkowego umorzenia nie stosuje się do sprawy przestępstwa zagrożonego karą przekraczającą 3 lata pozbawienia wolności.	Условное прекращение производства не применяется к исполнителю преступления , за которое предусматривается наказание лишением свободы на срок, превышающий 3 года.
Karalność przestępstwa ściganego z oskarżenia prywatnego ustaje z upływem roku od czasu, gdy pokrzywdzony dowiedział się o osobie sprawcy przestępstwa (...).	Наказуемость преступления, преследуемого по частному обвинению, прекращается по истечении года с момента, когда потерпевший узнал о личности исполнителя преступления (...).

Если увеличить расстояние между эквивалентами (от 1 до 2), можно найти еще два примера данного соответствия, в которых существительные разделены именем прилагательным:

Dozór jest obowiązkowy wobec młodocianego sprawcy przestępstwa umyślnego, a także wobec sprawcy określonego w Art. 64 §2.	Надзор обязателен в отношении исполнителя умышленного преступления молодежного возраста, а также исполнителя, указанного в ст. 64 § 2.
(...) jeżeli sprawca przestępstwa nieumyślnego lub jego najbliższy poniósł poważny uszczerbek w związku z popełnionym przestępstwem.	(...) если исполнитель неумышленного преступления или ближайший ему лица в результате совершенного преступления понесли значительный ущерб.

Итак, слово *sprawca*, в всяком случае в Уголовном кодексе РП, чаще всего (189 раз на 244 употребления) переводится посредством слова *исполнитель*, а в сочетании с *przestępstwo* – посредством сочетания *исполнитель преступления*, т.е. согласно данным словаря ZobeK 2008. Правомерность употребления выражения *исполнитель преступления* в юридическом тексте можно легко проверить в НКРЯ. Соответствующих примеров в НКРЯ – 15, напр.:

Главные **исполнители преступления** установлены и привлечены к уголовной ответственности. [Сергей Машин. Преступления в сфере оборота банковских пластиковых карточек (2000) // «Профессионал», 2000.04.24]

Было бы также интересно проверить, какие эквиваленты имеет *sprawca*, в тех случаях, когда переводчик в качестве эквивалента не использовал слово *исполнитель*. Удобным орудием для решения такой задачи будет окно параллельного поиска ПарКорп-PL. При вводе запроса **sprawc.*** и **исполнител.*** (с «галочкой» в окне отрицания слова) мы получим ряд примеров, в которых *sprawca* переводится посредством слова *лицо*, как правило, в сочетании с причастным оборотом, типа: *лицо, совершившее преступление*:

Ustawę karną polską stosuje się do sprawcy , który popełnił czyn zabroniony na terytorium Rzeczypospolitej Polskiej, jak również na polskim statku wodnym lub powietrznym, chyba że umowa międzynarodowa, której Rzeczpospolita Polska jest stroną, stanowi inaczej.	Польский уголовный закон применяется к лицу, совершившему запрещенное деяние на территории Республики Польша, равно как на польском водном или воздушном судне, если иное не предусмотрено международным законом, стороной которого является Республика Польша.
---	--

Czyn zabroniony popełniony jest umyślnie, jeżeli sprawca ma zamiar jego popełnienia, to jest chce go popełnić albo przewidując możliwość jego popełnienia, na to się godzi.	Запрещенное деяние совершается умышленно, если у <u>совершившего его лица</u> есть замысел его совершения, то есть оно намерено его совершить либо, предвидя возможность его совершения, соглашается на это.
Czyn zabroniony uważa się za popełniony w czasie, w którym sprawca działał lub zaniechał działania, do którego był obowiązany.	Запрещенное деяние считается совершенным в то время, в которое <u>совершившее его лицо</u> действовало или не предприняло действия, вменяемого ему в обязанность.

или, если вина доказана, посредством существительного *виновный*:

Jeżeli sprawca przebywa w zakładzie karnym albo w areszcie śledczym, polecenie doprowadzenia sąd przesyła dyrektorowi tego zakładu lub aresztu, załączając odpis orzeczenia.	Если виновный находится в исправительном учреждении или в следственном изоляторе, предписание о направлении посылается начальнику этого учреждения или следственного изолятора, с приложением копии решения.
W razie skazania sprawcy , o którym mowa w Art. 65, lub sprawcy, który osiągnął z popełnienia przestępstwa korzyść majątkową znacznej wartości, sąd orzeka przepadek osiągniętej korzyści lub jej równowartości.	В случае осуждения виновного , о котором говорится в ст. 65, суд может назначить конфискацию полученной имущественной выгоды, связанной хотя бы косвенно с совершением преступления.
(...) branie udziału w posiedzeniach sądu w przedmiocie wykonywania środków karnych związanych z poddaniem sprawcy próbie.	(...) участие в судебных заседаниях по вопросу исполнения мер наказания, предусматривающих испытательный срок для виновного .

Правомерность употребления как конструкций типа *лицо, совершившее преступление*, так и существительного *виновный* можно подтвердить в НКРЯ (пользовательский подкорпус нехудожественных текстов официально-деловой сферы), напр.:

Виновным в преступлении признается **лицо**, совершившее деяние умышленно или по неосторожности. [Владислав Плахотя. Речь защиты адвоката Плахотя Владислава Владимировича (2005)]

Российская сторона исходит из того, что будет проведено тщательное расследование этого преступления и **виновные** понесут заслуженное наказание. [Заявления и сообщения (2004) // «Дипломатический вестник», 2004.06.29]

ПарКорп-PL дает также возможность найти такие контексты, в которых слово *sprawca* получило совершенно другой эквивалент, чем *исполнитель*, *лицо* и *виновный*. Для этого в окне параллельного

поиска следует вписать «ненужные» русские эквиваленты, разделенные при помощи знака (|): **исполнител.*|лиц.*|виновн.*** и поставить «галочку» в окне отрицания. В результате мы получим лишь два следующих примера:

<p>Sprawca ponosi surowszą odpowiedzialność, którą ustawa uzależnia od określonego następstwa czynu zabronionego, jeżeli następstwo to przewidywał albo mógł przewidzieć.</p>	<p>Совершивший деяние подлежит более строгой ответственности, которую закон ставит в зависимость от определенного последствия запрещенного деяния, если он предвидел или мог предвидеть такое последствие.</p>
<p>Jeżeli w czasie orzekania obowiązuje ustawa inna niż w czasie popełnienia przestępstwa, stosuje się ustawę nową, jednakże należy stosować ustawę obowiązującą poprzednio, jeżeli jest względniejsza dla sprawy.</p>	<p>Если во время вынесения приговора действует закон, отличающийся от закона, действовавшего в момент совершения преступления, применяется новый закон, однако следует применять ранее действовавший закон, если он более благоприятен для совершившего преступление.</p>

Аналогичный приведенному вид поиска можно, конечно, проводить для анализа любых других случаев лексической эквивалентности.

2.2. Ни один из трех больших польско-русских словарей не содержит указаний на то, как переводить на русский язык польские сочетания существительных типа *konieczność*, *możliwość*, *niemożność*, *obowiązek* с родительным падежом отглагольного существительного в роли несогласованного определения (напр. *konieczność zastosowania*, *możliwość zobaczenia*, *obowiązek łżenia na utrzymanie*). В словарных статьях названных существительных лишь словарь Д. Гессена и Р. Стыпулы (Hessen, Stypuła, 2004) приводит один пример такого сочетания: «**możliwość zwycięstwa** возможность победы». Словарь под ред. Я. Вавжинчика (Wawrzyńczyk, red., 2005) дает примеры только таких сочетаний, которые можно переводить одним словом, напр.: «**możliwość naprawienia** исправимость», «**możliwość obliczenia** вычисляемость», «**możliwość udowodnienia** доказуемость», полагая, таким образом, что описание регулярных межъязыковых соотношений – задание не словаря, а сопоставительной грамматики.

В самом деле, учебники по сопоставительной русско-польском грамматике и пособия по русскому языку для поляков (напр.: Bogusławski, Karolak, 1973: 248-249, Wójcik 1975: 126-127), обращают

внимание на регулярность соотношения польских конструкций «существительное + отглагольное (или связанное со значением действия) существительное) с русскими «существительное + инфинитив».

Такое соотношение нетрудно проиллюстрировать данными параллельных корпусов независимо от направления поиска: от русского языка к польскому или наоборот. Оказывается однако, что названное соотношение можно принять в качестве модели перевода³⁵ только по отношению к художественным текстам. При переводе юридического текста данная модель уступает место другой.

Итак, если ограничить поиск сферой польских художественных текстов, мы получим ряд примеров, в которых сочетаниям лексем типа *możliwość*, *niemożność*, *konieczność*, *potrzeba* с отглагольным существительным соответствуют сочетания с инфинитивом, напр.:

<i>Możeby go poderwać i tą drogą uzyskać jakieś możliwości uczestniczenia w śledztwie?</i> [J. Chmielewska. <i>Wszyscy jesteśmy podejrzani</i> (1966)]	<i>Может быть, попробовать очаровать его, чтобы хотя бы этим путём изыскать какую-нибудь возможность участвовать в следствии?</i> [И. Хмелевская. Мы все под подозрением (Вера Селиванова)]
--	---

Примеры перевода аналогичных конструкций:

Польские художественные тексты	Русский перевод
możliwość druku	возможность печататься
możliwość oglądania	возможность наблюдать , возможность увидеть
możliwość okazania pomocy	возможность оказать помощь
możliwość opuszczenia plaży	возможность покинуть пляж
możliwość powrotu	возможность вернуться
możliwość przejażdżki	возможность прокатиться
możliwość przerabiania świata	возможность переделать мир
możliwość przeżycia	возможность выжить
możliwość studiowania	возможность учиться
możliwość urozmaicenia potraw	возможность разнообразить стол
możliwość uzyskiwania informacji	возможность собрать информацию
możliwość wejścia do lasu	возможность пройти в лес
możliwość wykonywania swego zawodu	возможности заниматься своей

³⁵ Под моделью перевода здесь понимается образец конструкции переводного языка регулярно используемый в переводе однотипных сочетаний определенной коммуникативной сферы исходного языка.

Польские художественные тексты	Русский перевод
	профессией
możliwość zdobycia pieniędzy	возможность раздобыть деньги
możliwość zobaczenia	возможность увидеть
chęć zachowania życia	потребность сохранить жизнь
konieczność dogadywania się z bolszewikami	необходимость договариваться с большевиками
konieczność udzielenia odpowiedzi	необходимость ответить
konieczność zachowania pozorów	необходимость сохранить видимость
niemożliwość działania	неспособность действовать
niemożliwość osiągnięcia doskonałości	невозможность достичь совершенства

Отклонения от этого правила единичны, напр.:

Stąd powstała konieczność utworzenia armii robotniczej, liczącej dziesiątki tysięcy głów (...). [Faraon, B. Prus]	Отсюда явилась необходимость создания рабочей армии, насчитывающей десятки тысяч человек (...). [Фараон, Б. Прус]
– Przecież, o ile mi wiadomo, nie wierzysz, przyjacielu, w możliwości uzyskania złota domowym sposobem. [Olga Tokarczuk. Podróż ludzi księgi (1993)]	– Да ведь, насколько мне известно, дружище, ты не веришь в возможность получения золота замороженным способом. [О. Токарчук. Путь Людей Книги (К. Я. Старосельская)]
Jak młyński kamień spadła wtedy na jego piersi konieczność wyjazdu . [S. Żeromski. Ludzie bezdomni (1899)]	И тут, как мельничный жернов, навалилась на его грудь необходимость отъезда . [С. Жеромский. Бездомные (Е. Ф. Усиевич)]

При переводе юридических текстов эквивалентами аналогичных польских сочетаний «существительное + отглагольное существительное в род. падеже», как правило являются конструкции той же структуры, напр.:

Uzasadnienie postanowienia o zastosowaniu środka zapobiegawczego powinno zawierać przedstawienie dowodów świadczących o popełnieniu przez oskarżonego przestępstwa oraz przytoczenie okoliczności wskazujących na istnienie podstawy i konieczność zastosowania środka zapobiegawczego. [Kodeks karny RP (1997)]	Обоснование постановления о применении меры пресечения должно содержать предъявление доказательств, свидетельствующих о совершении обвиняемым преступления и приведение обстоятельств, указывающих на существование основания и необходимости применения меры пресечения. [Уголовный кодекс Республики Польша]
---	---

Примеры перевода аналогичных конструкций:

Польские юридические тексты	Русский перевод
możliwość odebrania oświadczenia	возможность принятия заявления
możliwość odstąpienia od udziału w eksperymencie	возможности отказа от участия в эксперименте
możliwość popelnienia czynu	возможность совершения деяния
możliwość uiszczenia kary grzywny	возможность уплаты штрафа
możliwość uzyskania niezbędnej pomocy	возможность получения необходимой помощи
możliwość wyboru rodzaju kary	возможность выбора вида наказания
możliwość wywiązywania się z obowiązków	возможность выполнения обязанностей
możliwość zasądzenia renty	возможности присуждения ренты
konieczność zapewnienia prawidłowego toku postępowania karnego	необходимость обеспечения правильного хода уголовного производства
konieczność zastosowania środka zapobiegawczego	необходимости применения меры пресечения
niemożność orzeczenia przepadku przedmiotów	невозможность вынесения постановления о конфискации предметов
niemożność ustalenia tożsamości	невозможности установления личности
niemożność zaspokojenia z majątku odrębnego	невозможности уплаты из отдельного имущества
potrzeba roztoczenia opieki nad osobą niedołężną lub chorą	необходимость опеки над немощным лицом или больным
potrzeba zapewnienia opieki nad dziećmi aresztowanego	необходимость обеспечения опеки над детьми заключенного под стражу
potrzeba zastosowania tymczasowego aresztowania	необходимость применения временного заключения

Здесь отклонения от свойственной юридическому тексту модели перевода также единичны, напр.:

Jeżeli zachodzi konieczność izolowania tymczasowo aresztowanych od siebie, organ, do którego dyspozycji pozostają, informuje o tym dyrektora aresztu śledczego.	При возникновении необходимости изолировать временно арестованных друг от друга, орган, в чьем распоряжении они остаются, информирует об этом директора следственного изолятора.
(...) pozbawienie możliwości otrzymania paczek żywnościowych na okres do miesiąca.	(...) лишение возможности получать продуктовые посылки на срок до месяца.

Особый интерес представляют в этом отношении случаи, когда близкие по значению и структуре конструкции в зависимости от сферы употребления обладают различными моделями перевода:

Художественные тексты	Юридические тексты
<p>(...) dać ludziom możliwość zarabiania na ich chleb codzienny, sprawić, aby działały szkoły i uniwersytety, koleje i linie żeglugi. [Zniewolony umysł, Cz. Miłosz] – (...) дать людям возможность зарабатывать на хлеб насущный, сделать так, чтобы действовали школы и университеты, железные дороги и водные пути. [Порабощенный разум, Ч. Милош]</p>	<p>Skazanemu, który nie ma możliwości zarobkowania (...), dyrektor zakładu karnego może przyznać miesięczną zapomogę w wysokości do 1/10 przeciętnego miesięcznego wynagrodzenia pracowników. [Kodeks karny RP (1997)] – Осужденному, который лишен возможности заработка (...), начальник исправительного учреждения может предоставить месячное безвозмездное пособие в размере 1/10 среднемесячного заработка работников. [Уголовный кодекс Республики Польша]</p>
<p>Bo nie szło ci o zamach w stylu Birzinniego, nie chciałeś zdobywać korony siłą czy intrygą; nie, twoje ambicje jeszcze większe, pragnąłeś tronu, lecz bez konieczności płacenia zań. [J. Dukaj. Ruch generała (1997)] – Ведь тебе же не нужен был переворот в стиле Бирзинни, ты не хотел захватывать корону силой или же интригой; нет, твои амбиции гораздо выше, ты желал трона, но только без необходимости платить за него. [Я. Дукай. Ход генерала]</p>	<p>Jeżeli skazany, mimo możliwości uiszczenia zastępczej kary grzywny, nie uiszczy jej w terminie (...), sąd zarządza wykonanie zastępczej kary pozbawienia wolności (...). [Kodeks karny RP (1997)] – Если осужденный, несмотря на возможность уплаты альтернативного наказания в виде штрафа, не уплатит его в срок (...), суд потребует исполнение альтернативного наказания в виде лишения свободы (...). [Уголовный кодекс Республики Польша]</p>

2.3. Как известно, типичные с точки зрения своей структуры, польские пословицы, представляющие собой сложноподчиненные подлежащные предложения с местоимением *kto*, в главном члене которых подлежащее выражено (или может быть выражено) местоимением *ten*, имеют регулярные эквиваленты аналогичной структуры, ср.:

Kto nie pracuje, ten nie je – *Kmo* не работает, тот не ест.

Kto rano wstaje, temu Pan Bóg daje – *Kmo* рано встаёт, тому Бог подаёт.

Kto późno przychodzi, sam sobie szkodzi – *Kmo* зевает, том воду хлебает.

Такие соотношения являются моделью перевода предложений данного типа в художественном тексте. Ср. корпусные примеры:

Польские художественные тексты	Русский перевод
Kto chce zmienić człowieka, niech zmieni społeczne warunki. [Zniewolony umysł, Cz. Miłosz]	Кто хочет изменить человека, пусть изменит общественные условия. [Порабощенный разум, Ч. Милош]
Kto chce zachować głowę na plecach, niech słucha najwyższego wodza. [Faraon, B. Prus]	Кто хочет сохранить голову на плечах, должен слушаться верховного вождя. [Фараон, Б. Прус]
Kto pobłaża moim wrogom, ten sam jest moim wrogiem. [Boży bojownicy, A. Sapkowski]	Кто потворствует моим вратам, тот сам – мой враг. [Божьи воины, А. Сапковский]
Kto idzie na wojnę, mój krwiożerczy rycerzu, musi mieć odwagę w każdym calu duszy i w każdej zyle. [Popioły, S. Żeromski]	Кто идет на войну, мой кровожадный рыцарь, у того каждый фибр души должен быть полон воинственной отваги. [Пепел, С. Жеромский]

Оказывается однако, что данная модель не работает при переводе юридического текста. Ср. данные перевода Уголовного кодекса Республики Польша (1997):

Польские юридические тексты	Русский перевод
Kto stosuje środek masowej zagłady zakazany przez prawo międzynarodowe, podlega karze pozbawienia wolności...	Лицо , применяющее средство массового уничтожения, запрещенное нормами международного права, подлежит наказанию...
Kto namową lub przez udzielenie pomocy doprowadza człowieka do targnięcia się na własne życie, podlega karze...	Лицо , посредством подговора или предоставления помощи, доводящее человека до покушения на собственную жизнь, подлежит наказанию...
Kto nieumyślnie powoduje śmierć człowieka, podlega karze...	Лицо , неумышленно причинившее смерть человеку, подлежит наказанию...
Kto przeszkadza działaniu mającemu na celu zapobieżenie niebezpieczeństwu dla życia lub zdrowia wielu osób albo mienia w wielkich rozmiarach, podlega karze...	Лицо , препятствующее действиям, направленным на предотвращение опасности для жизни или здоровья многих лиц или большого количества имущества, подлежит наказанию...
Kto czyni przygotowania do przestępstwa określonego w art. 163 §1, art. 165 §1, art. 166 §1 lub w art. 167 §1, podlega karze pozbawienia wolności do lat 3.	Лицо , осуществляющее приготовление к преступлению, указанному в ст. 163 § 1, ст. 165 § 1, ст. 166 § 1 или ст. 167 § 1, подлежит наказанию лишением свободы на срок до 3 лет.

<p>Kto, znajdując się w stanie nietrzeźwości lub pod wpływem środka odurzającego, pełni czynności związane bezpośrednio z zapewnieniem bezpieczeństwa ruchu pojazdów mechanicznych, podlega karze pozbawienia wolności od 3 miesięcy do lat 5.</p>	<p>Лицо, которое, находясь в нетрезвом состоянии или под влиянием наркотического средства, исполняет функции, непосредственно связанные с обеспечением безопасности движения механических транспортных средств, подлежит наказанию лишением свободы на срок от 3 месяцев до 5 лет.</p>
<p>Kto przemocą, groźbą bezprawną, podstępem lub wykorzystując stosunek zależności lub krytyczne położenie, doprowadza inną osobę do uprawiania prostytucji, podlega karze pozbawienia wolności od roku do lat 10.</p>	<p>Лицо, которое, прибегая к насилию, противоправной угрозе, обману или используя отношение зависимости или критическое положение другого лица, понуждает его к занятию проституцией, подлежит наказанию лишением свободы на срок от 1 года до 10 лет.</p>

Корпус юридических текстов, содержащий 52 сложноподчиненных подлежащих предложения, начинающиеся с *kto*, не включает ни одного примера, в котором *kto* переводилось бы посредством русского местоимения *кто*. Во всех без исключения случаях ему соответствует существительное *лицо* или конструкция *лицо, которое...*

Стоит заметить, что для данного типа поиска наиболее подходящим является ПарКорп-Ru, обладающий возможностью использовать дополнительные критерии поиска, такие как «слово в начале предложения» или «слово с заглавной буквы».

Итак, параллельные корпуса являются обширной базой реальных текстовых примеров переводческих трансформаций, которая легко и быстро поддается самым разнообразным формам лингвистического поиска. Исследователю, овладевшему методами построения поискового запроса, остается лишь задача интерпретации доступного ему материала.

Приведенные примеры использования параллельных корпусов с русским и польским языками позволяют убедиться в том, что межъязыковые соответствия и модели перевода, которыми учащийся (поляк) овладевает в процессе обучения общенациональному русскому языку, не переносятся (или не полностью переносятся) на сферу юридического языка.

Библиография

Добровольский Д. О., 2009, *Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики*, [w:] Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы, Нестор-История, Санкт-Петербург, 383-401; <http://ruscorpora.ru/sbornik2008/20.pdf>

Добровольский Д. О., Кретов А. А., Шаров С. А., 2005, *Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования*, [w:] Национальный корпус русского языка: 2003-2005, Индрик, Москва, 263-296; <http://ruscorpora.ru/sbornik2005/17dobrovolsky.pdf>

Сичинава Д. В., 2013, *Параллельные корпуса в составе национального корпуса русского языка как инструмент лексико-грамматической типологии*, [в:] *Tipología léxica*, Rafael Guzmán Tirado, Irina A. Votyakova (ed.), Granada s. 77-82; http://www.academia.edu/3366459/_-_-.

Bogusławski A., Karolak S., 1973, *Gramatyka rosyjska w ujęciu funkcjonalnym*, Warszawa: Wiedza Powszechna.

Kuratzczyk M., 2013, *Polsko-rosyjskie korpusy równoległe i przykład ich wykorzystania w gramatyce konfrontatywnej*, „Komunikacja Specjalistyczna” *Tropy lingwistyki*, t. 6, Warszawa, s. 44-62.

Łaziński M., Kuratzczyk M., Orekhov B., Słobodjan E., 2012, *The Polish-Russian Parallel Corpus and Its Application in the Linguistic Analysis*, [w:] «Prace Filologiczne», t. LXIII, Wyd. Polonistyki UW, Warszawa, s. 209-218.

Wójcik T., 1975, *Gramatyka języka rosyjskiego. Studium kontrastywne*, PWN, Warszawa.

Словари

Bogusławski A., 1993, *Ilustrowany słownik rosyjsko-polski, polsko-rosyjski*, t. 1-2, Warszawa: Wiedza Powszechna.

Chwatow S., Timoszuik M., red., 2008, *Wielki słownik rosyjsko-polski, polsko-rosyjski*, Warszawa: REA.

Hessen D., Stypuła R., 2004, *Wielki słownik polsko-rosyjski*, t. 1-2, Warszawa: Wiedza Powszechna.

Wawrzyńczyk J., red., 2005 – J. Wawrzyńczyk, M. Kuratzczyk, E. Małek, H. Bartwicka, *Wielki słownik polsko-rosyjski*, Warszawa: PWN.

Zobek T., 2008, *Словарь юридической терминологии. Польско-русский*, Warszawa: Wyd. C. H. Beck.

Корпуса

Национальный корпус польского языка = Narodowy Korpus Języka Polskiego – <http://www.nkjp.pl>

НКРЯ = Национальный корпус русского языка – <http://www.ruscorpora.ru>

ПарКорп-PL = Польско-русский параллельный корпус =
Polsko-rosyjski i rosyjsko-polski korpus równoległy UW – <http://www.pol-ros.polon.uw.edu.pl>

ПарКорп-Ru = Русско-польский параллельный корпус –
<http://www.ruscorpora.ru/search-para-pl.html>

POLSKO-ROSYJSKIE KORPUSY RÓWNOLEGŁE W DYDAKTYCE PRZEKŁADU TEKSTU PRAWNEGO

Artykuł ma celu prezentację dwóch nowych korpusów równoległych z językiem rosyjskim i polskim oraz wykazanie ich przydatności w nauczaniu przekładu specjalistycznego. W szczególności podjęta została próba wykazania, że zarówno słownictwo, jak i konstrukcje składniowe opanowane przez Polaków w procesie nauczania ogólnej odmiany języka rosyjskiego a także zestaw środków językowych wykorzystywanych w polsko-rosyjskim przekładzie tekstów literackich nie dają się mechanicznie przenieść na sferę tekstów specjalistycznych. Materiał ilustracyjny pochodzi z dostępnych w obu korpusach równoległych tekstów: przekładu *Kodeksu karnego RP* (1997) oraz – dla porównania – przekładów tekstów literackich.

ANNA FORNALCZYK*University of Warsaw – Faculty of Applied Linguistics*

CHILDREN'S LITERATURE IN TRANSLATION CLASS – POPULAR (MIS)CONCEPTIONS AS REFLECTED IN STUDENTS' QUESTIONNAIRES

Children's literature, described as the “fourth” or the “separate” literature [Cieślowski 1985, orig. “literatura czwarta”, “literatura osobna”] is defined by the criterion of its audience. No wonder that the age of the readers is one of the key factors determining the mode of writing and, consequently, translating for the young audiences. The Israeli researcher Zohar Shavit emphasises that children's literature “belongs simultaneously and indispensably to the literary and the social-educational systems” [Shavit 1994: 4]. This inevitably results in the fact that opinions on what and how is written for children will be expressed not only from a literary perspective, but will strongly depend on the pedagogical, social and cultural criteria.

The purpose of this article is to investigate some popular assumptions regarding children's literature in translation on the basis of questionnaires completed by secondary-school and university students. The first group encompassed participants of the workshop “Translating children's literature”, that is, students of XL Stefan Żeromski's secondary school. The workshop was conducted in the framework of Warsaw Science Festival at the Faculty of Applied Linguistics in September 2013. The second group were last year BA and MA students of the School of English at the Academy of Social Sciences (Społeczna Akademia Nauk), and MA first-year students from the Institute of Applied Linguistics (University of Warsaw). This group focused on children's literature during regular translation workshops taught in December 2013.

Students were asked several questions before the class. Afterwards, they were given excerpts from works of children's literature

(including Dahl's *Fantastic Mr Fox*, Thackeray's *The Rose and the Ring* and Kelly & Tincknell's picturebook *Guess who's coming for dinner*). After translating the text and discussing individual translations in class, the students were given another set of questions on their experience with the translated text, their image of the translator, and expectations regarding translations of children's literature in general.

Before the translation task, students were asked about their expectations regarding difficulty level. The majority stated that they expected translating children's literature is as difficult as translating other types of texts, while several students considered it even more difficult than translating for other audiences. More than 85% supported the idea of teaching the translation of children's literature at universities or special courses, which shows that the respondents think the subject should be addressed from a professional perspective.

A series of questions investigated to what extent children's literature is integral in translation, that is, whether there is consent for manipulating the text in any way. Perhaps surprisingly, only 15% represented the opinion that the translator is not allowed to change the text any way. In another question, almost unanimously, the respondents put loyalty to the reader above faithfulness to the original, which means the text may be simplified if considered too difficult to understand by the audience.

Do students prefer those translations of children's literature that depict the world of the original culture or translations adapted to the Polish realia? The majority of secondary-school students preferred retaining the original realia, whereas in the other group both answers were equally popular. Proponents of leaving the original realia intact mentioned the cognitive and educational factors first (informing children about the world and other cultures, broadening their mind), they also referred to the integrity of the original (as original realia reflect the content of the text better, also, they wanted to read a text created by the author, not the translator). Those who supported the opposite solution, emphasised that it would be more comprehensible for children, and that in this way children can learn about the culture and customs of their own country, as they will grow up in this immediate environment.

Among factors considered as crucial for a "good" translation, the respondents mentioned first comprehensibility, then readability and faithfulness to the original (28, 19 and 11 choices respectively). As can be seen, rendering the content in a way relevant to the potential audience, fully understandable by the readers was considered an absolute priority. The second aspect, readability, means that the text reads fluently, is attractive and pleasing to the ear, rhythmical, does not give the impression it has been

translated. Finally, faithfulness to the original was understood as rendering the effect aimed at by the author, the same mood and emotions as the original text. The golden means, that is maintaining the balance between the original content and adaptation to the reader's culture (and cognitive development level) was mentioned by only one person.

After completing the pre-translation questionnaire, the students were asked to translate excerpts from *Fantastic Mr Fox*, *The Rose and the Ring* and *Guess who's coming for dinner*. Students' translations were then discussed in class. The discussion focused mainly around the rendering of culture-specific items (such as proper names, culinary items, idioms, etc.), and stylistic issues (syntax, rhythm, register etc.). Students were encouraged to freely express their opinions, no translation solutions were evaluated by the teacher as correct or incorrect (with the exception of obvious linguistic or factual mistakes).

Then, the students were given another set of questions (post-translation questionnaire), the first part of which referred to their experience regarding the translation workshop. Only two people admitted the translation was easier than they had expected. For the majority of secondary-school students (83%), and a half of university students the translation proved to be more difficult than expected. Asked about particulars, the respondents revealed that some aspects were more demanding than others: one had to say things in the clearest possible way, and to create clear, simple sentences, accessible for the young reader, but at the same time remain faithful to the original and search for interesting solutions encouraging children to read. Students felt that remembering about the specificity of the reader, stepping into the child's shoes was the largest challenge, as it meant translating for a different age group than the one the translator himself belongs to. Among specific aspects of the texts discussed in class, the most troublesome were proper names (mentioned by 84% of respondents), rhymed text fragments (for one-third of respondents) and stylistic problems (for one-third of respondents).

When asked about the predispositions of translators translating texts for children, the students mentioned the following factors: linguistic skills (including writing skills to create a text adapted to the child reader's cognitive level and attractive for the audience; appeared 38 times in the questionnaires), linguistic education and translation education/competence in general (21 times), creativity (11 times), pedagogical education/experience (5 times). It might be concluded that appropriate skills (whether in-born or acquired in the course of education process) were mentioned twice as often as formal education or experience. At the same time, 84% of all respondents felt that children's literature should be taught at universities

or translation courses while only the minority were of the opinion that translating for children does not require special education, or even skills and predispositions (the respondents did not change their opinion after completing the translation task).

Only one person stated that if the translator knows the group he is translating for, consultation is not necessary. Most students, however, would consult children as future readers, e.g. reading the translation aloud to children, to check whether the target language text is comprehensible and how children would receive the translation. Seven students mentioned teachers as potential advisers, while ten would check with parents both for content and for better understanding of what children like and what they can comprehend. Fourteen would consult others (without specifying any particular group of consultants) in order to make sure they did not overlook any hidden meaning, while one would check with children's psychologists, and two – with other translators translating for children. As can be seen, the potential readers' responses to the text were given priority. While the majority of the students considered the profile of the potential reader (as many as 22 respondents would support adapting the text to the reader to make it more comprehensible or entertaining), some focused mainly on ensuring the “correctness” of the target text (understood as faithfulness to the original) through consultations with specialists.

The most diversified answers resulted from the sixth question: “Can the translator censor texts for children, especially those regarding taboos, such as alcohol? Why (not)?” The divergence of opinions probably reflected which dimension of children's literature the respondents considered more important: the literary or the pedagogical one? Altogether, twenty seven students would support censorship: among them, seven without any further conditions (as, in their opinion, children's literature should be free of controversial subjects or negative phenomena, should instill good patterns in the readers), three would do so only after the author's or the publisher's consent, seven would express the same content in milder words (e.g. when vodka or whiskey was mentioned, they would render it as beer or wine) and seven would introduce changes only in the case of differing cultural norms (e.g. when the target language culture has a different approach to the topic than the source language culture, cf. the approach towards alcohol in Europe and in Islamic countries). Fifteen students decided against censoring the original, stating that it would be against the principle of faithfulness to the original – if the author did not censor a text, neither should the translator, and four more justified their view with the fact that children encounter such phenomena anyhow and should learn about the realia of the 'adult' world. Three students said it

would depend on the reader's age or would be the translator's individual decision. All in all, there was a clear division between those who favoured the integrity and independence of the text and the translator's faithfulness to the author, as opposed to the more pedagogically-oriented students, who would agree to censor undesirable elements for the sake of keeping children away from controversial issues (30% and 55% respectively).

“Would you like to translate texts for children yourself?” Only one-third of secondary-school students answered positively, while the others revealed they were not interested or did not possess the skills and character features they considered indispensable for this job (such as patience or writing skills). On the contrary, over one-half of university students would find translating for children a fascinating, creative activity, and the others said they lacked the necessary predispositions, such as writing skills or imagination.

The second set of questions from the post-translation questionnaire referred to the expectations regarding translating texts for children. Again, the respondents turned out to value loyalty to the reader more than faithfulness to the original, agreeing that the text may be simplified for the sake of comprehensibility. In the next question, the respondents ordered the qualities of a good translation, ranging from the most important to the least important one. The majority of students chose the following order of importance: It should be adapted to the child's cognitive level and understandable – It should read well – It cannot change/alter the original – It should be adapted to the target language culture. The first two criteria, that is comprehensibility and readability ranked highest, as contrasted with the integrity of the original and cultural adaptation.

Also, students came up with interesting ideas on how to improve the quality of texts translated for children. They suggested that the best translations come from translators who feel the text well, understand it and in a way identify themselves with the text (three respondents), they should also understand children and make sure the text they produce is understandable and attractive (twenty four), several students emphasised the need for team work (including consulting specialists in children's psychology and other, more experienced translators – five) and formal education (three) and translation competence in general (four), as well as reading a lot of children's literature oneself (two). Students also emphasised the publisher's role in ensuring the best quality of translations, suggesting that books should be frequently re-translated, and only the best translations should be published. Another idea would be to make the translations

subject of critique and publish these assessments so that future translators know how to approach each book and what mistakes to avoid.

The next three questions referred to the students' approach to adaptation techniques in children's literature, including explanations from the translator. In the case of proper names, the domesticating strategy (bringing the text closer to the reader) was supported by the vast majority (80%) of respondents, who stated that names changed to sound more familiar would enhance the pleasure of reading, help readers imagine the given character better, bring more associations, facilitate reading, help achieving the same effect as the one intended by the author of the original, encourage identification with the protagonist of the given story. Few arguments were raised in favour of the foreignizing approach (emerging the reader in the source language realia): names should be consistent with the original to reflect the original atmosphere. Also, it must be noted here that names on which students based their responses may have been primarily the so called "speaking names", that is, semantically transparent ones, which were quite frequent in the texts discussed.

Do the respondents represent a different approach when culture-specific elements (measure units, culinary items) are concerned? The situations here seems to be very similar. Nearly 80% of students were of the opinion that the text should contain elements of the culture the child grows up in and that the familiar elements are more comprehensible. One student recalled that, when a child, she never knew how tall Thumbelina (Polish "Calineczka") was. Every sixth student, however, would leave the original realia intact, believing that the child should learn new words and understand that the realia are different in different countries (the child should feel the text and its cultural background – when she/he reads the book again as an adult, she/he will feel cheated on).

More than 46% of respondents reacted positively to introducing paratexts (explanations from the translator), approaching them as a helpful device explaining potentially unclear content and a source of additional information for an inquisitive reader. Only four respondents would accept explanations from the translator only when they proved to be absolutely necessary. On the other hand, nearly one-fourth of students considered translators' comments as not necessary, too complicated or confusing for children; information for parents rather than the young audience. They also believed that the target text as such should be fully comprehensible, and comments make the text less readable and break its rhythm.

Finally, the students were asked about their impressions regarding the workshop, whether it changed their perspective on translating children's literature in any way. Only every eighth student stated that the

workshop did not change their perspective in any way. Others realised that the task was much more challenging than they had previously thought, more work-consuming and requiring certain predispositions, such as good imagination, and encouraged critical reflection on the role of children's literature in human development.

All in all, the opinions expressed before and after the translation task (in pre- and post- translation questionnaire) were very similar, with one exception. Although most students realised originally that it is as difficult to translate for children as for other audiences, the translation still proved to be more demanding than expected. As already mentioned, only every eighth student stated that the workshop did not change their opinion on translating children's literature in any way; for others the task was much more challenging than they had previously thought.

How do these opinions expressed by students, participants of the translation workshop, refer to the actual state of the art in the field of translated children's literature?

The vast majority of students felt the need for teaching children's literature in translation at universities, and for one-third of secondary-school students and over one-half of university students translating for children would be an attractive job or free-time pursuit. Unfortunately, no university in Poland seems to offer bachelor's or master's degree courses in children's literature (abroad, especially in the English-speaking countries there are universities offering BA, MA and doctoral courses in this field, e.g. British universities in Reading, Warwick and Roehampton, and multiple American ones, to mention only Pennsylvania, California, Portland and Illinois State Universities). For the time being, Polish universities usually offer only single courses devoted to children's literature in general and its translation in particular. However, this seems to be changing (e.g. in 2012, the Faculty of Polish Studies of the University of Warsaw introduced a more extensive, two-term post-graduate course devoted to children's books in the world of today – “Literatura i książka dla dzieci i młodzieży wobec wyzwań nowoczesności”). In the field where everyone thinks they are experts [cf. Barańczak 2004], extensive academic education with solid empirical basis would be invaluable.

The questionnaires also showed there exists a need to improve on the quality and professional critique of translations. However, this issue has been frequently raised in connection with literature in general [see e.g. Komendant 1981, Paszkiet 2013].

Most students would accept changes introduced by the translator for the sake of comprehensibility and readability, and agree to censor undesirable elements. In general, loyalty to the reader was evaluated as

more important than faithfulness to the original text, which is also reflected in the fact that many respondents emphasised the role of consulting future readers to make sure the translation meets their expectations. In theoretical research on translation, a similar approach has been represented by the Finnish researcher Riitta Oittinen, who advocates a child-centred theory of translation focusing on the child as the reader and the child-text interaction. She purposefully uses the term “translating for children” rather than “translation of children's literature”, thus emphasising the role of the actual reader.

The priority of comprehensibility and readability is also reflected in the preference of the domesticating over foreignizing translation strategy in the case of proper names and cultural words. Although there are theoretical studies devoted to the problem of using domestication or foreignization in translating texts for children, there is hardly any empirical research on the preferences of the young readers [for a detailed discussion, see Fornalczyk 2012: 68-71].

The phenomena discussed above might have a different dimension as well: possibly, the lack of respect towards the integrity of the original text and consent to manipulate the text in various ways might result from the low status of children's literature within the literary polysystem [cf. Tabbert 2002: 303]. Once again, one can see the need to improve the situation, perhaps starting from developing university programmes focusing on professional research into this area.

PRE-TRANSLATION QUESTIONNAIRE

Information about respondents

Secondary school students (23)			University students (25)			
sex		age	sex		Age	Age
male	female	16-17	male	female	20-22	23-29
5	18	23	7	18	11	14

1) Do you think that translating texts for children is more difficult than other types of translation?

	Secondary school	University
Yes, it is more difficult	5	7
No, it is easier	2	3
It is equally difficult	12	9
Difficult to say	4	6

2) Should translating for children be taught at university or special courses?

	Secondary school	University
YES	20	22
NO	3	3

3) Can the translator change-alter the translated text in any way?

	Secondary school	University
YES	19	22
NO	4	3

4) Tick the statement that you think is true:

	Secondary school	University
When translating for children, rendering the content is the most important thing, even for the price of simplifying the original	22	24
When translating for children, faithfulness to the original is the most important thing.	1	1

5) Do you prefer translations which depict the world of the original culture or translations adapted to the Polish realia? Why?

		Secondary school		University
O R I G I N A L	18	cognitive and educational value: informs children about the world and other cultures, broadens their mind (x11); lets children emerge in the original (x1); reflects the content of the text better (x4); I want to read a text created by the author, not the translator (x1)	13	cognitive and educational value (x8); children have good imagination and can easily imagine other cultures (x1); consistent with the original (x1); we are transferred into a totally different world (x1); it's not mishaped through the translator's influence (x1); it's more exotic and more interesting (x1)
	A D A P T E D	3	It takes time for one to grow to understand the world and other cultures (x1); one can feel the world depicted better (x2)	12

6) How will you tell the translation is good?

Secondary-school	University
comprehensibility (content rendered relevant to the potential audience; coherent, understandable, logical; x15); readability (x8); faithfulness to the original (x6); linguistic correctness (x4); stimulates imagination (x1)	comprehensibility (simple sentence structure, simple vocabulary, coherent; x13); readability (x11); faithfulness (x5); if the balance is maintained between the original content and adaptation to the reader's culture (x1); if the book is in high demand by customers (x1)

POST-TRANSLATION QUESTIONNAIRE

Information about respondents

Secondary school students (24)			University students (25)			
sex		age	sex		Age	Age
male	female	16-17	male	female	20-22	23-29
5	19	24	7	18	11	14

Personal experience/the image of the translator

1) Was the translation of the text easier or more difficult than you expected? Why?

	Secondary school	University
Easier	0	2
More difficult	20	12
Just as I expected	4	9

2) Which elements of the text proved to be most difficult in translation?

	secondary-school	university
Names	19	22
Stylistic aspects (some expressions, idioms, the rhythm, syntax, stylistic rules of both languages, puns, parallel structures, cultural elements, literary allusions)	11	6
The rhymed elements	11	4

3) Should one have any special skills, predispositions, education, while translating for children?

	secondary-school	university
YES	linguistic skills (x22); linguistic education / translation competence (x16); creativity (x4); pedagogical education/experience (x3); being able to “talk” to children (x1), patience (x1); talent (x1); intelligence (x1); childlike sensitivity (x1)	linguistic skills (x16); linguistic education / translation competence (x5); creativity (x7); pedagogical education/experience (x2); read children's books oneself (x1); like children, have a positive attitude (x1); have a sense of humour which children like (x2)
NO	activity good for anyone, does not require special education (x1)	no. but should have a positive attitude and remember about the reader he is translating for (x1)

4) Should translation for children be taught at universities / special courses?

	Secondary school	University
YES	22	19
NO	2	4

5) Should the translator consult anyone while working on the translation?

Secondary school	University
The translator should consult: children (x8); teachers (x1); parents (x2); psychologists (x1), should consult others (x10), depends on the translator (x1), only in some cases (x2), it's not essential (x1)	The translator should consult: children (x16); teachers (x6); parents (x8); psychologists (x1); should consult others so that the text is understood really well (x4); other translators for children (x2)

Can the translator censor texts for children, especially those regarding taboos, such as alcohol? Why (not)?

Secondary-school students

Yes (x11)	No (x7)	Other (x6)
only after consulting the author/the publisher (x2); in order not to violate the target language cultural norms, e.g. alcohol in Islamic countries, (x5); may, but it's not necessary (x3); no further comment (x1)	children encounter such phenomena anyhow (x1); if the author did not censor a text, neither should the translator (x5); children should learn about the realia of the adult world (x1)	depends on the age of the children (x2); it's the translator's individual decision (x1); don't know (x3)

University

Yes (x16)	No (x 8)	Other (x1)
Yes, he should – texts for children should be free of any negative aspects of life (x1); some topics shouldn't be addressed in books for children because of their age (x4); shouldn't censor totally, but make it milder (x7); depending on the culture of the target language (x2); one should consult the publisher (x1); no further comment (x1)	no – it's parents' or teachers', not translators' decision whether sth is appropriate for a child, the translator's role is translating the original, retain the author's idea (x8)	I don't know (x1)

1) Would you like to translate texts for children yourself? Why (not)?

	Secondary school	University
YES	Yes – it's fascinating (x6); yes, but not on a professional basis (x2)	Yes, it's pleasant and interesting / challenging (x13)
NO	Don't have predispositions, patience (x5), not my style of writing (x4), it's not interesting (x6); difficult to say (x1)	I don't have writing skills / predispositions, imagination (x5); don't know (x3); not interested (x2)

Translation-related expectations

1) Tick the statement that you think is right:

	Secondary school	University
When translating for children, rendering the content is the most important thing, even for the price of simplifying the original	23	22
When translating for children, faithfulness to the original is the most important thing.	1	1

2) Please order the qualities of a good translation, ranging from the most important (4) to the least important (1) one.

Secondary-school students:

It should read well	1-3, 2-5, 3-9, 4-7
It cannot change/alter the original	1-12, 2-4, 3-2, 4-6
It should be adapted to the target language culture	1-6, 2-12, 3-5, 4-1
It should be adapted to the child's cognitive level and understandable	1-3, 2-3, 3-8, 4-10

University students:

It should read well	1-3, 2-9, 3-6, 4-5
It cannot change/alter the original	1-10, 2-4, 3-4, 4-5
It should be adapted to the target language culture	1-2, 2-10, 3-8, 4-3
It should be adapted to the child's cognitive level and understandable	1-6, 2-3, 3-7, 4-7

3) What can be done to improve the quality of texts translated for children?

Secondary-school	University
<p>the best translations come from translators who feel the text well and in a way identify with the text (x2); consult children (x9); team work (x2); organize courses for translators (x3); approach the text professionally (x2); use elements facilitating reading (x1); be consistent (x1); retain all aspects of the original and adapt the text to the child (x1); stimulate children's imagination (x1); use one's imagination and skills (x1); understand children (x1)</p>	<p>make sure the translator's language is understandable and attractive (x1); consult children, observe them, ask them what they like best (x4); other translators could read and correct them, books could be re-translated after some time (x1); perceive the translation from the reader's perspective (x2); make sure translations are conducted by qualified people (x2); the translator should be committed to his task (x1); make them subject of critique and publish these assessments; make the text attractive, entertaining, also educative to some extent (x2); make it closer to the target language culture (x1); read children's literature (x2); team work (x1); use children's ideas and suggestions (x1); consult other translators (x1); read the text aloud to children and assess their reaction (x1); publish only best translations (x1)</p>

4) Should proper names be changed in translation to sound more familiar?

	Secondary school	University
Y E S	<p>Yes, they should be changed x19 (they should be more attractive, catchy x1; otherwise we could e.g. lose some part of pun x1; the translation should bring some associations x6, so that the character is easier to imagine x4; yes, for names which carry meaning x3; it facilitates reading x1; only when necessary x1; for the text to be more attractive x2; for children to understand the text better x1; yes, it sounds better in books for children, also many books are not set in a specific country x1)</p>	<p>Yes, they should be changed x20 (if they have some additional meaning x4; yes, the text will be more understandable x4; only when absolutely necessary x1; it is easier for children to imagine things depicted x2; it's basic for translating CL, influences the attractiveness of the text x1; yes, should reflect the effect intended by the author x1; closer in pronunciation to the TL rules x1; should be familiar so that the child may reflect them to the real world or associate with some real name x1; it's easier for the reader to identify with the protagonist x1; they should be adapted,</p>

		but should somehow refer to the original names x1; should be adopted to the reality of the potential reader x1
N O	No, they shouldn't be changed x3 (names should be consistent with the original x1; sometimes names when translated could sound strange or silly x1; not for names like John, Jane x1)	No, foreign names may discourage children from reading (x1)
O T H E R	x2 (it depends on age and theme x1; it depends on the text, x1)	x1 (it depends on the age of the reader – until 10 years old, yes, above – one shouldn't change names); don't know/irrelevant answers x3

5) Can the realia be changed so that they are more understandable for a child (e.g. miles changed into kilometres or pounds into kilograms)?

	Secondary-school	University
Y E S	Yes, they should x17 (I never knew how tall Thumbelina was x1; yes, the child should learn about his country's realia, it will be easier to understand x2; easier to understand, imagine the situation x11; children don't know such things x2; the book reads better, no need to consult anyone x1)	Yes, they should x21 (what is known is better understandable x8; easier to imagine the world depicted x4; yes x4; the text should contain elements of the culture the kid grows up in and understands x3; children don't have adequate knowledge, the translator should adapt x1)
N O	No, they shouldn't x5 (it is worth introducing new words; not essential, but footnotes should be added x2; the child should feel the text and its cultural background x1; no, when the child grows up and thinks about the book will feel cheated on)	Not necessary x3 (the child learns fast and will be able to assimilate anything x1; parents may explain it x1; children should learn new words, understand that the realia are different in different countries x1)
O T H E R	Individual decision – for some children, measure units are abstract (x1); not essential, but facilitates reading (x1)	Change for younger children, leave for older with explanations (x1)

6) Can the translator add any explanations to the text?

	Secondary school	university
Y E S	only when absolutely necessary (x2); yes x 10 (if it helps understand the text x2; yes, but not the best solution in case of children's literature x3; yes, if some things are untranslatable/ precise x3; yes, as seldom as possible x1; yes, but explanations should be clear and simple x1)	Only when absolutely necessary (x2), yes x 13 (It might be helpful x1; yes, it's additional information for an inquisitive reader x1; only when absolutely necessary x6; yes, they make the text more understandable x2; yes, as long as the text remains coherent and logical x1; if sth requires explanation (e.g. historical dimension) the explanation should be provided x4; for older children when we transfer original cultural elements x1; yes, if they are natural within the text x1; yes, as long as they are interesting and short x1)
N O	No x9 (Not necessary x2; too complicated x1; it's information for parents, not children x1; not in children's literature – the text will lack informality x1; the child won't read them x1; it wouldn't make sense, will cause confusion x2; the text as such should be intelligible x4; they make the text less readable and break its rhythm x1)	No x4 (they can distract the reader from the text x2; I don't know x1; should be avoided to retain the coherence of the text x1; not a good idea because the translator's influence is visible, also, it would not be clear for kids x1)
O T H E R	Don't know (x3)	Don't know (x6)

Has the workshop changed your perspective on translating children's literature?

Secondary-school	University
a different perspective x 23 (more challenging than previously thought x14; I can see how laborious it is x2; I have now more respect for translators x2; requires imagination x1; it's interesting x7)	a different perspective (x19) (challenging task, requiring imagination and appropriate skills x6; professional interest x1; more difficult than I thought x8; made me aware of how important CL is for shaping the person when young x1);

did not change my perspective x1

I'm not interested x1; did not change my perspective, I knew what to expect x5

References

Barańczak, S., 2004, *Rice pudding i kaszka manna: O tłumaczeniu poezji dla dzieci*, [in:] «Ocalone w tłumaczeniu. Szkice o warsztacie tłumacza poezji z dołączeniem małej antologii przekładów», Wydawnictwo a5, Kraków, pp. 65-75.

Cieślakowski, J., 1985, *Literatura osobna*, Nasza Księgarnia, Warszawa.

Dahl, R., 2007, *Fantastic Mr Fox*, Puffin Books, London.

Fornalczyk, A., 2012, *Translating anthroponyms. Exemplified by selected works of English children's literature in their Polish versions*, Peter Lang, Frankfurt am Main.

Kelly, J. and Tincknell, C., 2004, *Guess Who's Coming for Dinner*, Templar Publishing, Dorking.

Komendant, T., 1981, *Książki na etatach*, [in:] «Literatura na świecie» 9, pp. 342-351.

Oittinen, R., 2000, *Translating for Children*, Garland: New York.

Paszkiel, S., 2011, *Raport o sytuacji tłumaczy literackich w Polsce*.

Online article, accessed January 2014,

http://stl.org.pl/site_media/dokumenty/2012/Raport_o_sytuacji_tlumaczy_literackich_Paszkiel.pdf.

Shavit, Z., 1994, *Beyond the Restrictive Frameworks of the Past: Semiotics of Children's Literature – A New Perspective for the Study of the Field*, [in:] «Kinderliteratur im interkulturellen Prozess. Studien zur allgemeinen und vergleichenden Kinderliteraturwissenschaft», H. H. Ewers, G. Lehnert, E. O'Sullivan (eds.), Verlag J. B. Metzler, Stuttgart, Weimar, pp. 3-15.

Tabbert, R., 2002, *Approaches to the translation of children's literature. A review of critical studies since 1960*, [in:] «Target» 14:2, pp. 303-351.

Thackeray, W. M., [1855], *The Rose and the Ring*, online version accessed September 2013-January 2014, <http://www.gutenberg.org/files/897/897-h/897-h.htm>.

LITERATURA DZIECIĘCA NA WARSZTATACH TŁUMACZENIOWYCH. OCZEKIWANIA WOBEC PRZEKŁADU NA PODSTAWIE ANKIET STUDENCKICH

Celem artykułu jest przedstawienie wyników ankiety nt. tłumaczenia literatury dziecięcej, przeprowadzonej wśród uczestników warsztatów przekładowych zorganizowanych w ramach XVII Festiwalu Nauki w Warszawie we wrześniu 2013 roku oraz wśród studentów Instytutu Anglistyki Społecznej Akademii Nauk oraz Instytutu Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego w trakcie warsztatów tłumaczeniowych w grudniu 2013 roku. Ankieta dotyczyła oczekiwań wobec tego typu przekładu, osobistych doświadczeń studentów w trakcie pracy nad tekstami oraz wizerunku tłumacza. Wyniki ankiety zostały omówione w odniesieniu do aktualnego stanu badań nad tłumaczoną literaturą dziecięcą. Najważniejszym postulatem wynikającym z ankiety jest pogłębienie refleksji akademickiej nad tą dziedziną przekładoznawstwa np. poprzez tworzenie kursów uniwersyteckich.

MONIKA KONERT-PANEK*University of Warsaw – Faculty of Applied Linguistics*

LEGAL ENGLISH – PRONUNCIATION TRAPS

Mastering English pronunciation is a challenging task, the success in which depends on a number of factors. From the perspective of the learner, this process may involve obstacles of distinct types: physiological (articulation difficulties, speech disorders), psychological (self-consciousness, lack of motivation) or sociological (the effects of peer pressure or the need to retain foreign accent as part of one's identity, an interesting example of which is discussed by Laroy [1995: 6-7]).

Apart from the abovementioned general factors, often interlinked with one's emotions and sense of identity, the phonetic intricacies of English should also be taken into account. In this article, I will focus on the problems that Polish learners may encounter while dealing with the demanding area of legal language.

L1- and L2-interference (Sobkowiak 2004a, 2004b), spelling pronunciation, the confusion regarding British-American English contrasts can be mentioned among such crucial pronunciation-affecting factors. One may venture a claim that it is L1-interference, operating both at the segmental and suprasegmental (prosodic) level, that leads to the majority of local and global pronunciation errors. Compared with English, Polish phonological system has more consonants and fewer vowels, hence more pervasive problems in mastering the vocalic system of English. Vocalic contrasts comprise both quantity and quality features, the presence or absence of schwa, as well as different status and articulation of diphthongs. With regard to the suprasegmental level, selected crucial contrasts are exemplified below (the words in focus being either equivalents or having only similar phonetic shape in the two languages):

1. Word stress: inte'**l**igent (Pl) – in'te**ll**igent (En)
2. Final devoicing: ko**d** (Pl) – co**d** (En)
3. Voice assimilation: ab**st**rakt (Pl) – ab**st**ract (En)
4. Silent letters/phonotactics: **p**sychologia (Pl) – **p**sychology (En)

Example (1) illustrates different word-stress patterns in the two languages: Polish has relatively fixed paroxytonic stress³⁶, while English patterns are more complex and highly irregular. One of the most frequent type of Polish error is connected with the contrast presented in (2), i.e. the presence/absence of final devoicing. Voice assimilation of obstruent clusters (example (3)) is another problematic area of English pronunciation, where the disagreement of voicing is allowed. The final example illustrates different properties of the two languages with regard to consonantal clusters, silent letters and phonotactic patterns. English syllable onsets are significantly simpler [cf. Sobkowiak 2004a: 221-222] in comparison with Polish *ptak*, *pnącze*, *tkać*, *mknąć* or *Pcim*. Yet, there are silent letters in English: in the onset (*xenophobia*, *gnome*, *gnaw*, *knee*, *pterodactyl*) or in the coda of the syllable (*column*, *climb*, *sign*) which Polish learners are tempted to pronounce. In short, English is particularly complex with regard to spelling-pronunciation discrepancies, as it is pointed out in a well-known, though not clear if correctly attributed to George Bernard Shaw, linguistic joke, according to which the potential (and independently justified) spelling of the word *fish* could be *ghoti*.

As shown above, English pronunciation proves to be rather challenging even when we focus on the general language. The level of difficulty rises the moment we shift to the specialised language. The aim of this article is to draw learners' (and teachers') attention to these aspects of legal terminology that are potentially difficult from the phonetic perspective. Many pronunciation problems in this area are derivatives of general Polish-English contrasts discussed above. Additionally, legal English has its specific pronunciation features that need to be emphasised.

The terms under discussion were excerpted from selected legal English coursebooks [Berezowski 2007, Jakubaszek 2004, Konieczna 2007]. The examples are organised in accordance with a given phonetic feature, segmental or suprasegmental, with reference to further selected problem areas, such as silent letters, the pronunciation of non-native words and acronyms. The term is provided in its spelling form (the crucial parts of

³⁶ Though some important exceptions cannot be overlooked, as evidenced by the words.: *matematyka*, *napisaliśmy*, *rzeczpospolita*, *PKP* or *ovej!* [Szypra-Kozłowska 2002: 44-48].

the word are given in bold), the correct pronunciation (standard British English is used as a model) and the predicted typical Polish error (the basis being literature on Polish-English contrastive phonetics, as well as the personal teaching experience of the author).

Tab. 1. Vocalic contrasts

Vocalic contrasts		
Spelling	Correct pronunciation	Common error
Schwa		
arbitration	ə ³ n	ɔn
jurisdiction	ə ³ n	ɔn
non-competition	ə ³ n	ɔn
non-solicitation	ə ³ n	ɔn
contractor	ə ^r	ɔr
Other vowels		
premium	i: əm	ε; u
patent	eɪ (æ) ³⁷	a
vice president	aɪ	i
audit, authorise	ɔ:	aw
law, draw	ɔ:	ɔw
purchase	ɔ:	u
instal(l)ment	ɜ:	a

³⁷ After *Cambridge English Pronouncing Dictionary (17th edition)*: “For British English, /¹pæt. ənt/ in letters patent; otherwise /¹peɪ.tənt/ seems the more usual. For American English, the usual pronunciation is /¹pæt. ənt/, except for the meanings open, obvious, where /¹peɪ.tənt/ is the normal form”.

chamber	eɪ	ɛ, æ
covenant	ʌ	ɔ
component	əʊ	ɔ
engrossment	əʊ	ɔ
insure, surety	ʊə, ɔː	u

The examples presented in Tab. 1 feature a variety of vowels. The reduced vowel schwa is not part of the Polish phonological system. Consequently, Polish learners usually have problems with identifying its position and they produce a full, unreduced vowel instead. Further problems regard the spelling pronunciation of the words such as *premium*, *vice president*, *patent* or *audit*, which is additionally reinforced by their Polish equivalents. L2 interference and English spelling-pronunciation discrepancies may be the causes of common pronunciation problems in the case of words such as *chamber* (cf. *cat*), *covenant* (cf. *cot*) or *engrossment* (cf. *got*). The confusion regarding British vs. American English may be relevant in the case of the final two words (*insure*, *surety*), which are not pronounced with a diphthong in the latter variety.

With regard to consonantal contrasts, let us examine the table below.

Tab. 2. Consonantal contrasts

Consonantal contrasts		
Spelling	Correct pronunciation	Common error
Geminates		
irrevocably	r	rr
arrear	r	rr
anniversary	n	nn
collateral	l	ll
consummation	m	mm
illegal	l	ll
allocate	l	ll

Other consonants		
binding, forego ing , proceed ings	-ɪŋ -ɪŋz	-ɪŋk -ɪŋks
witness eth , not with standing, with hold	θ ð	t (s, f) d (z, v)
jurisdiction	ɔʒ	j
ratio	ʃ	t
chattel	tʃ	ʃ

L1 interference is the reason why many Polish speakers produce the geminate (long consonant) in the first set of words above. Among other typically problematic consonants one may list: the velar nasal [ŋ] when no velar plosive follows, the two dental fricatives [θ, ð], L1 interference in the case of words whose phonetically similar equivalents exist in Polish (*jurisdiction*), spelling pronunciation (*ratio*) or the potential interference from French (*chattel*).

Next, the prosodic dimension is in focus (Tab. 3).

Tab. 3. Suprasegmental contrasts

Suprasegmental contrasts		
Spelling	Correct pronunciation	Common error
Final devoicing		
notices, companies	-ɪz	-is
headings, renews	-z	-s
clause	-z	-s
as of	-z, v	-s, f
renewed	-d	-t

Voice assimilation		
sub cl ause	bk	pk
sub p aragraph	bp	pp
sub s idiary, sub st antial, sub st antive	bs	ps
head q uarters	dk	tk
Silent letters		
rece ip t	-	p
he ir	-	h
mort g age, mort g agee	-	t
w ri t	-	w
sovere ig n, sovere ig nty	-	ɛjg

Among suprasegmental Polish-English contrasts, final devoicing and voice assimilation are particularly important, as they account for the great number of Polglish errors. Silent letters may require additional practice as well, for the learners to see this systematic feature of English and, subsequently, avoid the tendency to pronounce them.

Table (4) provides an overview of the specific features of legal English pronunciation, such as: compound prepositions (with the focus on the presence or absence of [r]), shifting stress patterns in word families, the pronunciation intricacies of non-native terms, as well as initialisms and acronyms.

Tab. 4. Legal English pronunciation intricacies

Legal English pronunciation intricacies	
Spelling	Pronunciation
Compound prepositions and the pronunciation of [r]	
hereby, hereto, herewith, whereby	hɪə ¹ baɪ, ɪhɪə ¹ tuː, ɪhɪə ¹ wɪð, weə ¹ baɪ
hereunder, herein, hereof, wherein	hɪə ^r ˌʌn.də, ɪhɪə ^r ˌɪn, ɪhɪə ^r ˌɒv weə ¹ rɪn
Stress shift	
permit (N) – permit (V) subject (N) – subject (V)	ˌpɜː.mɪt - ˈpə.mɪt ˌsʌb.ʃɪkt - səbˌʃekt
tangible – intangible	ˌtæŋ.ʃə.bəl - ɪnˌtæŋ.ʃə.bəl
maintenance incur irrevocably	ˌmeɪn.tə.nəns ɪnˌkɜːr ɪˌrev.ə.kə.bəl ^ə li/ɪr.ɪˌvəʊ.kə.bəl ^ə li
Foreign words	
force majeure pro rata domicile espionage ex parte ultra vires ombudsman	ˌfɔːs.mæʒˈɜːr, -mæʃˈʊər ˌprəʊˈrɑː.tə, -ˌreɪ- ˌdɒm.ɪ.saɪl, ˌdəʊ.mɪ-, -sɪl ˌes.pi.ə.nɑːʒ, -nɑːʃ, -nɪʃ ˌeksˈpɑː.teɪ, -ti ˌʌl.trəˈvɑɪ.ərɪːz, ˌɒl.trɑːˈvɑɪ.ereɪz ˌɒm.bʊdʒ.mən,

prima facie	-bʌdz-, -bədz-, -mæn praɪ.mə ¹ feɪ.ʃi, -ʃiː, ¹ -ʃi.iː
quorum quota	¹ kwɔː.rəm kwɔːr.əm ¹ kwəʊ.tə kwou.t ə
lieu jury	ljuː (BE) - luː (AmE) ¹ dʒʊəri (BE) - ¹ dʒʊr.i (AmE)
Initialisms and acronyms	
IAS (International Accounting Standards)	aɪ eɪ es
UCC (Uniform Commercial Code)	juː siː siː
GAAP (Generally Accepted Accounting Principles)	gɑːp
LIBOR (London Inter-Bank Offered Rate)	laɪbɔː

Compound prepositions, characteristic of legal English, can be used to emphasise one of the significant British-American English contrasts, i.e. the deletion of [r] in the coda in the standard British variety. In legal English, the significant challenges are also posed by word-stress intricacies. In this case, what should be emphasised is the difference between English non-fixed stressed pattern and the Polish typical penultimate stress, which the learners tend to apply in the words listed above, the consequence being a global pronunciation error. Next, non-native terms are in focus. The most striking features of foreign expressions are the possible pronunciation variations that function within a single variety, not to mention some British-American English contrasts (*lieu*, *jury*). As such terms are often internationalisms, potential L1 interference is predicted, especially in the words such as *quorum* or *quota*, which follow different pronunciation conventions in Polish. Finally, what needs to be emphasised is the challenge with regard to the pronunciation of initialisms and acronyms, which may be confused by Polish learners.

Legal English proves to be challenging not only from the terminological and syntactic, but also – lexico-phonetic perspective. It seems to be advisable to draw students' attention to selected problem areas, combining the intuitive-imitative and analytic-linguistic approach in pronunciation teaching [Celce-Murcia, Brinton, Goodwin 1996: 2]. Even adult learners may benefit from practical tasks such as e.g. creating texts with a given sound in focus, not to mention some analytic exercises that combine vocabulary and pronunciation study [e.g. Celce-Murcia, Brinton, Goodwin 1996: 54-59]. Last but not least, it may be motivating for students to know that, as pointed out by Porzuczek, Rojczyk and Arabski [2013: 10], people with better pronunciation are perceived as more intelligent, even if this may be seen as somewhat unfair and demagogic.

Bibliography:

Berezowski L., 2007, *Jak czytać i rozumieć angielskie umowy?*, C.H. Beck, Warszawa.

Celce-Murcia M., Brinton D., Goodwin J.M., 1996, *Teaching Pronunciation*, Cambridge University Press, Cambridge.

Jakubaszek M., 2004, *Legal English*, C.H. Beck, Warszawa.

Konieczna A., 2007, *Practical English for Lawyers*, C.H. Beck, Warszawa.

Laroy C., 1995, *Pronunciation*, Oxford University Press, Oxford.

Porzuczek A., Rojczyk A., Arabski J., 2013, *Praktyczny kurs wymowy angielskiej dla Polaków*, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice.

Sobkowiak, W., 2004a, *English Phonetics for Poles*, Wydawnictwo Poznańskie, Poznań.

Sobkowiak, W., 2004b, *Phonetic Difficulty Index*, [w]: «Zeszyt Naukowy Instytutu Neofilologii Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej w Koninie», nr 3, Dydaktyka fonetyki języka obcego, W. Sobkowiak, E. Waniek-Klimczak (red.), Wydawnictwo PWSZ w Koninie, Konin, s. 102-107.

Szpyra-Kozłowska, J., 2002, *Wprowadzenie do współczesnej fonologii*, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin.

ANGIELSKI JEZYK PRAWNICZY – PUŁAPKI WYMOWY

Celem artykułu jest analiza najczęstszych rodzajów problemów z wymową angielskich terminów prawniczych, jak również wskazanie ich źródeł. U podłoża trudności z przyswojeniem fonetycznej warstwy języka obcego leżeć mogą różnorodne czynniki natury ogólnej: fizjologiczne (trudności artykulacyjne, wady wymowy), psychologiczne (brak motywacji, nieśmiałość), a także socjologiczne (chęć utrzymania akcentu jako składowej tożsamości). Ponadto istotnymi czynnikami są: interferencja, niewłaściwy wpływ pisowni na wymowę oraz różnorodność akcentów języka obcego. W przypadku omawianego języka specjalistycznego dodatkowe utrudnienie stanowią liczne słowa pochodzenia obcego, akronimy oraz złożone zasady dotyczące akcentu wyrazowego. Artykuł prezentuje reprezentatywne dla danego typu problemów terminy wraz z transkrypcją wymowy prawidłowej, najczęstszego błędu oraz komentarzem, wskazującym na źródło danego rodzaju problemu.

PAWEŁ DĄBROWSKI*University of Warsaw – Faculty of Applied Linguistics*

THE ROLE OF EQUIVALENCE AND TERMINOLOGICAL DICTIONARIES IN TRANSLATING MEDICAL TEXTS

Thanks to dynamic professional activity and progress in various fields of medicine, scientific achievements improve the health and save lives of people all over the world. This progress would not be possible without specialist communication between scientists. Popular methods of scientific communication include conferences, online scientific forums and blogs, books and academic journals, allowing scientists from the same field, specialism³⁸, or other fields of science to exchange information and form networks. The effectiveness of this process is crucial for many reasons. Developments in one specialism within the field can contribute to research in other areas. Professionals can share protocols, materials, and results, as well as compare their findings, inspire new ideas, avoid replication of experiments, or collaborate on particular areas of research. As of November 2013, PubMed, the most common professional source for accessing medical publications, listed over five thousand titles of academic journals. Nearly all of them include various types of medical texts published in English – the international language of science. The examination of chosen titles shows that one type of text commonly produced by medical specialists is a review article. It presents current knowledge of scientific and professional aspects of various branches of science in the fields of clinical and laboratory medicine, pharmacy and health sciences. Research articles constitute another type of publications, which concern the etiology, pathogenesis, diagnosis, and treatment of diseases. They include factual

³⁸ The word “field” refers to the general area of interest e.g. genetics. “Specialism” refers to the particular part of the field in which one mainly focuses one’s research and in which one is an expert e.g. fungal genetics or clinical genetics.

background of the given topic, describe research materials, methods, and results, along with their discussion and conclusion. Medical specialists are also expected to describe relevant clinical cases in case reports, write abstracts of full papers or presentations, and critical reviews of research projects and other publications. These examples do not fully exhaust the list of linguistic tasks put before contemporary scientists. They must not only receive and produce texts in their own language, but also provide their translation, thus meeting the requirements of a particular journal or wanting to become acquainted with the content of their foreign colleagues' publications.

The increasing need for translating texts as a part of professional activity of medical specialists creates a situation where they translate specialist texts having professional knowledge of the subject, yet often with insufficient foreign language competence and absolutely no knowledge of translation theory. In most cases, they perform the translation on the basis of code-switching, which in the light of contemporary translation theory does not guarantee the proper translation result. Even though some translation theorists support the view that anyone who uses a foreign language can translate texts [Gutt 1991], the product quality of such translations proves otherwise with calques, unnatural sentence structure, unnecessary borrowings, false friends and all kinds of target language errors [Hejwowski 2004: 236].

The translation of professional medical texts should meet a range of requirements in order to ensure that exchanging information is fast, effective, and unequivocal. Hence, it is crucial that the translator possessed the proper translation competence comprising skills such as semantic analysis of the text and performing various textual transformations, e.g. syntactic simplification. It also includes the knowledge of source and target language equivalents and the functions performed by them whilst being aware of the contextual and constitutive conditions of communication [E.A. Nida 2001 in Kielar 2003: 29]. A competent translator is able to trigger the meaning relations of the word in the target language with a word in the source language within a particular thematic and stylistic microsystem. This requires practical knowledge of language and translation activity with optional knowledge of linguistic and translation theory. [Grucza 1983 in Kielar 2003].

Each scientific text translation should meet the highest quality standards because translation errors are detrimental for both the translator and the author of the original text. [cf. Michta 2010: 106-107]. Taking into consideration the specificity of the specialist text, the professional translator must present high competence in the scope of general and

specialist language of the text as well as possess factual knowledge from the field of translation [Lukszyn 2005: 142]. Despite the fact that not all professional translators of medical texts have additional education in the field, they should at least be familiar with the rules of forming a scientific text. E.A. Nida stated that one of the conditions for producing a good translation is respecting the language rules followed by a group of users [Nida 1964]. These could be cultural rules, or as in the case of medical specialists, the rules of a particular style. The natural presumption is that scientists are able to form stylistically appropriate texts based on their general language competence and through observing the characteristics of representative scientific text language during many years of professional education and practice. This involves having contact with various publications written in the functional style characterized by proper linguistic, pragmatic, and stylistic parameters, thus allowing them to copy the linguistic patterns approved in their field. [cf. Lukszyn 2005: 118]. A professional translator without professional medical background should turn to the available theory. J. Lukszyn states that the language of scientific texts is a functional variation of general language, used to formulate scientific theories and characterized by relevant differences in text organization and architectonics compared with other general language variations. These differences can be observed on many levels, yet mainly on the level of word formation, syntax, terminological lexicon structure, the frequency of particular word classes and their grammatical forms, paragraph construction, etc. [Lukszyn 2005: 38]. Furthermore, linguists emphasize a high degree of abstractness as one of the characteristics of scientific text style, which is connected with the fact that scientific activity seeks generalizations, relates to notions and the mind rather than imagination or feelings. This abstractness is often realised through such exponents of stylistic features as preference of particular word formation models, use of nouns relating to the mind and adjectives describing abstract features, presence of generalising sentences of distributive type, and the use of particular codes such as symbols, technical drawings or photographs. Scientific texts also tend to be characterized by a strictly logical structure achieved mainly through clear text segmentation and separating the main text from citations, digressions, and comments. Finally, the proper scientific style should allow for a high degree of text objectivity [Biniewicz, Starzec 1995: 400-401].

Through respecting the stylistic norms of scientific texts, the translator may come closer to achieving maximum equivalence, i.e. the highest possible correspondence between the original text and the translation [Lukszyn 2005: 110]. The translation of medical texts should be

equivalence-based since their proper understating is crucial for the correct functioning of the specialist communication process. K. Hejwowski described this type of translation as “prototype translation” [Hejwowski 2010: 76]. In the case of this type of translation, the interpretation of the original text allows for the production of a text whose interpretation by the final receiver will be the most accurate. It is worth examining which factors influence the degree of equivalence of medical texts and what equivalence actually means in this context.

The literature on the subject of equivalence presents different approaches and attitudes towards the notion. *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* enumerates seven types (and nine terms) of equivalence: referential and denotative equivalence, connotative equivalence, text – normative equivalence, pragmatic or dynamic equivalence, formal equivalence, textual equivalence, and functional equivalence [Kenny 1998: 77-80 in Hejwowski 2004: 19]. J. Lukszyn lists as many as 24 different types and subtypes of equivalence [Lukszyn 1993: 71-76]. The problem of equivalence is largely dependent on the type of texts in question. In the case of literary texts achieving close equivalence involves reflecting certain aesthetic qualities of the ST in the TT. This creates additional difficulties for the translator. Translating medical and other scientific texts significantly differs from translating literature. Since they are specialist texts, their interpretation is far less arbitrary and depends on different aspects. The semantic structure of specialist texts does not involve subtexts or include polisemantic units. They are formulated in specialist language as a result of an organized analysis of an object of professional activity and are a form of recording and conveying professional information [Lukszyn 2005: 127]. This means that the understanding and interpretation of these texts depends on the sufficient factual knowledge of the professional field and its context, rather than e.g. sensitivity and imagination as in the case of literary texts [cf. Fluck 1992: 20 in Dickel 2003: 140]. Other extra-lingual properties of the translator become additionally significant so that s/he may correctly interpret the semantic-pragmatic properties of the original text in order to properly formulate an equivalent text of the translation. [Kielar 2003: 30].

Formulating a maximally equivalent translation of a medical text would also never be possible without the use of proper terminology. Terms remain the most characteristic feature of scientific language [Gajda 1990: 41] and medical language is one of the best examples. Whether professionals use the same base language, or come from various parts of the world, they need a specific lexicon of terms which define professional concepts in a clear and unequivocal way. These lexicons vary in scope and their size

depends on the level of understanding of the field as well as the structure of the professional area that they concern. This structure is a derivative of the mechanism through which a given professional area has emerged and it should follow particular norms. The documents standardizing terminological activity in Poland draw attention to the possibility of problems that may arise in the process of specialist communication due to the lack of lexicon standardization guaranteeing the existence of terminological standards [Zmarzer 2004: 66].

Only in 1999 the scope of medical terminology was estimated at 250 000 units. Nowadays, this number is sure to have increased due to new discoveries that implicate the emergence and evolution of new terminology. Since terms normally constitute about a fourth of a specialist text's content, their use by medical specialists is also naturally growing. A recent study has found a connection between the occurrence of particular health problems in given societies and the reflection of professional activity from those areas in medical publications. Polish, Russian, and English medical journals were examined by statistical method. Polish journals dominated in articles on cardiovascular and pulmonary diseases. Russian publications mostly mentioned children's diseases next to dermatological and pulmonary disorders. Finally, English-language journals focused on terminologically abundant issues of infectious diseases as well as neurological and cardiac disorders [Jakubiak 2008: 223-231]. Those texts create a clear direction for medical specialists who will largely base their activity on the proper understanding of the publications and will create new texts with reference thereto. In order to do so, they will need access to terminological dictionaries comprising terms from the mentioned fields. This inspired the assessment of the selection of terminological dictionaries currently available to specialists at the library of one of the largest medical universities in the country – the Medical University of Białystok. The research has revealed thirty-two recently compiled mono-, bi-, tri- and multilingual medical dictionaries, fourteen of which could be classified as “comprehensive” because their thematic orientation comprises a selection of all medical terms without division into more specialized subfields [Lukszyn, Zmarzer 2001: 148]. Most of them present terms in alphabetical order providing their equivalents in other language or languages, without any further definition. Because of this, they could be classified as strictly specialist terminological dictionaries, without much of a didactic function. The number of terminological dictionaries devoted to more specialized branches of medicine is much smaller. Seven out of the thirty-two comprise terminology connected with psychology and psychiatry and only two are devoted to dentistry. The rest constitute examples of terminological

thesauruses from branches such as pharmacy, radiology, dermatology, cardiology, biochemistry, medical diagnosis, cosmetology, chemistry, and anatomy. In the light of current medical interests, the list does not exhaust the need for specialised thesauruses that aid professional communication. A survey conducted among eighty-four medical specialists from the Medical University of Białystok, during LSP training in the years 2010 - 2012, revealed that 85% of them see a great need for creating terminological thesauruses referring to their subfield of medicine. This is an important task for lexicographers who, by compiling dictionaries, enable the proper exchange of information, thus providing the basis for further development of thoughts and actions. Their competences are connected with the methodology of gathering and analysing linguistic material, describing dictionary typology and the related model of working on a particular type of lexicon, as well as the order, manner, and tools needed for the proper synthesis of the collected data in the form of an entry, thus leading to the creation of a particular dictionary [Karpiński 2008: 9].

Any terminological dictionary is an attempt at representing a particular terminological lexicon [Lukszyn 2005: 63]. It should be a momentary and partial representation of the particular field's terminological lexicon, reflecting such characteristics of the LSP as flexibility, ability to change, and openness of the system [Lukszyn 2004: 58]. The terms listed in a terminological dictionary are far more specialised than general concepts described in general dictionaries, and a terminological lexicographer stands before many challenges, including the avoidance of the most typical terminographical errors [Grinev 1995: 10-11; Lukszyn 1995: 51 in Zmarzer 2004: 67]. Many of these errors could be avoided by following the rules of compiling a particular type of terminological dictionary, and even though the typology suggested by specialist is not identical, they all include characteristics which derive directly or indirectly from the definition of the term [Lukszyn, Zmarzer 2001: 141-149 in Zmarzer 2004: 69]. These characteristics are:

- thematic orientation of the dictionary (the subject matter of the dictionary);
- the character of the entry (formal or onomasiological type of term);
- the chronological framework of the dictionary;
- the level of linguistic description (linguistic status of the entry);
- the structure of the entry article (microstructure of the dictionary);
- the purpose of the dictionary;
- the presence of foreign-language equivalents [Zmarzer 2004: 69].

The need for creating new terminological dictionaries is driven by the direction of professional activity, and judging by the results of the mentioned study and survey, there is a large demand for thesauruses covering particular terminology. The health issues dominant in current medical publications often concern people in their productive age who are diagnosed with numerous conditions caused by extensive exposure to stress and other difficulties of the work environment, making occupational medicine one of the quickest developing branches of clinical medicine.

The technolect of occupational medicine comprises the elements of technolects characteristic of other branches of medicine and science including biology, chemistry, physics, ergonomics, psychology, physiology, toxicology, and a wide range of occupational cardiovascular, pulmonary, skin, and infectious diseases. This leads to the creation of a vast lexicon, making professional communication in this relatively new field particularly challenging, yet extremely relevant.

According to S. Grinev new fields of knowledge are formed according to one of the three basic models. Some appear on the basis of an existing science and thus fully adopt its lexicon, e.g. personal hygiene, professional hygiene, communal hygiene on the basis of hygiene; communal hygiene in its turn serving as basis for water hygiene, soil hygiene, dwelling hygiene, etc. Some are formed as the result of interaction of two existing sciences on their border, e.g. biophysics, labour physiology, medical radiology, mathematical logics, etc. Finally, they could exist as the result of interaction of several sciences [Grinev 2008]. This last model is especially interesting from terminological point of view, since the new science adopts terminology from all of its neighbouring fields. Occupational medicine fits the third model most accurately. The close relation to the neighbouring sciences makes the task of narrowing down the terminology most characteristic of the field very difficult and requires its detailed analysis.

One of the vastest sources of knowledge about occupational medicine is *The Encyclopaedia of Occupational Health and Safety*. In this two-volume publication, one can encounter close to a thousand entries connected with the scope of the field. The source was compiled by nine hundred specialists from sixty countries, with the participation of twenty international organisations [Stellman 1983]. It is also advertised as a reference mainly for specialists from the field, providing them with systematically organised practical information on such areas as toxicology, industrial hygiene, accident prevention, occupational and social medicine, and ergonomics. However, it does not contain term equivalents in other languages. Perhaps thanks to a well-designed multilingual thesaurus of

occupational medicine terms, specialists could more easily access this and other professional publications from the field, thus increasing their knowledge and ability to refer patients to appropriate specialists [cf. Zmarzer, Lukszyn 2001: 143].

The attempt at forming a specialist thesaurus of occupational medicine requires designating between four and five hundred most representative terms divided into the four basic categories of physiology, psychology, health and safety, and occupational diseases. Due to a close relation of terminology from this field to the neighbouring professional areas, it is necessary to carefully describe its vast terminological system along with term formation model. The proper term formation mechanisms need to be observed in order to adequately classify new terms entering the field, as any terminological system needs to constitute the basis for new theoretical models [Lukszyn 2005: 122]. The new terminological dictionary also needs to be properly placed in the valid system of terminological dictionary typology, or else its construction may lead to inadequate technical solutions [Zmarzer 2004: 69]. Since due to the field's diverse structure, the four basic term categories will not be represented equally, J. Lukszyn suggests that in the case of occupational medicine, a new type of thesaurus may be introduced in the form a "polyphonic" terminological dictionary. Polyphony is originally a feature of narrative including a diversity of points of view and voices, which was introduced by M. Bakhtin and exemplified in Dostoevsky's prose. In relation to a terminological dictionary, it may help reflect the structure of a terminological field with a leading theme and a number of supporting themes, as opposed to a polythematic dictionary, where all themes are represented equally.

Bibliography

Baker, M., [red.] 1998, *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*, London and New York, Routledge.

Biniewicz, J., Starzec A., 1995, *Przewodnik po stylistyce polskiej*, Opole, pp. 400-401.

Dickel, A., 2003, *Rodzaje ekwiwalencji przekładowej tekstów specjalistycznych*, [in:] «Języki specjalistyczne», t.3, *Lingwistyczna identyfikacja tekstów specjalistycznych*, B.Z. Kielar, S. Grucza (eds.), KJS, Warszawa, pp. 134-146.

- Gajda, S., 1990**, *Współczesna polszczyzna naukowa – język czy żargon?*, Instytut Śląski w Opolu, Opole.
- Grinev, S., 2008**, *Lectures on Terminology Science*, Uniwersytet w Białymstoku, Białystok.
- Gutt, E.A., 1991**, *Translation and relevance: communication and cognition*, Oxford: Blackwell.
- Hejwowski, K., 2004**, *Translation: a cognitive-communicative approach*, Wydawnictwo Wszechnicy Mazurskiej, Olecko.
- Hejwowski, K., 2010**, *Tłumaczenie, ekwiwalencja i teoria przekładu* [in:] «Translatoryka Koncepcje – Modele - Analizy», S. Grucza, A. Marchwiński, M. Płużyczka (red.), WLS UW, Warszawa, pp. 74 – 80.
- Jakubiak, O., 2008**, *Socjokulturowe aspekty terminologii medycznej*, [in:] «Języki specjalistyczne», t.8 *Kulturowy i leksykograficzny obraz języków specjalistycznych*, Ł. Karpiński (ed.), KJS UW, Warszawa, pp. 223-231.
- Karpiński, Ł., 2008**, *Zarys leksykografii terminologicznej*, KJS, Warszawa.
- Kenny, D., 1998**, *Equivalence* [in:] «Routledge Encyclopedia of Translation Studies», Baker M. (eds.), London and New York: Routledge, pp. 77-80.
- Kielar, B. Z., 2003**, *Zarys translatoryki*, KJS, Warszawa.
- Lukszyn, J., 1993**, *Tezaurus terminologii translatorycznej*, PWN, Warszawa.
- Lukszyn, J., 2004**, *Leksykon specjalistyczny – słownik terminologiczny – seria terminograficzna*, [in:] «Języki specjalistyczne», t.4, *Leksykografia terminologiczna – teoria i praktyka*, J. Lewandowski (ed.), KJS UW, Warszawa, pp. 55-64.
- Lukszyn, J., [ed.], 2005**, *Języki specjalistyczne. Słownik terminologii przedmiotowej*, KJS UW, Warszawa.
- Lukszyn, J., Zmarzer W., 2001**, *Teoretyczne podstawy terminologii*, WLSiFW, Warszawa.
- Michta, T., 2010**, *Metafrastyczna typologia języków a tłumaczenie tekstów naukowych.*, [in:] «Języki Specjalistyczne» t. 10, *Metafrastyczna typologia języków*, M. Kornacka (ed.) KJS, Warszawa, pp. 105 – 120.
- Nida, E.A., 1964**, *Toward a Science of Translating*, E. J. Brill, Leiden.
- Stellman, J., 1983**, *Encyclopaedia of Occupational Health and Safety*, International Labour Office, Geneva.
- Zmarzer, W., 2004**, *W kwestii typologii słowników terminologicznych*, [in:] «Języki specjalistyczne», t.4, *Leksykografia terminologiczna – teoria i praktyka*, J. Lewandowski (ed.), KJS UW, Warszawa, pp. 65 - 72

ROLA EKWIWALENCJI I SŁOWNIKÓW TERMINOLOGICZNYCH W TŁUMACZENIU TEKSTÓW MEDYCZNYCH

Dzięki zacieśnianiu międzynarodowej współpracy specjalistów z wielu branż medycyny możliwy jest dalszy rozwój tych dziedzin. Coraz większy udział tłumaczonych tekstów w działalności zawodowej wymaga spojrzenia na kompetencje tłumaczeniowe medyków, którzy coraz częściej stają przed koniecznością przełożenia utrwalonej wiedzy zawodowej na inny język. Jest to także odpowiedzialne zadanie dla tłumaczy zawodowych, którzy zadbawszy o swój warsztat pracy powinni tworzyć tłumaczenia o jak najwyższym stopniu ekwiwalencji. Niniejszy artykuł spogląda na zagadnienie ekwiwalencji z punktu widzenia tekstów medycznych, wskazuje słownik terminologiczny jako jedno z najważniejszych narzędzi w tworzeniu maksymalnie ekwiwalentnych tłumaczeń tekstów specjalistycznych oraz proponuje utworzenie słownika terminologicznego dotyczącego dziedziny medycyny pracy, której rozwój ze względu na specyfikę obecnych czasów oraz dominujące kierunki badań staje się coraz ważniejszy.

KRZYSZTOF FORDOŃSKI*University of Warsaw – Faculty of Applied Linguistics*

THE ART OF TRANSLATION AND THE ART OF EDITING

Unlike writing translation is hardly a lonely work. There is no room here for the loneliness of a long-distance runner, it is much more likely to resemble a Canadian canoe with the author and the translator paddling in unison to reach the finish line. This metaphor, however, fails to give a precise description of the translation process, especially when we have in mind literary translation intended for publication. In this case the old saying “where two is a company, three is a crowd” ceases to apply. Literary translation is a coxed pair in which the coxswain’s place is given to an editor.

Translation is an art of making choices – of the right words, phrases, or metaphors – tens and hundreds of choices made at any given moment. Inasmuch as we can assume that a translator understands the text the translation of which he attempts, the chances that his choices are always the best ones (in literary translation only the best choices should be accepted as it always aims much higher than the commercial one) are fairly slim. In an ideal world translators should be their own editors combining an unlimited knowledge with a literary gift as well as – last but not least – a critical sense which would allow them to remove or simply avoid any mistakes and errors they might make. Were this possible, the publishers would simply love such translators. However, all those who come short of these expectations must resort to cooperation with editors.

What qualities and talents should we expect from a literary editor? Some degree of literary talent would do nicely as it would help the editor suggest better solutions to various literary problems. Such gems can be found among editors although the more seasoned translators meet during their careers many “professionals” who “edit” their texts but cannot

improve them in any way although they can be quite successful in spoiling it completely. A literary sensitivity is simply obligatory, an ability which allows the editor for example to see that a translation who seemingly goes against the rules of grammar, spelling, or punctuation cannot be any different because it is the only way to represent the qualities of the original text. Probably a much simpler way to put it is this: an editor must love books.

An ideal editor should know the language of the original. For quite obvious reasons this ideal is seldom attained. Only translator working with such global languages as English and Spanish (in specifically Polish context sometimes also German, Russian or French) may reasonably count on such help. A working knowledge of the original language is most often sufficient, a perfect one can actually be counterproductive e.g. in such situations when translator leaves in his work phrases translated literally from the original. An editor who is very well acquainted with the source language may miss such errors as the erroneous phrase will be comprehensible to them. Naturally, true professionals will not make such mistakes.

Nevertheless, it seems quite reasonable to expect from an editor a basic working command of the language of the original, a knowledge which may be insufficient to allow reading literature for pleasure but it is just enough to get the message with the help of dictionaries. It also helps a lot if the editor is able to accept the fact that it is the translator who should have a perfect command of the language of the original. The editor, however, should have a perfect command of the target language.

It is quite irrational to expect an editor to know all languages of the world yet every language he or she masters can be of some help, especially when the original is written in a relatively unknown one. Such knowledge becomes especially helpful when the text in question has been formerly translated into other, more popular languages, and the translation can be used as a point of reference when the original becomes impenetrable. Naturally, we are referring here to a rather ideal but seldom encountered situation when such other translations are readily available. Knowledge of other languages also comes handy when the editor works on translation from a language related to one he or she knows – knowledge of German helps with Dutch, knowledge of Latin helps with Italian, knowledge of Spanish helps with Portuguese etc. This kind of help must not be overrated but it can get useful every now and then.

It is very important, however, that an editor should know at least one foreign language as such knowledge offers a new and fresh perspective on one's native language, strengthening the awareness of possible differences. The very awareness of the existence of differences of such grammatical

structures as reported speech³⁹ should attract the editor's attention to strange sounding expressions in the edited text. Even if they are not aware of specific grammatical rules they should notice their possible presence.

Is it possible to learn how to be a good editor? Universities are apparently convinced it is so. The department of Polish studies of the University of Warsaw offers a specialized course of studies for future editors who prepare there for work in the press and publishing houses. The 360 hours long course includes a variety of specific classes and practical training which prepare for the job. Strangely enough a lengthy description as well as the detailed programme of studies which last for two years available in 2010 does not mention editing translation at all. In 2005 it at least included 10 hours practical classes on editing translation which apparently did not outlast the budget cuts and the introduction of the Bologna process. Although it did not seem much, it was exactly as many as there were planned for editing original literary texts.⁴⁰

However, no university can make you a good editor. In this respect editor is very much alike translator. The art of translation can only be mastered by practice. One has to go on translating, editing, listening to criticism and drawing conclusions, improving, correcting, and editing again. And again. The way to become a good editor is exactly the same. Experience is the greatest asset, practice is something that no diploma can replace. Naturally, it does not mean that I would rule out any candidates for the job who have nothing but a university diploma. My personal experience, however, very clearly suggests that I could expect much more help from people whose path to this profession was somewhat more circuitous.

It is highly advantageous for a prospective editor to be a graduate of a Polish department but love of books and respect towards translators is something one does not necessarily learn during courses in history of Polish publishing houses or their structure. It is quite difficult to explain but it often seems that diplomas give especially younger editors an unbearable and largely ungrounded self-confidence and belief in their own infallibility and intellectual supremacy over translators who can only show a BA or MA diploma in foreign language studies (thus indirectly proving that their knowledge of their native language is amateurish at best). Mutual respect is a necessary basis for any cooperation between a translator and an editor.

Work on an edition of a translation requires a lot of listening and considering other people's opinions, a very difficult task if you do not

³⁹ In Polish reported speech does not require a change in grammatical tense i.e. John said: "I love Mary" will be rendered as "John said he loves Mary".

⁴⁰ Current programme is available at: http://www.polon.uw.edu.pl/studia/speczaw_edyt.html (accessed March 5th 2010), the old one was available from www.polon.uw.edu.pl (last accessed May 2005).

respect them. Naturally, mutual respect is much easier to inspire when both parties have similar achievements and experience. The ability to listen attentively is the absolute minimum, *conditio sine qua non*. And yet all too often both translators and editors are characterised by self-righteousness and they fail to notice that in conflicts this particular personal trait causes the first to lose is always the translation. Which by no means should be taken as an advice to back away from possible conflicts. An editor should be as steadfast as possible in his refusal to accept just any (and this most certainly stands for any bad) solution even if it comes from a seasoned, first-rate, and awarded translator. Even the best make mistakes and, unfortunately, it is usually the best who are the most difficult to convince that such a thing happened.

On the other hand, however, such an attitude on the part of the editor must be limited to linguistic correctness. Translator has (or at least should have) an exclusive right to make any decisions concerning the artistic, aesthetic quality of his work. In the process of translation an editor is not another author, a second translator (although if their cooperation works well he may become a co-author of the final text). If he cannot accept this, he should try his hand at translation instead of attempts at back-seat driving.

The task of an editor is that of a spokesperson of the author and the future readers. The aim of the editor's work is the creation of such a translation which will be true to the original author's intent (although not necessary to his every word). The author and the readers must be skilfully defended against any excesses of translators' misplaced creativity. On the other hand the editor should always have in mind the readers for whose benefit he should make sure that the final text of the translation simply reads well. A translated book must be a good one. Many Polish readers remember the infamous *Fredzia Phi-Phi*, a translation of Alexander Alan Milne's *Winnie the Pooh* prepared by Monika Adamczyk-Garbowska (Lublin 1986). This translation is a perfect example of a book, the translator of which had both knowledge and a vision of her work, yet as the result of which she produced a book which can hardly be read by children while adults, most of whom had read the canonical translation by Irena Tuwim, find unpalatable.

An editor should avoid three major dangers which usually appear in the process of editing. The first is literal translation which can get even as bad as word for word translation. It is a problem which is equally difficult for the translator and the editor. Both can demand their choices to be accepted because "it is exactly so in the original" and while claiming to defend the original they stand by their mistakes. Unfortunately, it often happens so that convincing an editor that in order to retain the spirit of the

work it is impossible to stick to its every letter turns out an impossible task. Both sides of this conflict sometimes happen to defend the original's "integrity" in order to hide their ignorance of its meaning or, even more probably, of its language. Ignorance, the second possible danger on the part of the editor, is rather naturally also not exclusive and both parts should watch the other's work attentively. Excessive trust can also be dangerous.

The third possible danger is an abuse of power. It is sometimes so that translator's influence upon the text ends when he submits his work while any later remarks are not considered at all. The first opportunity to get to know what happened to the translation arrives with the copies of the printed books (if the publishing house chooses to supply them as more and more prefer to save money and avoid problems with additional taxation⁴¹) and by then it is too late to change anything.

Attempts to cut costs by the publishers are by no means limited to the number of free copies available. As I mentioned above, from the point of view of a publisher, a perfect translator does not require an editor (or a proof-reader, preferably neither) at all. One of major changes which took place in Polish publishing after 1989 was outsourcing editors employed full-time. They were either offered possibility of cooperating with the publishers or replaced with younger and less experienced candidates who could offer (seemingly) the same services for less money.

The most courageous publishers went as far as to demand from translators providing edition and proof-reading as part of their job at no extra fee. I can still recall with some amusement an offer of translating a popular course of history of Poland into English at a very modest fee which was supposed to cover also edition and proof-reading of the text made by an English-language native speaker. Fortunately, serious publishers discovered rather sooner than later that this policy is extremely short-sighted and returned to employing editors on a full-time basis. Even though outsourcing gave some short-term savings, in the long-term it was extremely damaging to their reputation and those who failed to notice this on time very often had to move on to other businesses.

The change in the status of editor within a publishing house was nevertheless irreversible. Famous editors such as Irena Szymańska (1921-1999), who combined editing with writing and translating, forming personal relations with authors and translators, would have a hard time trying to fit in this new reality. After a period when edition was treated as a necessary evil or a costly luxury came a period when this task was

⁴¹ A few years ago Polish Ministry of Finance decided that free copies of books traditionally available to authors and translators should be taxed as a part of their income. In order to save money and paperwork several publishing houses chose not to offer such copies any more.

entrusted to first year students of Polish studies who sought any possibility of supplementing their meagre incomes but could actually do very little beyond reading and returning an “edited” text without any substantial changes.

They either had to master their trade on their own or they were gradually replaced by people with more skills coming from various walks of life. The next stage was an increased professionalization, more and more publishers would either expand their market presence and increase the number of published titles (as the print-runs were decreasing) which increased the demand for editors as a result of which it became cheaper to keep editors busy nine to five for a regular salary rather than to pay for each edited book. Other publishers seek niches on the market and they require highly specialised editors who can expect safe and steady working environment in return for their qualifications. Inasmuch as one can hardly complain of the necessity to deal with professionals the re-professionalisation meant also that many highly qualified specialists who were not interesting in full-time or even part-time positions gave up editing.

I have so far limited these remarks to professional editors (although I have quite vivid memories of collaborating with people who were paid for their editing services but the quality thereof was rather unprofessional). However, any translator must not seek their help only. Especially in the early stages of translator’s career or even before any real career starts it is highly advisable to put your attempts to the test of your colleagues’ literary tastes. It is the easiest for students of departments of foreign language studies and applied linguistics who dream of becoming literary translators and who can count on the help of their fellow students.

Every reading of a translated text helps remove faults and mistakes which the translator missed. Every reading of a text translated by a fellow student helps notice mistakes which one can make or makes in their own work. Peer correction should be an opportunity when we can expect an honest and direct criticism of our work (not of ourselves) and we should learn how to offer this kind of criticism to others. It is much easier to accept criticism from people we like and respect, creating a network of peer correction is also an important stage in preparation for translator’s career.

The ability to accept criticism becomes more and more important when we decide to choose translation as our job because then we have to face criticism (the good part is that translation is quite seldom the object of reviewers’ attention but it can be a limited consolation) coming from professional reviewers who may be more competent but usually are less friendly and much less inclined to turn a deaf ear to our mistakes. Every translator should be aware of the fact that criticism, no matter whether it comes from editors or reviewers, has (or at least should have) one clear aim

– improving the quality of the translation and protecting readers from the bad ones. If someone cannot handle criticism, they should look for another source of income.

What attitude should a translator adopt towards editors? One can decide that editor's participation in the process of translation is a necessary evil. Collaboration may be for us one of those trials and tribulations to which we habitually apply the saying "what kills us not makes us stronger". Yet we must bear in mind what I have just said – a good editor protects both translator from reviewers and readers from translator. If he is an evil, we should at least agree that it is a lesser evil after all.

For translators it is much better to try to accept the arguments of editors and, if possible, become friends with them. Every translated book means many hours spent together discussing possible changes and improvements. Such hours pass much faster when spent with someone we like striving towards a common goal. Sometimes it takes a lot of effort and humility but it is always worth it. It is seldom possible to reach the finish line fighting with the coxswain.

МАРТЫНА КЛЕЙНОВСКА

Варшавский университет – Факультет прикладной лингвистики

ЧТО ТАКОЕ ЦЕННЫЕ БУМАГИ?

В настоящее время ценные бумаги являются основным инструментом как привлечения, так и размещения денежных ресурсов государством, предприятиями, предпринимателями. Они являются неотъемлемой частью рыночной экономики каждой страны и для того чтобы ими пользоваться необходимо узнать их существо, функции и механизм их оборота. Терминология связанная с ценными бумагами выступает во многих текстах из области экономики, поэтому мы решили представить ее в форме характеристики следующих ценных бумаг и производных инструментов: вексель, акция, облигация, чек, АДР, закладная, коносамент, складское свидетельство, срочный контракт, опцион. Ключевые термины в статье подчеркнуты и к ним подобраны эквиваленты на английском и польском языках, которые находятся рядом в скобках. Ниже указанные термины могут помочь в составлении терминологического минимума из области ценных бумаг.

Ценные бумаги (англ. *securities*; пол. *papiery wartościowe*) это документы, имеющие юридическую силу, составленные по установленной форме и дающие их владельцам односторонний стандартизированный набор имущественных прав по отношению к лицам, выпустившим эти документы – **эмитентам ценных бумаг** (англ. *issuers of securities*; пол. *emitenci papierów wartościowych*), а также возможность передачи данных документов другому лицу вместе со всем комплексом заключенных в них прав при соблюдении заранее оговоренных условий, но без согласия эмитентов [Лозовский, Благодатин, Райзберг 2001: 269].

Ценные бумаги выполняют много функций. К ним относятся в частности кредитная, платежная, гарантийная функции а также функция, заключающаяся в обращаемости ценных бумаг [Komaјda 2003: 17]. Кредитная функция ценных бумаг позволяет эмитенту приобретать денежные средства путем эмиссии ценных бумаг. В свою очередь платежная функция состоит в том, что данные ценные бумаги могут использоваться в качестве платежных инструментов. Гарантийная функция обозначает использование ценных бумаг как гарантии уплаты долга. Функция, заключающаяся в обращаемости ценных бумаг позволяет переносить права, которые вытекают из данных ценных бумаг. Ценные бумаги служат также для: фиксации прав владельцев на долю долга или собственности предприятий – в случае **корпоративных ценных бумаг** (англ. *corporate securities*; пол. *papiery wartościowe przedsiębiorstw*) или на долю долга государства – в случае **государственных бумаг** (англ. *government securities*; пол. *państwowe papiery wartościowe*); финансирования конкретных проектов; регулирования объема денежной массы, находящейся в обращении и поддержания ликвидности финансово-кредитной системы.

Ценные бумаги имеют длинную историю. Считается, что первыми ценными бумагами были векселя. Векселя возникли в средние века в Италии. Это были документы облегчающие обмен денег в итальянских городах [Bień 1999: 258]. Они были широко распространены в Великобритании, Германии и других странах активно торговавших с Индией, Китаем и др. Вексель являлся очень удобным инструментом между поставщиками и покупателями.

Вексель (англ. *bill of exchange*; пол. *weksel*) это ценная бумага, составленная по установленной вексельным законом форме, в которой **векселедатель** (англ. *bill drawer*; пол. *wystawca weksla*) или лицо указанное им обязывается безусловно уплатить определенному лицу в определенный срок сумму, указанную на векселе [Komaјda 2003: 139].

Для того чтобы вексель не потерял свою силу на нем должны быть указаны следующие реквизиты: метка *вексель*, в языке в котором вексель был выставлен; безусловное обещание уплатить (в случае простого векселя) или поручение уплатить (в случае переводного векселя) определенную сумму например: *обязуюсь безусловно уплатить по этому векселю денежную сумму в размере 1000 злотых*; наименование трассата; срок платежа; место платежа; обозначение ремитента – лица в пользу которого осуществится платеж; дата и место составления векселя; собственноручная подпись

векселедателя. Согласно Закону о векселях отсутствие одного из упомянутых выше реквизитов ведет к потере документом вексельной силы разве что отсутствуют: срок платежа (в таком случае принимается, что вексель будет оплачен по предъявлении); место платежа – тогда принимается, что местом платежа является место выставления векселя или место указанное рядом с фамилией векселедателя (в случае простого векселя), или место указанное рядом с фамилией трассата (в случае переводного векселя); место выставления – тогда им является место указанное рядом с фамилией векселедателя [Komajda 2003: 147].

Независимо от перечисленных выше реквизитов векселя могут содержать разного рода **оговорки** (англ. *clauses*; пол. *klauzule*), обладающие юридической силой или имеющие информационный характер. Оговорки имеющие юридическую силу в частности могут касаться: освобождения вексельных должников от ответственности за уплату векселя; отказа от обязательства опротестовать вексель если главный должник не уплатит его в установленный срок; указания места платежа у третьего лица – **домицилиант** (англ. *domicile*; пол. *domicyliat*). Векселедатель может освободиться от ответственности за принятие векселя если поместит в векселе **оговорку «без оборота на меня»** (англ. *without obligation*; пол. *bez obliga*). Оговорка **«оборот без издержек»** (англ. *free of costs*; пол. *bez kosztów*) дает право векселедержателю на регрессный иск против индоссанта или векселедателя, сделавшего такую оговорку, без совершения протеста по векселю. Информационные оговорки связаны с причиной возникновения вексельного обязательства. Они в частности упоминают: «получил товарный эквивалент», «платеж по счету №...» [Bień 1999: 274]. Такие оговорки позволяют оценить характер векселя.

В зависимости от критериев классификации различают следующие виды векселей: по числу участников – **простые** (англ. *single bill of exchange*; пол. *weksel prosty*) и **переводные векселя** (англ. *draft*; пол. *weksel ciagniony*); по способу передачи: **предъявительские** (англ. *bearer bill of exchange*; пол. *weksel na okaziciela*) и **ордерные** (англ. *bill of exchange to order*; пол. *weksel na zlecenie*); по типу выпускающей организации – **государственные** (англ. *government bills of exchange*; пол. *weksle państwowe*), **банковские** (англ. *bank bills of exchange*; пол. *weksle bankowe*), **корпоративные векселя** (англ. *corporate bills of exchange*; пол. *weksle przedsiębiorstwa*); по обеспечению – **обеспеченные** (англ. *guaranteed bills of exchange*; пол. *weksle zabezpieczone*) и **необеспеченные** (англ. *unguaranteed bills of exchange*; пол. *weksle*

niezabezpieczone); по характеру сделки, которая лежит в основе векселя – **коммерческие** (англ. *commercial bills of exchange*, пол. *weksle handlowe*), **финансовые** (англ. *financial bills of exchange*; пол. *weksle finansowe*), **казначейские** (англ. *Treasury bills of exchange*; пол. *weksle skarbu państwa*). Кроме того выступают: **дружеские векселя** (англ. *acommodation bills of exchange*; пол. *weksle grzecznościowe*) и др. [Никонова 2006: 216-217].

Самыми основными являются простые и переводные векселя. В случае простого векселя платит сторона, которая его выписала – **векселедатель** (англ. *bill drawer*; пол. *wystawca weksla*). В свою очередь переводной вексель – **тратта** (англ. *draft*; пол. *trata*) содержит письменный приказ **векселедержателя** (англ. *bill creditor*; пол. *wierzyciel wekslowy*) плательщику – **трассату** (англ. *drawee*; пол. *trasat*) об уплате указанной в векселе суммы денег третьему лицу, первому держателю векселя – **ремитенту** (англ. *payee*; пол. *remitent*) [Бердникова 2002: 40]. Ремитент может предъявить вексель к оплате трассату или передать свои права с векселя другому лицу, что называется **индоссированием** (англ. *endorsing*; пол. *indosowanie*). Индоссирование совершается путем **индоссамента** (англ. *endorsement*; пол. *indos*). Это передаточная надпись на обороте векселя или на **аллонже** (англ. *allonge*; пол. *alonż*). Чтобы повысить надежность векселя можно на нем поставить специальную подпись – **аваль** (англ. *aval*; пол. *awal*), которая является своего рода поручительством. Лицо совершившее аваль называется **авалистом** (англ. *guarantor of a bill*; пол. *awalista*).

Ценными бумагами, неотъемлемо связанными с формированием и функционированием акционерного общества являются **акции** (англ. *shares*; пол. *akcje*). Первые акционерные общества стали возникать в первой половине XVI века, когда голландские купцы стали организовывать далекие заморские экспедиции [Wyczański 1986: 68]. Одни из первых бланков акций эмитировала Компания Купцов Путешественников в пользу открытия регионов, доминионов, островов и неизвестных мест в 1533 г. в Лондоне. Целью эмиссии было финансирование экспедиций на восток [Komańda 2003: 55].

Акция в отличие от облигации является **долевой ценной бумагой** (англ. *equity securities*; пол. *udziałowy papier wartościowy*), закрепляющей соответствующие права ее владельца. Акции могут эмитировать исключительно предприятия являющиеся акционерными или коммандитными акционерными обществами (форма акционерного общества выступает намного чаще чем форма

командитного акционерного общества). Путем эмиссии акций увеличивается уставной капитал общества [Nawrot 2007: 21].

Тот кто приобретает акции данной компании является совладельцем зданий, машин, оборудования и всего, что составляет имущество общества. Каждый **акционер** (англ. *shareholder*; пол. *akcjonariusz*) отвечает за обязанности акционерного общества до размера уплаченного капитала. Акционер в момент приобретения акций приобретает права и обязанности в данном акционерном обществе. Права акционеров делятся на две основные группы: **имущественные** (англ. *property rights*; пол. *prawa majątkowe*) и **корпоративные права** (англ. *corporate rights*; пол. *prawa korporacyjne*) [Binek, Heciak, Stepniewski 2004: 30]. В рамках имущественных прав акционеры приобретают **право получать дивиденд** (англ. *right to receive the dividend*; пол. *prawa do uzyskania dywidendy*), **право на приобретение акций новой эмиссии** (англ. *rights issue*; пол. *prawa poboru*) а в случае ликвидации общества – **право на участие в имуществе ликвидированного общества** (англ. *right to participate in the distribution of assets after liquidation of the company*; пол. *prawa do udziału w majątku likwidowanej spółki*).

К корпоративным правам, в частности, относятся: **право на участие в общем собрании акционеров** (англ. *right to participate in the annual general meeting*; пол. *prawa do uczestnictwa w walnym zgromadzeniu akcjonariuszy*) а также **право голоса** (англ. *voting right*; пол. *prawa głosu*) на этих собраниях. Другие права имеющие корпоративный характер это: право на получение информации о всех существенных для общества делах; право на предъявление иска от имени общества против членов органов общества а также право отчуждения и обременения акций [Przybylska-Kapuścińska 2002: 193].

Право участвовать в доходах общества (получать дивиденд) является одним из самых существенных имущественных прав акционера. Оно зависит от финансового состояния общества а также решений общего собрания акционеров. Если общество не получит доходов за определенный финансовый год тогда нет денежных средств, которые могли бы выступать в характере дивиденда. Однако владение акциями данной компании не гарантирует того, что их владелец будет получать дивиденд. Это зависит от решения общего собрания акционеров, которое в специальном сообщении информирует о: размере дивиденда причитающегося на одну акцию, сроке определения права на дивиденд, о сроке выплаты дивиденда [Krzywda 2007: 45]. Право на приобретение акций новой эмиссии дает прежним

акционерам преимущество в приобретении новых акций. Распределение совершается согласно **номинальной стоимости** (англ. *par value*; пол. *wartość nominalna*) или **эмиссионной цене** (англ. *issue price*; пол. *cena emisyjna*) пропорционально к имеющимся у данного акционера акциям. Это право имеет огромное значение. Если новые акции приобретают другие лица чем акционеры тогда позиция последних ухудшается (например они имеют меньшее количество голосов, чем до нового выпуска). Право на участие в имуществе ликвидированного общества полагается в случае ликвидации общества. Ликвидационная стоимость имущества подлежит делению между акционерами пропорционально к номинальной стоимости имеющихся у них акций. Общество во-первых обязано урегулировать всякие задолженности по отношению к своим кредиторам, поэтому на практике акционеры получают малое количество денежных средств или вообще их не получают в момент ликвидации общества. Право на участие в общем собрании акционеров общества может осуществляться лично или посредством представителей. Представителями не могут быть ни члены правления, ни лица работающие в обществе. Участие акционера в общем собрании акционеров дает возможность влиять на «судьбу» общества, избирать членов правления, участвовать в решении, касающегося распределения прибыли [Socha 2003: 107].

Акции в частности можно классифицировать по характеру прав владельца – различают **именные** (англ. *registered shares*; пол. *akcje imienne*) и **предъявительские** (англ. *bearer shares*; пол. *akcje na okaziciela*) **акции**, по форме приобретения дохода и участия в управлении общества – **обыкновенные** (англ. *ordinary shares*; пол. *akcje zwykłe*) и **привилегированные акции** (англ. *preferred shares*; пол. *akcje uprzywilejowane*). Привилегированные акции могут быть **кумулятивными** (англ. *cumulative shares*; пол. *akcje kumulacyjne*) – если дивиденд не выплачивается в определенный срок он накапливается и полностью выплачивается после определенного времени или **конвертируемыми** (англ. *convertible preferred shares*; пол. *akcje zamienne*) – их можно обменять на обыкновенные акции. Существуют также **отзывные**, или **возвратные привилегированные акции** (англ. *callable preferred shares*; пол. *akcje uprzywilejowane podlegające wykupowi*) – они могут быть погашены; **привилегированные акции с долей участия** (англ. *participating preferred shares*; пол. *akcje uprzywilejowane z prawem do dywidendy*) – дают возможность получить дополнительный дивиденд; **привилегированные акции с плавающей ставкой дивиденда** (англ.

variable-rate preferred shares; пол. *akcje uprzywilejowane ze zmienną wysokością dywidendy*) и др.

К самым старым долговым ценным бумагам относятся облигации. Первые бланки облигаций появились в XII веке, когда Венецианский Банк эмитировал первые **правительственные облигации** (англ. *government bonds*; пол. *obligacje państwowe*) (1157 г.). Первым эмитентом частных облигаций была семья Монтэ из Флоренции [Komajda 2003: 86]. **Облигация** (англ. *bond*; пол. *obligacja*) является **долговой ценной бумагой** (англ. *debt securities*; пол. *dłużny papier wartościowy*), закрепляющей право ее держателя на получение от эмитента данной облигации ее номинальной стоимости и процента от этой стоимости (возможен другой имущественный эквивалент), который зафиксирован в ней в определенный срок [Никонова 2006: 109]. Облигации эмитируются в целях получения денежных средств для финансирования конкретных проектов. Облигация это документ, в котором эмитент утверждает, что является должником владельца облигации и обязуется выполнить определенную повинность (выкупить облигацию), которая может иметь наличный или безналичный характер.

В Польше принципы эмиссии, приобретения и выкупа облигаций регулирует *Закон об облигациях*. Согласно этому закону облигации могут в частности эмитировать: субъекты ведущие хозяйственную деятельность, которые обладают правоспособностью, а также коммандитные акционерные общества, единицы местного самоуправления, столичный город Варшава, а также финансовые учреждения, членом которых является Республика Польша, Национальный банк Польши и др. [Socha 2003: 120].

Облигация может иметь **бездокументарную форму** (англ. *book entry bond*; пол. *obligacja w zdematerializowanej formie*). Решение о форме облигаций всегда принимается эмитентом разве что облигации являются предметом публичного оборота (тогда они выступают в бездокументарной форме). Субъектами, которые имеют право на регистрацию бездокументарных облигаций в Польше являются: **Национальный депозитарий ценных бумаг** (англ. *The National Depository for Securities*; пол. *Krajowy Depozyt Papierów Wartościowych*), **маклерские дома** (англ. *brokerage houses*; пол. *domy maklerskie*) и банки.

Если облигация эмитируется в форме документа, тогда она должна содержать всю необходимую информацию, касающуюся эмитента а также условий эмиссии. Особенно документ облигации должен содержать: юридическую основу, наименование и место-

нахождение эмитента, место и номер записи в соответственном реестре; метку *облигация* и цель ее эмиссии; номинальную стоимость облигации; наименование владельца облигации (в случае именной облигации); место и дату выставления облигации и др.[Socha 2003: 121].

Облигации можно классифицировать по разным критериям, одним из которых является лицо приобретающее облигацию – поэтому мы различаем **именные облигации** (англ. *registered bonds*; пол. *obligacje imienne*) и **облигации на предъявителя** (англ. *bearer bonds*; пол. *obligacje na okaziciela*). С точки зрения критерия, касающегося срока выкупа, облигации подразделяются на: **краткосрочные** (англ. *short-term*; пол. *krótkoterminowe*), **среднесрочные** (англ. *medium-term*; пол. *średnioterminowe*) и **долгосрочные** (англ. *long-term*; пол. *długoterminowe*). По способу начисления процентов можно выделить: **облигации с постоянной процентной ставкой** (англ. *fixed rate bonds*; пол. *obligacje ze stałym oprocentowaniem*) – владельцы таких ценностей получают определенную процентную ставку, в определенное время, в период, который охватывает договор; **индексированные облигации** (англ. *index bonds*; пол. *obligacje indeksowane*) – в случае таких облигаций процентная ставка актуализируется опираясь на ставку инфляции в стране эмиссии облигаций; **облигации с переменной процентной ставкой** (англ. *floating rate notes*; пол. *obligacje o zmiennym oprocentowaniu*) – процентная ставка таких облигаций может подлежать изменениям в период существования договора. Следующий критерий касается деления облигаций на **обеспеченные** (англ. *protected bonds*; пол. *obligacje zabezpieczone*) и **необеспеченные** (англ. *unprotected bonds*; пол. *obligacje niezabezpieczone*). Необходимость обеспечения облигаций зависит от размера и финансовой ситуации данного предприятия. Облигации могут быть обеспеченные гарантией государственной казны, банковской гарантией, установлением ипотеки. Необеспеченные облигации могут эмитировать крупные и известные компании [Nawrot 2007: 28-29].

Чек (англ. *cheque*; пол. *czek*) появился в средневековье. Его прототипом было письмо купца банкиру, которое содержало распоряжение выплаты лицу упомянутому в письме определенной суммы денег. Роль чека увеличилась и начала развиваться в XIX веке, когда стала развиваться экономика в разных странах [Wień 1999: 311]. Чек это финансовый инструмент, который используется в качестве платежного средства. Он имеет установленную форму и содержит поручение банку выплатить определенную сумму из средств на

банковском счете, находящихся в распоряжении чекодателя. В основе чека лежит чековый договор, заключающийся между чекодателем и банком. В чековом обороте принимают участие следующие лица: чекодатель – располагающий счетом в банке, он является главным должником, который несет ответственность за реализацию чека; ремитент – т.н. первый чековой должник, имя которого может оставаться неизвестным до момента **инкассо** (англ. *collection*; пол. *inkaso*) когда он должен расписаться в получении денежных средств; трассат – банк, к которому направляется предложение оплатить чек. Чеки тоже могут быть переданы во владение другим лицам посредством индоссамента или простого вручения [Никонова 2006: 245].

Согласно польскому законодательству⁴² чек должен содержать следующие реквизиты: наименование чек в тексте документа (в некоторых странах это не обязательно), безусловное поручение выплатить определенную сумму денег, наименование **трассата** (англ. *drawee*; пол. *trasat*), который осуществляет платеж, место платежа, дату и место составления чека, подпись чекодателя [Bień 1999: 315]. Наименование чек следует написать в языке, в котором документ был выставлен. Это является необходимым условием для того, чтобы чек был действительным. Сумму денег следует написать цифрами и прописью. Если они отличаются, выплачивается сумма написанная прописью, однако банк часто оставляет за собой право не реализовать чеков, на которых суммы не одинаковы. Лицом, которое платит сумму указанную на чеке является банк, который выполняет функцию трассата. Если банк известный и занимает хорошую позицию в банковской системе, тогда он пользуется доверием среди своих клиентов. Место платежа чека должно быть точно определено. Если оно отсутствует принимается, что это место указанное рядом с наименованием трассата. Дата выставления чека должна быть однозначной – должен быть указан день, месяц и год. **Чекодатель** (англ. *drawer of a cheque*; пол. *wystawca czeku*) должен собственноручно подписать чек. Образцы подписей хранятся в банках. Если банк обнаружит, что подпись чекодателя отличается от образцовой подписи, он может отказаться от реализации чека [Bień 1999: 316].

⁴² Имеется ввиду Закон о чеках от 28 апреля 1936 г. (*Ustawa z dnia 28 kwietnia 1936 r. - Prawo czekowe*). Этот закон основан на постановлениях Женевской конвенции. Есть страны, которые не подписали этой конвенции, поэтому существуют различия в регулировании чекового оборота. Это касается прежде всего США и Великобритании.

На практике применяются разные виды чеков. Они бывают следующих видов: **предъявительские** (англ. *bearer cheques*; пол. *czeki na okaziciela*), **именные** (англ. *registered cheques*; пол. *czeki imienne*), **ордерные** (англ. *order cheques*; пол. *czeki na zlecenie*), **кредитные** (англ. *credit cheques*; пол. *czeki kredytowe*), **дорожные** (англ. *traveller's cheques*; пол. *czeki podrózne*), **еврочeki** (англ. *eurocheques*; пол. *euroczeki*), **кроссированные чеки** (англ. *crossed cheques*; пол. *czeki zakreślone*) – они могут быть **общими** (англ. *generally crossed cheques*; пол. *czeki z zakreśleniem ogólnym*) или **специальными** (англ. *specialty crossed cheques*; пол. *czeki z zakreśleniem specjalnym*) и др.

Особенным видом ценных бумаг являются **депозитарные расписки** (англ. *depository receipts*; пол. *kwity depozytowe*), сокращенно называемые **АДР** (англ.; пол. *ADR*). Они эмитируются в США и дают возможность хозяйственным субъектам из других стран участвовать в денежном американском рынке.

В настоящее время различают два вида депозитарных расписок: **американские депозитарные расписки** (англ. *American Depository Receipts*; пол. *Amerykańskie kwity depozytowe*) и **глобальные депозитарные расписки** (англ. *Global Depository Receipts*; пол. *Globalne kwity depozytowe*). Первый вид расписок обращается на американском рынке и имеет долларовый номинал, а второй вид может торговаться на рынках стран Западной Европы.

На практике выступает несколько способов эмиссии АДР. Самая простая форма состоит в том, что американский инвестор покупает акции иностранного эмитента в его стране, как правило на бирже. Потом они передаются в депозит, «владельцем» которого становится один из американских банков. Такой банк выпускает тогда АДР и передает их инвестору, который может их перепродать другому инвестору. Кроме того банк получает дивиденды и передает их инвестору, акции которого в нем находятся. Владелец акций может требовать у банка эмитента аннулирования АДР и выдачи акций, которые были основой для эмиссии данных АДР, а также поручить продать их на рынке, на котором обращаются акции данной компании. При такой эмиссии АДР не участвует эмитент акций, поэтому такие АДР называют **неспонсируемыми АДР** (англ. *unsponsored ADR*; пол. *niesponsorowane ADR*) [Bień 1999: 150-151].

Эмитент акций принимает участие в случае т. н. **спонсируемой эмиссии АДР** (англ. *sponsored ADR issue*; пол. *sponsorowana emisja ADR*), когда заключается соответствующий договор с банком, который выпускает АДР. Эмитент обязан тогда выполнить определен-

ные требования американского права, регулирующего нормы оборота ценных бумаг. Тогда основой для эмиссии АДР могут быть новые эмиссии акций. Согласно договору отечественный эмитент депонирует всю эмиссию или ее часть в одном из банков, согласованным с американским банком на его имя. Этот банк выпускает на этой основе АДР и предлагает их продать на американском рынке.

Существуют **четыре уровня спонсируемых АДР** (англ. *four levels of sponsored ADR*; пол. *cztery poziomy emisji sponsorowanych ADR*). Уровень зависит например от того, выпускаются они за счет новой эмиссии компании или за счет акций, которые находятся на вторичном рынке.

Первый уровень АДР не требует регистрации данных ценных бумаг **Комиссией по ценным бумагам и биржам США** (англ. *Securities and Exchange Commission*; пол. *Komisja papierów wartościowych i giełd*). Однако тогда торговля АДР возможна только на **внебиржевом рынке** (англ. *OTC market*; пол. *rynek pozagiełdowy*) т. е. они не могут котироваться на бирже.

Если эмитент хочет, чтобы АДР эмитированные на основе его акций могли котироваться на бирже (т. н. второй уровень эмиссии) вынужден исполнить определенные требования американского права, касающиеся информации о финансовой ситуации компании а также требования определенной биржи.

Третий уровень эмиссии спонсируемых АДР касается допуска АДР для продажи в публичном обороте. Тогда эмитент вынужден представить в SEC полную финансовую отчетность компании, соответствующую стандартам GAAP⁴³. АДР третьего уровня делятся на публично размещаемые и АДР частного размещения (четвертый уровень). В случае частного размещения инвесторы должны иметь статус квалифицированного институционального покупателя и тогда могут торговать расписками через компьютерную сеть [Никонова 2006: 96-97].

Закладная (англ. *mortgage-backed security*; пол. *hipoteczny list zastawny*) это именная ценная бумага, удостоверяющая права ее владельца на основании договора об ипотеке на получение денежного обязательства или указанного в договоре имущества. Закладную выписывает **залогодатель** (англ. *mortgagor*; пол. *dłużnik hipoteczny*) который передает свое имущество в залог по обязательству **залогодержателю** (англ. *mortgagee*; пол. *wierzyciel hipoteczny*).

⁴³ GAAP – Общепринятые принципы бухгалтерского учета (Generally Accepted Accounting Principles).

Закладная выдается органом государственной регистрации и каждый владелец закладной регистрируется таким органом. Выпуск закладной неразрывно связан с договором об ипотеке. Передача прав по закладной совершается путем индоссамента. В Российской Федерации согласно договору об ипотеке может быть заложено недвижимое имущество в том числе: земельные участки, жилые дома, квартиры, дачи, садовые дома, гаражи и др. имущество. Залогодатель сохраняет право пользования имуществом, заложенным по договору об ипотеке, а залогодержатель имеет право проверять состояние и условия содержания имущества. Каждая закладная должна содержать следующие реквизиты: «наименование *закладная*; имя залогодателя и его адрес; имя первоначального залогодержателя и его адрес; название денежного обязательства, обеспечиваемого ипотекой; имя должника (если он не есть залогодатель) и его адрес; размер суммы обязательства (включая проценты) или порядок ее определения; сроки уплаты суммы (сумм) обязательства; описание имущества, передаваемого в залог, его местонахождение и денежная оценка; наименование права, в силу которого имущество, передаваемое в залог, принадлежит залогодателю, и органа регистрации этого права с указанием реквизитов регистрации и сроков его действия; наличие прав третьих лиц на закладываемое имущество; подписи залогодателя и должника; время и место нотариального удостоверения договора об ипотеке и сведения о его государственной регистрации» [Галанов, Басов 2006: 122].

Кроме перечисленных выше долговых и долевых ценных бумаг выступают также товарные ценные бумаги, к которым принадлежат: коносаменты и складские свидетельства. **Коносамент** (англ. *bill of lading*; пол. *konosament*) это ценная бумага, которая содержит условия договора морской перевозки, это документ предоставляющий право распоряжаться грузом его держателю. К каждому коносаменту прилагается страховой полис на груз. В зависимости от того как определен **грузополучатель** (англ. *consignee*; пол. *odbiorca ladunku*) в коносаменте выступают следующие виды этого документа: **предъявительский** (англ. *bearer bill of lading*; пол. *konosament na okaziciela*), **именной** (англ. *straight bill of lading*; пол. *konosament imienny*), **ордерный** (англ. *order bill of lading*; пол. *konosament na zlecenie*). Кроме того различают **линейный коносамент** (англ. *liner bill of lading*; пол. *konosament liniowy*) – в нем представляется воля отправителя, направленная на заключение договора перевозки груза; **чартерный** (англ. *charter party bill of lading*; пол. *konosament czarterowy*) – который является подтверждением приема груза;

бортовой (англ. on-board bill of loading; пол. konosament pokładowy) – его выдают тогда, когда товар погружен на судно. Согласно *Кодексу торгового мореплавания* и конвенции *Об унификации условий коносамента* основными **реквизитами** (англ. *necessary data*; пол. *elementy składowe*) коносамента являются: наименование судна; наименование фирмы-перевозчика; место приема груза; наименование отправителя груза; наименование получателя груза; наименование груза и его главные характеристики; время и место выдачи коносамента; подпись капитана судна [Солонская 2002: 23].

Складское свидетельство (англ. *warehouse certificate*; пол. *składowy dowód posiadania*) это ценная бумага в документарной форме, подтверждающая наличие товара на **товарном складе** (англ. *warehouse*; пол. *skład towarowy*), выпускаемая **поклажедержателем** (англ. *holder of the warehouse*; пол. *posiadacz składu*) – товарный склад и передаваемая **поклажедателю** (англ. *goods-possessor*; пол. *osoba, która oddała towar na skład*) – лицо, передавшее товар на хранение на склад. Различают **простые** (англ. *simple warehouse certificate*; пол. *jednoczęściowy dowód składowy*) и **двойные** (англ. *double warehouse certificate*; пол. *podwójny dowód składowy*) **складские свидетельства**. Простое складское свидетельство появилось и сформировалось во-первых в странах с развитой торговлей: в США, Англии, Испании, Германии, потому что такое свидетельство упрощает оборот товарами. Двойное складское свидетельство сформировалось во Франции, Бельгии, Австрии, Италии где существовали два документа, которые представляли один товар. Простое складское свидетельство это ценная бумага на предъявителя, подтверждающая наличие товара на складе. Оно как один документ может без ограничений передаваться другим лицам. Двойное складское свидетельство состоит из **складского свидетельства** (англ. *warehouse certificate*; пол. *rewers*) и **залогового свидетельства** (англ.; пол. *warrant*), которые могут быть отделены друг от друга. Складское свидетельство является ценной бумагой, удостоверяющей принадлежность товара конкретному лицу. В свою очередь залоговое свидетельство используют для передачи товара в залог. Выдача со склада товара по двойному складскому свидетельству возможна только в обмен на обе его части вместе. К обязательным реквизитам складских свидетельств принадлежат: наименование и место нахождения склада; номер по реестру склада; наименование и место нахождения товаровладельца (для именованного свидетельства); наименование и количество хранимого товара; срок хранения или указание на хранение товара до

востребования; размер и порядок оплаты за хранение; дата выдачи; подписи и печати склада [Никонова 2006: 234].

Кроме указанных выше ценных бумаг выступают **производные инструменты** (англ. *derivatives*; пол. *instrumenty pochodne*), к которым относятся: срочные контракты (фьючерсы и форварды), опционы и др. Срочный контракт это двухсторонний договор купли-продажи определенных активов (финансовых или товаров) в установленный срок в будущем по определенной заранее цене. **Базисными активами** (англ. *assets*; пол. *instrumenty bazowe*) могут быть акции, облигации, биржевые индексы, а в случае товарных бирж: металлы, зерно, нефть.

Название контракта в Польше всегда состоит из шести знаков. Первый знак «F» обозначает, что это срочный контракт. Следующие три знака это код базисного актива (например AGO это код акции компании Агора). Очередные два знака определяют срок расчета контракта (например U 9 обозначает серию срочных контрактов в сентябре 2009 г.). Контракты, которые опираются на таком же самом базисном активе, но имеющие разные сроки расчетов составляют один класс контрактов. Примерно следующие контракты составляют один класс контрактов: FW20U7, FW20Z8, FW20H8, FW20M8. Контракты имеющие одинаковый срок расчетов, но опирающиеся на другие базисные активы составляют одну серию контрактов. Кроме серии контрактов, которая выпускается в сентябре, имеются: контракты из декабря (Z), марта (H), июня (M) [Jagielnicki 2007: 59-60].

Каждый срочный контракт котируется на бирже и имеет свой курс. Кроме того котируется базисный инструмент, который тоже имеет свой курс. Разность между курсом контракта и курсом базисного актива называется базисом. Базис может быть отрицательным или положительным. Положительный базис обозначает, что инвесторы ждут роста базисного актива, а отрицательный, что они ждут его понижения.

Купля или продажа контракта называется **открытием новой позиции** (англ. *opening of a new position*; пол. *otwarcie nowej pozycji*). Если покупаем контракт это обозначает, что занимаем **длинную позицию** (англ. *long position*; пол. *pozycja długa*), если начинаем с продажи контракта занимаем **короткую позицию** (англ. *short position*; пол. *pozycja krótka*). Если имеем длинную позицию, рассчитываем, что повысится цена базисного актива, в противоположном случае (короткая позиция) мы ждем понижения его цены.

Если мы хотим ликвидировать контракт следует **закрыть позицию** (англ. *close a position*; пол. *zamknąć pozycję*). Для того чтобы закрыть позицию следует провести противоположную операцию т. е. если у нас длинная позиция мы ее закрываем путем продажи контракта и таким образом занимаем короткую позицию. Занятие длинной позиции записывается на счету инвестора со знаком плюс, зато занятие короткой позиции обозначается знаком минус. Чтобы ликвидировать контракт следует привести счет к нулю (имеется в виду один контракт). На варшавской бирже срочные контракты обращаются в **системе постоянных котировок** (англ. *continuous trading system*; пол. *system notowań ciągłych*) с 9 до 16.10 часов [Krzywda 2007: 75].

К срочным контрактам принадлежат в частности **фьючерсы** (англ.; пол. *futures*) и **форварды** (англ.; пол. *forward*). Фьючерсы или фьючерсные сделки это заключаемые на бирже срочные сделки купли-продажи товаров, ценных бумаг, валюты и др. по ценам, действующим в момент сделки, с поставкой купленного товара и его оплатой в будущем. Они впервые появились на бирже в США в начале 1970-х г [Солонская 2002: 27]. До момента исполнения сделки покупатель вносит небольшую гарантийную сумму [Лозовский, Благодатин, Райзберг 2001: 264].

Фьючерсы (англ.; пол. *futures*) были введены на биржу в Польше в 1998 г. и очень быстро стали одним из самых популярных инструментов котируемых на бирже ценных бумаг [Krzywda 2007:71].

Форвард (англ.; пол. *forward*) – срочная сделка купли-продажи по цене, действующей в момент сделки, с поставкой купленного товара и его оплатой в будущем. В отличие от фьючерса форвардная сделка заключается на внебиржевом рынке, ее объем не стандартизован, а участники сделки преследуют цель не только застраховать риски изменения цен, но также рассчитывают получить сам товар, который является предметом сделки [Лозовский, Благодатин, Райзберг 2001: 263].

Инструментами, которые очень похожи на срочные контракты являются опционы. **Опцион** (англ. *option*; пол. *opcja*) это **производный финансовый инструмент** (англ. *derivative financial instrument*; пол. *pochodny instrument finansowy*), дающий его владельцу право на покупку или продажу другой ценной бумаги или иного актива по определенной цене в течение некоторого периода или на определенную будущую дату [Лозовский, Благодатин, Райзберг 2001: 188].

Существуют два вида опционов: **опционы колл** (англ. *call option*; пол. *opcja kupna*) и **опционы пут** (англ. *put option*; пол. *opcja sprzedaży*). Каждый опцион имеет свой **базисный актив** (англ. *asset*; пол. *instrument bazowy*), **цену реализации** (англ. *strike price*; пол. *cena realizacji*) и **дату исполнения контракта** (англ. *expiration date*; пол. *data wygaśnięcia kontraktu*). По сравнению со срочным контрактом цена реализации опциона точно определена. Базисными активами опционов могут быть ценные бумаги или индексы [Никонова 2006: 251].

Название опциона в Польше всегда состоит из девяти знаков. Первый знак «О» обозначает, что это опцион. Следующие три знака это код базисного актива (например W20). Очередной знак обозначает вид опциона и расчетный месяц, следующий – год исполнения контракта, а последние три знака это цена реализации контракта. Если цена реализации имеет больше чем три знака, упоминаются лишь три первых знака (цифры). Опционы такого же самого типа, опирающиеся на такой же самый базисный актив составляют **класс опционов** (англ. *option class*; пол. *klasa opcji*). Одним классом будут такие опционы пут как: OW20U9200 и OW20X9200. Опционы, которые имеют такую же самую дату исполнения контракта, такую же самую цену реализации и принадлежащие к одному классу составляют одну **серию** (англ. *option series*; пол. *seria opcji*). Если инвестор покупает опционы колл или пут он занимает длинную позицию, а если он их продает, тогда занимает короткую позицию [Jagielnicki (2007: 65)].

Список литературы:

- Biń W., 1999**, *Rynek papierów wartościowych*, Warszawa: Difin.
- Binek B., Heciak, P., Stępniewski M., 2004**, *Prawa i obowiązki akcjonariuszy spółek publicznych*, Warszawa: KPWIG.
- Jagielnicki A., 2007**, *Inwestycje giełdowe, jak grać i wygrywać*, Gliwice: Helion.
- Komajda E., 2003**, *Rynek papierów wartościowych wybrane zagadnienia*, Warszawa.
- Krzywda M., 2007**, *GPW papiery wartościowe w praktyce*, Gliwice.
- Nawrot W., 2007**, *Exchange-traded funds (ETF) Nowe produkty na rynku funduszy inwestycyjnych*, Warszawa: CeDeWu.

Przybylska-Kapuścińska W. (red.), 2002, Rynek papierów wartościowych w Polsce wybrane problemy, Poznań.

Socha J., 2003, Rynek papierów wartościowych w Polsce, Warszawa: Olympus.

Wyczański A., 1986, Historia powszechna. Wiek XVI, Warszawa: WSiP.

Бердникова Т.Б., 2002, Рынок ценных бумаг и биржевое дело, Москва: Инфра.

Галанов В.А., Басов А.И. (ред.), 2006, Рынок ценных бумаг, Москва: Финансы и Статистика.

Дегтярева О.И., Коршунов Н.М., Жуков Е.Ф. [ред.], 2004, Рынок ценных бумаг и биржевое дело, Москва: Unity

Лозовский Л.Ш., Благодатин А.А., Райзберг Б.А., 2001, Биржа и ценные бумаги, словарь, Москва: Экономика

Никонова И.А., 2006, Ценные бумаги для бизнеса, Москва: Альпина Бизнес Бук.

Солонская Л.А., 2002, Ценные бумаги. Учебное пособие, Санкт-Петербург.

CO TO SĄ PAPIERY WARTOŚCIOWE?

Artykuł prezentuje następujące papiery wartościowe i instrumenty pochodne: akcje, obligacje, weksle, czeki, ADR, hipoteczny list zastawny, konosament, dowód składowy, kontrakty terminowe (forward, futures), opcje. Autor charakteryzuje poszczególne papiery wartościowe i podaje do terminów w języku rosyjskim, wyszczególnionych w artykule ekwiwalenty w języku angielskim i polskim. Wyszczególnione terminy mogą posłużyć do utworzenia minimum terminologicznego z zakresu papierów wartościowych.

ГРАЖИНА МАНЬКОВСКА
ДОРОТА МУШИНЬСКА-ВОЛЬНЫ

Варшавский университет – Факультет прикладной лингвистики

**ПРАСЛАВЯНСКИЙ «ТОРТ», ИЛИ
О ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ПОЛНОГЛАСИИ
И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ВОПРОСАХ РУССКОЙ
ГРАММАТИКИ И ОРФОГРАФИИ НА ФОНЕ ИСТОРИИ
РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ**

Поляки, изучающие русский язык, делают ошибки в основном по двум причинам. Или принимают, что это иностранный язык, забывают о языковом родстве и насильно вводят изменения там, где их не должно быть (придумывают новые слова, странные конструкции), или, зная о родстве, придают русский фонетический облик польским словам и конструкциям. Поэтому обучение русскому языку может облегчить хотя бы базовое знание истории славянских языков.

Как русский, так и польский языки принадлежат к славянской языковой семье, то есть это близкородственные языки. Об этом свидетельствуют лексические и грамматические сходства, вытекающие из того, что оба языка происходят из общего праязыка, а именно праславянского языка. Праславянский язык не знал письма, и его реконструировали в ходе сравнительно-исторических исследований. Сопоставляя близкие друг другу языки, в данном случае славянские, учёные отметили как межъязыковые сходства, так и некоторые регулярно появляющиеся различия. Таким образом, обращаясь к методу реконструкции (путём сопоставления родственных языков) было воспроизведено гипотетическое состояние праязыка.

На общем праславянском языке говорили люди, которых сегодня называем праславянами. Это имело место, предположительно, около полутора тысячелетия до нашей эры вплоть до – связанного с великим миграционным движением в начале нашей эры

– распада праславянской общины. В свою очередь, начало праславянской общины связано с распадом общины, объединяющей предков прабалтов и праславян, которая входила в состав более широкой и более ранней праиндоевропейской общины, т.е. предков почти всех народов, заселяющих современную Европу и юго-западную часть Азии.

В современной Европе неиндоевропейские народы – это в основном венгры, финны, эстонцы, баски и мальтийцы. Гипотетическую индоевропейскую общину составляли предки населения, проживающего сегодня в юго-западной Азии и говорящего на языках, принадлежащих к группам: индийской, иранской и трако-армянской, а также предки современных европейцев, говорящих на языках: романских (италийских), германских, балтийских, славянских, кельтских, а также на албанском и греческом.

Многие индоевропейские языки исчезли, как например тохарский, хеттский, авестийский и другие. Вследствие миграций, которые происходили в III тысячелетии до н.э., наступил распад праиндоевропейской общины и выделились самостоятельные культуры и индоевропейские языки. Что касается наших предков, т.е. праславян, то первоначально образовали они единую общину с прабалтами (предками литовцев, латышей и не существующих сегодня пруссов и ятвягов). Этот общий период развития продолжался несколько сотен лет во втором тысячелетии до н.э. и был прерван, вероятно, экспансией так называемой лужицкой культуры, которая отделила прабалтов от праславян около 1300 г. до н.э. О балтославянской общности свидетельствует близость языков:

- поль. *ręka*, лит. *ranka*,
- поль. *wilk*, лит. *vilkas*, лат. *vilks*,
- поль. *noga*, лит. *naga*,
- поль. *dzień*, лит. *diena*, и др.

После распада балтославянской общины свыше тысячи лет существовала праславянская община, т.е. период, когда славяне образовали единую племенную и языковую группу, заселявшую, вероятно, бассейн верхнего Днестра, Припети и Вислы. По мере того как расширялась территория, населенная славянами, в их языке появлялись элементы, которые начинали их дифференцировать. Первоначально наличие таких элементов позволяет говорить о появлении диалектов, но со временем, по мере того как различия накапливаются, можно говорить о разных славянских языках.

Сегодня славянская языковая семья состоит из более десятка языков, принадлежащих в связи с историей и родственными отношениями к трём группам:

1. западнославянская группа – языки польский, чешский, словацкий, нижнелужицкий, верхнелужицкий, кашубский, а также полабский, который стал мёртвым в XVIII веке;
2. восточнославянская группа – языки русский, украинский, белорусский;
3. южнославянская группа – языки словенский, сербский, хорватский, македонский, болгарский, боснийский и черногорский. К южнославянской группе принадлежит также язык старославянский, т.е. язык, который не является языком определённого народа, зато это первый записанный славянский язык, основанный на диалектах болгаро-македонских, которыми пользовались в IX веке н.э. славянские жители греческого города Солунь (ныне Салоники).

История возникновения старославянского языка связана с деятельностью двух братьев – Константина и Мефодия. Интересующий нас язык возник в связи с потребностью введения христианства среди славян. Князь Ростислав, правящий в Великой Моравии в IX веке н.э., около 862 г. обратился к византийскому императору Михаилу III с просьбой прислать миссионеров, которые смогут подготовить славянских священников и распространить христианство среди народа, а также организовать отдельную епископию, что ограничило бы влияние немецкого духовенства. Для этого миссионеры должны были знать славянский язык и создать славянскую письменность, чтобы переводить и толковать религиозные тексты. Человеком, который был способен это совершить, оказался Константин Философ, позже принявший имя Кирилл, а помогал ему в этой миссии его брат Мефодий. Оба брата воспитывались в греческом городе Солунь и, хотя сами были, вероятно, греками, хорошо знали диалект, которым пользовались славяне, жившие в этом городе. Константин – учёный, знавший многие языки, сумел создать новый алфавит, который соответствовал славянской фонетической системе. Этот первый алфавит был назван глаголицей (глагол – ‘слово’). В 864 г. Константин и Мефодий прибыли в Моравию и начали свою просветительскую деятельность – переводили богослужебные книги на славянский язык и обучали местных кандидатов на духовников, чтобы те могли в дальнейшем вводить и распространять славянскую литургию. Около 867 г. братья отправились в Рим, чтобы папа Адриан

II посвятил в священники их учеников и признал законность славянской литургии. Всё это сбылось, и в нескольких римских церквях проводилось богослужение на славянском языке. Кроме того была установлена славянская епископия в Паннонии и Моравии. В Риме Константин принял схиму и монашеское имя Кирилл (под которым был канонизирован), но вскоре он заболел, умер 14 февраля 869 г. и был похоронен в церкви св. Климента. Его брат Мефодий стал первым славянским епископом, но свою деятельность продолжал уже не в Моравии, а в Паннонии. Только на недолгое время вернулся в Моравию, но из-за усиления влияния немецкого духовенства, Мефодий и его ученики были оттуда изгнаны и отправились на юг, где продолжали свою деятельность, создав, между прочим, новый славянский алфавит, позже назван в честь св. Кирилла кириллицей. Кириллица лежит в основе многих современных славянских алфавитов – ею пользуются русский, украинский, белорусский, сербский, болгарский и македонский языки.

О старославянском языке вспоминаем здесь потому, что он сыграл значительную роль в истории русского языка. Сам старославянский язык отражает фонетические и грамматические особенности южнославянских языков, однако многие столетия этот язык выполнял на Руси, а позже в России, роль литературного языка и оказал очень сильное, осязаемое и сегодня влияние на русский язык. Подробнее о влиянии старославянского на современный русский язык (на одном очень характерном примере) будет показано позже. Сейчас же сосредоточимся на описании только некоторых фонетических и грамматических вопросов, показывающих сходства и различия между русским и польским языками, причём мы будем ссылаться на факты из истории обоих языков, иначе говоря на общего предка – праславянский язык.

Сначала, постараемся объяснить, как понимать заглавное выражение «праславянский „торт“». „*tort” в исторической фонетике символизирует группу состоящую из двух звуков [or] окружённых согласными, т.е. символ t обозначает любой согласный. Исследования показали, что такие сочетания звуков развивались в отдельных группах славянских языков по определённому принципу. Что важно, данный фонетический процесс охватил не только группу *tort, но и *tert, *tolt и *telt. Результаты и принцип данного процесса ясно представляет следующая таблица:

*прасл.	западославянская группа (без чешского и словацкого)	восточнославянская группа	южнославянская группа
*tort	trot	torot	trat
*tert	tret	teret	trět
*tolt	tlot	tolot	tlat
*telt	tlet	tolot (t'elot)	tlět

В нижеприведенной таблице представлены некоторые примеры языковых соответствий, возникших в результате описанного фонетического процесса:

*прасл.	польский язык	русский язык	чешский язык / старосл. яз.
*korva, *borda	krowa, broda	корова, борода	kráva, / крава
*bergъ, *dervo	brzeg, drzewo	берег, дерево	břeh, / брѣгъ
*golva, *bolto	głowa, błoto	голова, болото	hlava, / глава
*melko, *šelmъ	mleko, szlem	молоко, шелом	mleko, / млѣко

Если сравнивать польский и русский языки, такие примеры находим в парах слов *strona* – *сторона*, *wrota* – *ворота*, *zdrowie* – *здоровье*, *drogi* – *дорогой*, *wróbel* – *воробей*, *gród* – *город*, *głos* – *голос*, *młodzież* – *молодёжь*, *mleko* – *молоко*, *głodny* – *голодный*, *plótno* – *полотно*, *płoz* – *полоз*, *włos* – *волос*, *mróz* – *мороз*, *młody* – *молодой*, *groch* – *горох*, *młotek* – *молоток*, *złoto* – *золото*, *słoma* – *солома* и многих других.

Причиной таких изменений было действие одного из самых важных процессов в истории славянских языков, т.е. закона открытого слога. Открытым слогом называем такой, который кончается гласным звуком, а закрытым слогом такой, который кончается согласным. Гласные – это звуки звучнее всех других. При их артикуляции ротовая полость открыта шире чем при согласных, произносятся одни тоны.

И именно стремление к тому, чтобы слоги кончались гласными (т.е. действие закона открытого слога), привело к большим изменениям в фонетической и грамматической системе праславянского языка. Именно одно из таких изменений мы здесь обсуждаем.

В приведённых праславянских примерах первые слоги были закрытыми: **kor-va*, **dor-ga*, **ber-gъ*, **der-vo*, **gol-va*, **bol-to*, **mel-ko*, **šel-mъ*. Как же их открыли? Как видно, в каждой языковой группе изменения произошли своим характерным образом.

В западнославянской группе наступила только перестановка (метатеза) звуков, в восточнославянской группе возникло т.наз. полногласие, а в южнославянской группе наступила не только перестановка звуков, но и удлинение гласных: о>а, е>ё. Таким образом во всех славянских языках слоги открылись.

Распад праславянской общины на три языковые группы имел место в начале второй половины первого тысячелетия нашей эры, так что вышеописанные изменения надо отнести к этому периоду. Свидетельствует об этом также, например, слово *król* – *король*, которое происходит от имени короля франков Карла Великого (фр. *Charlemagne*, нем. *Karl der Große*), жившего в VIII-IX вв., которое славянами было превращено в нарицательное имя существительное, в котором (по недоразумению) отражаются изменения, свойственные группе **tort*.

На русский язык, как уже упоминалось, сильное влияние оказал церковнославянский язык. Поэтому в современном русском языке, наряду с типичными для этого языка примерами полногласия, сталкиваемся также с формами, в которых вместо полногласия выступает метатеза (перестановка) и удлинение гласного звука. В связи с тем, что – по сравнению с живыми русскими диалектами – церковнославянский язык долгое время воспринимали как стилистически более высокий, заимствованные из этого языка слова и сегодня функционируют как стилистически маркированные варианты (ср. напр.: *золото* – *злато*, *город* – *град*), часто являющиеся компонентами библейских фразеологизмов (ср. напр.: *колодец* – *кладезь премудрости*, *голос* – *глас вопиющего в пустыне* и др.) или приобретшие терминологический характер (ср. напр.: *сторона* – *страна*, *голова* – *глава*, *короткий* – «и» краткое и др.). С точки зрения орфографии, такие пары стоит знать, так как поляки – под влиянием родного языка – часто в словах церковнославянского происхождения делают ошибки и вместо -ра-, -ла- пишут -ро-, -ло-.

Закон открытого слога стал причиной и других фонетических процессов, результаты которых иногда представляют трудность для

учащихся русскому языку. Речь идет о наличии н- в абсолютном начале падежных форм местоимений 3-его лица – *он, она, оно, они*. Н- в абсолютном начале слова знает как польский, так и русский язык, и в принципе в этом отношении оба языка похожи друг на друга. Данный факт свидетельствует о том, что фонетические процессы, приведшие к появлению форм с инициальным н-, имели место во время существования праславянской языковой общины, т.е. до распада славяницы на южно-, восточно-, и западнославянскую группы языков.

Сегодня инициальное н- появляется в формах косвенных падежей местоимений 3-его лица тогда, когда данной форме предшествует предлог. Но в раннем праславянском языке местоимение, от которого происходит современное местоимение 3-его лица, начиналось не звуком [n], а звуком [j]. Зато инициальное н- происходит от трёх предлогов, часто сопутствовавших данному местоимению.

Упомянутые предлоги – это **vъn*, **kъn*, **sъn*, соответствующие современным польским предлогам *w*, *ku*, *z* и русским – *в*, *к*, *с*. Согласно закону открытого слога, каждый слог должен был заканчиваться гласным звуком, тем временем данные предлоги заканчивались согласным. Как же появившуюся проблему решали славяне? В большинстве случаев согласную [n] запросто пропускали, т.е. вместо **vъn domu* говорили **vъ domu*. Таким образом предлоги приобрели форму *vъ*, *kъ*, *sъ*. Однако, если следующее слово начиналось звуком [j], так как в случае местоимения 3-его лица, финальное [n] предлога и инициальное [j] местоимения сливались в один звук [ń], благодаря чему появились следующие сочетания:

**vъn jet* > *vъ њетъ*; **sъn jeją* > *sъ њeją*; **kъn jetu* > *kъ њету*.

Со временем принцип произношения словоформ с инициальным [n] обобщился и стал охватывать все случаи употребления местоимения с предлогом. Поэтому сегодня по-польски говорим не только: *w niego*, *z niego*, но и *do niego*, *bez niego* и т.п.. Так же по-русски говорим и *в него*, *с него*, *к нему*, и *для него*, *без него*, *от него* и т.д.. Формы без инициального [n] употребляются во всех остальных случаях, т.е., например, когда говорим:

Jego tata przyjdzie jutro do szkoły. – *Его мама придёт завтра в школу.*

Daj jej mój parasol. – *Дай ей мой зонтик.*

Стоит добавить, что данные преобразования стали причиной появления в польском языке, сегодня редко употребляющегося, слова *weń* (напр.: *Wpatrywała się weń z wielką uwagą*). Слово *weń* легко

заменяется предложно-падежным сочетанием *u niego*, т.е. в кого? во что? Действительно, данное слово возникло в результате слияния двух слов – вышеупомянутого предлога **uń* и формы винительного падежа местоимения, т.е. **jь*. Такое сочетание **uń jь* > *uъ њь* произносили слитно, с одним ударением, а после выпадения конечного гласного звука (мягкого еря) возникло одно слово – не только фонетическое, но и графическое. Затем, по аналогии, в польском языке появились также слова *doń* (т.е. *do niego*), *dlań* (*dla niego*), *przezeń* (*przez niego*) и др.

Отклонение от принципа употребления местоимённых форм с инициальным [n] исключительно в предложно-падежных конструкциях наблюдается в ряде западнославянских языков (в том числе в польском), где личные местоимения 3-его лица всегда образуют формы творительного падежа с согласным [n] – независимо от употребления или неупотребления предлога. Например:

Pójdę (z kim? z czym?) z nim do kina. – Я пойду (с кем? с чем?) с ним в кино.

Od dawna interesuję się (kim? czym?) nim i jego twórczością. – Я уже давно интересуюсь (кем? чем?) им и его творчеством.

Это отклонение тоже часто становится причиной ошибок в речи поляков, учащихся русскому языку.

Ряд межъязыковых сходств и различий наблюдается также в случае категории одушевлённости имён существительных в русском и польском языках. Прежде всего, в обоих языках категория одушевлённости является семантической категорией, т.е. отражает ненаучный способ восприятия окружающей действительности носителями польского и русского языков. Итак, поляки и русские согласны, что живыми можно признать прежде всего те существа, которые могут свободно и самостоятельно менять своё место в пространстве, т.е. могут перемещаться – ходить, бегать, плавать, летать и т.п. Названия таких существ считаются одушевлёнными существительными. Соответственно, названия явлений и предметов, которым свобода перемещения не свойственна, – это неодушевлённые имена существительные. Такое понимание категории одушевлённости является тождественным для польского и русского языков. Однако, с другой стороны, в русском языке, в отличие от польского, категория одушевлённости имеет также морфологический характер, т.е. проявляется в падежных формах имён существительных. Давайте сравним формы именительного, родительного и винительного падежей

множественного числа польских и русских существительных с разным грамматическим значением рода:

Ип	chłopc u	dziewczyn y	robaki	stoł y	okna
Рп	chłopc ów	dziewczyn	robak ów	stoł ów	okien
Вп	chłopc ów	но: dziewczyn y	robaki	stoł y	okna
Ип	мальчики	девочки	дома	книги	окна
Рп	мальчиков	девочек	домов	книг	окон
Вп	мальчиков	девочек	но: дома	книги	окна

Легко заметить, что во множественном числе (а также в единственном – для существительных мужского рода) винительный падеж русских существительных равен родительному – для одушевлённых существительных (общий вопрос: кого?) и равен именительному – для неодушевлённых существительных (общий вопрос: что?). Зато в польском языке форма винительного и родительного падежей совпадают только в случае имён существительных, называющих лиц мужского пола. Все остальные существительные (как одушевлённые, так и неодушевлённые имеют форму винительного, равную форме именительного падежа. Эту разницу особенно легко заметить в предложении. Например:

- Widzimy naszych nauczycieli.* – Мы видим наших учителей.
Widzimy nasze nauczycielki. – Мы видим наших учительниц.
Znam te kobiety. – Я знаю этих женщин.
Gospodarz karmi konie i krowy. – Хозяин кормит коней и коров.

В польском языке названия животных могут иметь форму винительного падежа, равную форме родительного, но только в случае существительных мужского рода и только в форме единственного числа. Например: *Hoduję w domu kota* (Вп=Рп) *i mysz* (Вп=Ип) – *Hoduję w domu koty* (Вп=Ип) *i myszy* (Вп=Ип). В русском же языке по принципу одушевлённых существительных склоняются все названия животных – даже если они обозначают приготовленные из животных блюда. Например:

Jedliśmy króliki, kurczęta, szczuraki. – Мы ели кроликов, цыплят, шук.

Исключением в данном отношении являются только слова: *шпроты*, *кильки* и *сардины*. Например: *Мы видели плавающих килек, шпрот и сардин* (Вп=Рп) – *Мы ели вкусные кильки, шпроты и сардины* (Вп=Ип).

Стоит добавить, что в русском языке одушевлёнными считаются также имена существительные – названия шахматных фигур, играль-ных карт и кукол:

Wziąłem konie. – *Я взял коней.*
On oddał walety, damy, asy. – *Он отдал валетов, дам, тузов.*
Dziewczynki kochają swoje lalki. – *Девочки любят своих кукол.*

Когда и почему появилась категория одушевлённости? Как известно, форма именительного падежа в предложении выполняет функцию подлежащего, а форма винительного падежа – функцию прямого дополнения. В раннем праславянском языке формы именительного и винительного падежей многих существительных мужского рода не отличались друг от друга. Поэтому относительно рано появилась необходимость такой дифференциации обеих падежных форм, чтобы избежать недоразумений, кто является субъектом (исполнителем), а кто объектом действия. Например, сегодня как в польском, так и в русском языке вполне понятным и однозначным является высказывание *ojciec kocha syna* – *отец любит сына*. Тем временем в праславянском кто кого любит не было бы так очевидным, так как данное предложение звучало бы: [*otec lubi syn*].

Похожую ситуацию наблюдаем в современном русском языке, например, в предложении: *мать любит дочь*. При т.наз. свободном порядке слов в предложении любящей особью может быть как мать, так и дочь. Такая же неоднозначность появляется и в других высказываниях данного типа, например: *лошадь видит мышь*. Легко заметить, что проблема касается имён существительных женского рода, у которых форма винительного падежа единственного числа совпадает с формой именительного. К счастью, данная ситуация наблюдается редко, так как большинство существительных женского рода образует особые формы винительного падежа единственного числа (напр.: *мама любит дочку*).

Для сравнения, в современном польском языке ситуация неоднозначности, вытекающей из совпадения форм винительного и именительного падежей, проявляется прежде всего во множественном числе по отношению к существительным не называющим лиц мужского пола. Например: *matki kochają córki, dzieci pogryzły psy* и др.

В единственном числе такие ситуации – крайне редки (напр.: *mysz gryzie wesz*).

В русском языке категория одушевлённости развивалась поэтапно. Сначала (около XIII в.) ею были охвачены существительные мужского рода, причём первоначально – только названия лиц: именно по отношению к ним в единственном числе стали употреблять формы винительного падежа, совпадающие с формами родительного (кого? что? – *сына, мастера, рыболова*). Затем в конце XIV века формы винительного падежа, равные формам родительного, появляются и во множественном числе (напр.: *пословъ, князей, крестьянъ*). На данном этапе категория одушевлённости стала охватывать также имена существительные женского рода в формах множественного числа, поэтому, говоря на современном русском языке, скажем: *Я вижу учениц, подруг, студенток*.

В случае названий животных, так же как и в случае названий лиц, категорией одушевлённости сначала были охвачены существительные мужского рода, а затем – существительные женского и среднего рода. Однако ещё в текстах XVI века формы винительного падежа, совпадающие с формами именительного, встречаются намного чаще форм винительного, равных родительному падежу (например: *И мы к тебе песь борзой ... послали. Да под ним конь убили*). И только в текстах XVII века наблюдается преобладание форм винительного падежа, равных формам родительного: *купить коня, отгонить птиць, искать свиней*.

Таким образом в русском языке появилась категория одушевлённости, которая сегодня охватывает прежде всего названия живых существ – в основном имена существительные мужского и женского рода, а также небольшое количество существительных среднего рода (например: *дитя, лицо, существо, чудовище, животное, насекомое, млекопитающее* и др.).

Остатками старых форм винительного падежа, равного именительному, являются в русском языке некоторые конструкции с предлогами. В данном случае существительное не употреблялось в функции прямого дополнения, не служило названием непосредственного объекта действия и не могло выступать как подлежащее в страдательной конструкции. Поэтому форма винительного, равного именительному, оставалась неизменной и сохранилась (хотя и считается архаической) до наших времён. Такими конструкциями являются, например: *выйти в люди, пойти в гости, отдать в солдаты*, а также *выйти замуж*, соответствующее польскому *wyjść za mąż* (хотя

в современном русском языке *замуж* является не предложно-падежной конструкцией, а наречием).

Русский и польский языки относятся к одной языковой семье, оба они зародились на почве праславянской общности. Благодаря этому они во многом похожи друг на друга: многие русские и польские слова можно назвать однозвучащими и однозначными, во многом совпадают грамматические категории обоих языков. И тем не менее, у большинства поляков, учащихся русскому языку, в какой-то момент появляются затруднения и сомнения. Ставится вопрос: и почему это так?, почему не всё совпадает?, почему я сделал ошибку? Объяснение сомнениям и ответ на вопросы находим в истории русского и польского языков, каждый из которых после распада славянщины подвергался другим процессам и изменениям. Поэтому ознакомление с историей языков можно считать одним из важнейших шагов на пути к преодолению ошибок в процессе обучения близкородственным языкам.

Литература

Bartula Cz., 1981, *Podstawowe wiadomości z gramatyki staro-cerkiewno-słowiańskiej na tle porównawczym*, PWN, Warszawa.

Dalewska-Greń H., 1997, *Języki słowiańskie*, PWN, Warszawa.

Długosz-Kurczabowa K., Dubisz S., 2001, *Gramatyka historyczna języka polskiego*, Wyd. UW, Warszawa.

Dulewiczowa I., 1993, *Gramatyka konfrontatywna rosyjsko-polska. Fonetyka i fonologia. Grafia i ortografia*, Warszawa.

Gołubiewa A., Kowalska N., Ząbkowska J., 1987, *Ćwiczenia z gramatyki praktycznej języka rosyjskiego*, cz.I, Warszawa, s. 77-84.

Grzegorzyczkova R., 2008, *Wstęp do językoznawstwa*, PWN, Warszawa.

Lehr-Splawiński T., Witkowski W., 1965, *Wybór tekstów do historii języka rosyjskiego*, PWN, Warszawa.

Moszyński L., 1984, *Wstęp do filologii słowiańskiej*, PWN, Warszawa.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А., 1981, *Историческая грамматика русского языка*, Высшая школа, Москва 1981.

Ремнёва М. Л., 2004, *Старославянский язык*, изд. Академический проект, Москва.

**PRASŁOWIAŃSKI „TORT”, ALBO O WSCHODNIOŚLAWIAŃSKIM
PEŁNOGŁOSIE I NIEKTÓRYCH INNYCH ZAGADNIENIACH
ROSYJSKIEJ GRAMATYKI I ORTOGRAFII NA TLE HISTORII
JĘZYKÓW ROSYJSKIEGO I POLSKIEGO**

W artykule omówione są trzy kwestie dotyczące gramatyki i ortografii rosyjskiej i polskiej, często będące przyczyną błędów językowych Polaków uczących się języka rosyjskiego:

- pełnogłos (czyli prasłowiański „tort”),
- „n” w formach zaimka trzeciej osoby,
- kategoria żywotności rzeczownika.

Wszystkie zagadnienia poparte są przykładami i przedstawione w ujęciu konfrontatywnym oraz na tle historii języków rosyjskiego i polskiego umiejscowionych w rodzinie języków słowiańskich pochodzących od wspólnego przodka – języka prasłowiańskiego. Odnotowano też rolę języka staro-cerkiewno-słowiańskiego w kształtowaniu się rosyjskiego języka literackiego.

ЙОАННА ВАСИЛЮК

Варшавский университет – Факультет прикладной лингвистики

ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОПРОСА

В настоящей статье проводимые рассуждения концентрируются вокруг газетного заголовка, в частности, дискурсивных функций им выполняемых. Богатая научная литература послужила за основу анализа и позволила прийти к определённым выводам. Исходным, и в тоже время одним из ключевых элементов, учитывая постановку вопроса, является определение понятия «дискурс».

В настоящее время, всё чаще на страницах лингвистических работ присутствует называемое понятие «дискурс», которое появлялось уже в работах таких известных лингвистов как Ф. Де Соссюр, Т. А. ван Дейк, М. Пешё, М. Макаров. Чёткого и общепринятого определения понятия «дискурс», охватывающего все случаи его употребления, не существует и трактуется оно в научной литературе многообразно.

Во-первых, «дискурс» воспринимается как собственно лингвистическое понятие, дискурс мыслится как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию, как вид речевой коммуникации, как единица общения. Во-вторых, понятие «дискурса», используется в публицистике, восходя к французским структуралистам и, прежде всего, к М. Фуко. В-третьих, термин «дискурс» используется в формальной лингвистике, пытающейся ввести элементы дискурсивных понятий в арсенал генеративной грамматики [Григорьева 2007: 10].

Учитывая тему настоящей статьи, следует заметить, что термин «дискурс» воспринимается исключительно, как лингвистическое

понятие. Однако, в собственно лингвистическом значении употребление термина «дискурс» тоже весьма разнообразно.

На протяжении последнего полувека понятие термина «дискурс» менялось. Если в начале 70-х годов XX века он трактовался как последовательность речевых актов, связанный текст, устная разговорная форма текста, диалог, группа высказываний, связанных между собой по смыслу, то современная лингвистика даёт дискурсу следующее определение: «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [ван Дейк 1989: 8]. По определению Т. А. ван Дейка, «дискурс – это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [там же: 8].

Таким образом, в дискурсе воплощается пространство социального взаимодействия, опосредуемое средствами того или иного языка. Оно порождается и оформляется на основе динамического взаимодействия разноуровневых категорий – понятийных, прагматических, семантических, грамматических и т.д. [Григорьева 2007: 11]

В настоящей работе, газетный заголовок рассматривается как дискурс в его лингвистическом значении, ссылаясь непосредственно на его определение, приведённое Н. Д. Арутюновой, согласно которому «дискурс – это речь, погружённая в жизнь» [Арутюнова 1998: 137] и П. Серию, воспринимающим термин «дискурс» как:

- а) эквивалент понятия «речь»,
- б) единицу превосходящую фразу,
- в) воздействие высказывания на его получателя,
- г) беседу, как основной тип высказывания,
- д) речь с позиций говорящего,
- е) речевую актуализацию единиц языка,
- ж) социально или идеологически ограниченный тип высказываний,
- з) теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста [Серийо 1999: 26-27].

Следует заметить, что приведённые восемь значений термина «дискурс», вполне удовлетворяют возможности изучения газетных заголовков, тем не менее, он рассматривается учёными и с точки зрения речевых актов (как обладающий определённым перлокутивным эффектом) и с точки зрения лингвистики текста (как предтекст газетного материала), так как являясь сложным коммуникативным явлением, характеризует как речь отправителя, так и его воздействие на восприятие получателя, вызывающее его ответную реакцию в виде эмоционального сопереживания и интеллектуальной обработки информации [Долгирева 2002: 4].

Любой коммуникативный акт предусматривает наличие адресанта – отправителя информации и адресата – человека для которого предназначена данная информация, согласно структуре коммуникативного акта описываемого следующим образом: «Адресант вступает с адресатом в контакт по поводу определённого референта, используя определённый код» [Клюев 1998: 7]. Соответственно в публицистике адресантом является автор материала, а адресатом – читатели, которые вступают друг с другом в диалог. Несмотря на то, что автор и читатель разделены пространством и временем происходит между ними общение, так как совершается речевая деятельность по производству и восприятию информации.

Между адресатом и адресантом складываются диалогические отношения, которые предполагают активность восприятия и наличие которых как раз и позволяет выявить признаки именно газетного дискурса.

Подробное описание этих признаков представили в своей работе Елена Полякова и Евгения Полякова, которые трактуют газетный дискурс как персональный бытийный дискурс, обладающий помимо универсальных компонентов (участники, цели, разновидности, стратегии, тематика) специфическими конститутивными признаками, к которым относится информативность, стилизованность речи, синтез устной и письменной речи, эмотивные лингвистические средства. Компоненты и признаки имеют определённую характеристику. И так:

- а) участники газетного дискурса – это автор и читатель,
- б) цель газетного дискурса – влияние на эмоциональное и интеллектуальное поля читателя,
- в) информативность, состоит из трёх типов: содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой,

- г) стилизованность речи – это правила семантического соединения слов, способы словесного изображения,
- д) синтез устной и письменной речи – это специфический набор языковых и речевых средств.
- е) эмоциональная окрашенность лексики – позволяет привлечь внимание читателя и повлиять на его эмоциональное состояние.
- ж) стратегии – способствуют созданию желаемого эффекта и реакции читателя.
- з) тематика – это основные конфликты: социальные, политические, экономические, идеологические [Полякова, Полякова; 2007: 18-19].

Как видим, есть все основания для изучения газетного заголовка как дискурса, который включает кроме лингвистического содержания (речевой акт, текст) и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста.

Рассматривая газетный заголовок, как часть текста и дискурса одновременно, следует проанализировать как распределяются выполняемые им функции, учитывая характер газетных материалов.

Средства массовой информации играют в современном обществе очень существенную роль. Они являются важнейшим средством воздействия на общественное и индивидуальное сознание, политическую жизнь и культуру. Существенное место отводится в этом плане газете, ибо, как подчёркивал В. Г. Костомаров: «диалектическое единство организующе-воздействующей функции убеждения и информационно-содержательной функции сообщения есть то основное соотношение, заданное экстралингвистически, которое обязан обслужить литературный язык в газете» [Костомаров 1971: 43]. Следует в то же время учесть, что традиционно в основу печатных СМИ были положены понятия класса и социальной страты. Качественная и массовая пресса, чётко соответствовали классовому делению общества. Однако нельзя не согласиться с мнением Е. Л. Вартановой, что «по мере развития западного общества, по мере возникновения групп высокооплачиваемых менеджеров или «рабочей аристократии» противостояние между качественной и массовой прессой начинало меняться. [...] Прежней пропасти между этими классами газет уже не существует: по тематике прежние массовые газеты уже незначительно отличаются от качественных, включая такие рубрики, как «Финансы», «Международная жизнь» и «Вну-

тренняя политика». [...] В зависимости от национальных традиций прессы и социальной структуры общества степень «близости» качественных и массовых газет варьируется» [Вартанова: Электронный ресурс].

Главная отличительная черта качественной прессы, являющейся основой для рассуждений проводимых в настоящей статье, состоит в том, что печать такого типа содержательна и информативна. Её наиболее значительными целями, по мнению Елены Поляковой и Евгении Поляковой являются – информация и просвещение [Полякова, Полякова 2007: 7].

Учитывая роль и цели, которые преследует такого рода пресса, исследователи приписывают ей определённые функции. Одной из наиболее часто приводимых в научных изданиях классификаций является классификация М. Н. Кожинной, которая выделяет следующие функции качественной прессы: воздействующее-информационная, популяризаторская, воспитательная, организаторская, гедонистическая, просветительская, экспрессивная [Кожина 1983: 185].

По её словам, воздействующее-информационная функция является одной из наиболее существенных функций, так как газеты информируют читателей о главных событиях, происходящих в жизни страны и мира, предоставляют читателям краткий обзор экономических и политических событий, стремясь заодно передать их в как можно кратчайший срок. Это стремление журналистов отражается, в характере коммуникативных задач, и в речевом их воплощении. Это и определяет экспрессивность газетных статей. Экспрессивная функция газеты, обусловленная её пропагандистской направленностью, вызывает, прежде всего, открытую оценочность речи, которая в свою очередь выражается, главным образом в лексике, т. е. в сравнительно большой частотности качественно-оценочных по семантике прилагательных и существительных, элативов, в характере метафоризации и отборе фразеологизмов, а также в особенностях использования синтаксических средств. Оценочная лексика позволяет выразить автору свою позицию, своё отношение к описываемому и заодно определяет экспрессивность газетной статьи. Популяризаторская функция газеты заключается в её просветительском характере, так как в статьях сообщается и о новых научных открытиях, и о новинках техники и т.п. Таким образом, газета обращается к средствам научной речи, проявляющимся не только в статьях популяризирующих научные знания, но и в материалах, представляющих анализ и обобщение политических, социально-экономических

и других проблем. Гедонистическая же функция или рекламность заключается, прежде всего, в особенностях заголовочных предложений, в обращениях к читателю, проблемных вопросах и призвана привлечь внимание читателя [Кожина 1983: 183-198].

Учитывая перечисленные функции, следует заметить, что язык газеты характеризуется «определённой спецификой, отличающей его от языка художественной или научной литературы, от разговорной речи. Это является следствием длительного отбора выразительных языковых средств, наиболее соответствующих тому социальному заданию, которое выполняет газета как основное средство массовой информации. Газета рассчитана на разнородный многочисленный круг читателей и должна привлечь к себе внимание» [Полякова, Полякова 2007: 21].

Особую роль играет в этом плане газетный заголовок. Ситуация общения через газетный заголовок имеет специфические особенности, так как имеет в этом случае опосредованный, дистантный характер. По мнению Дж. Остина, газетный заголовок «это акт общения автора с читателем, те есть это иллокутивный акт, в котором происходит реализация коммуникативных намерений говорящего» [Цит. по Полякова, Полякова; 2007: 22].

Исследовательских работ, посвящённых газетному заголовку, рассматривающих его с прагмалингвистической точки зрения достаточно много. Затрагивались следующие проблемы, например: заложены основы рассмотрения газетного заголовка как речевого акта, есть наблюдения относительно выделения типовых компонентов заголовка, говорится о необходимости изучения категории прагматического эффекта, упоминается о прагматической установке газетного заголовка, о его воздействующей функции, об участии заголовка в создании читательского ожидания, о связи заголовка с категориями ретроспекции и проспекции, с типами прагматических структур, с пресуппозицией общего знания у читателя и автора [Долгирева 2002: 7]. Однако, хотелось бы остановиться на проблеме функций газетного заголовка, так как она воспринимается учёными по-разному.

Так, В. П. Вомперский выделяет следующие функции газетного заголовка: коммуникативная (сообщение о предмете речи), аппеллятивная (воздействие на читателя), экспрессивная (характеризует личность говорящего), графически-выделительная (ограничивает один материал от другого) [Бертякова 1997: 20].

А. А. Сафонов выделяет номинативно-информативную функцию (функция сообщения о факте), рекламно-экспрессивную (её

назначение – заинтересовать читателя, заставить его прочесть материал) и графически-выделительную функцию (позволяет отделить один текст от другого). Учёный замечает, что «журналисты стремятся с помощью заголовка пробудить у читателя активность, вовлечь его в процесс сотворчества. В этом они видят главное условие перерастания непровольного первичного внимания в сознательную сосредоточенность. С этой целью работники печати широко используют различные приёмы актуализации языковых средств, приёмы усиления языковой нагрузки, оживления заголовка, выявления авторского отношения к тексту газетного материала» [Сафонов 1981: 205-206].

Г. Г. Хазагеров выделяет две группы функций: как самостоятельные сообщения (автономные) – информирование, изображение авторского отношения к предмету речи и к условиям коммуникации и как обусловленного средства: информирования, изображения авторского отношения к заметке, выразительности, номинантности [Цит. по Бертякова 1997: 20].

Таким образом, представляется необходимым подытожить накопившийся опыт анализа функций газетного заголовка, который приводит к следующим выводам.

Во-первых, заголовок воспринимается как речевой элемент, находящийся вне текста и имеющий определённую самостоятельность (интегративная функция), таким образом, он функционирует автосемантически.

По определению А. Э. Долгиревой, автосемантические заголовки «это заголовки, которые полностью понятны читателю: ему ясно, о чём пойдёт речь в газетном материале. [...] В них действует только эффект необманутого ожидания, так как первоначальная информация, полученная после прочтения заголовка, во всех существенных моментах подтверждается в газетном тексте» [Долгирева 2002: 13].

Во-вторых, одновременно заголовок и полноправный компонент текста, входящий в него и связанный с другими его компонентами, следовательно, он выполняет номинативную функцию, которая является одной из важнейших функций газетного заголовка. В этом случае, газетный заголовок функционирует уже синсемантически – на фоне текста, т. е. как производная от текста и какой-либо прогноз по поводу содержания газетного текста отсутствует, «чтобы понять смысл такого заголовка, следует обязательно обратиться к газетному тексту, а поэтому эффект обманутого ожидания здесь не действует» [там же: 14].

Следует при этом учитывать и то обстоятельство, что заголовки могут сочетать в себе признаки автосемантической и синсемантической, т.е. могут быть автосинсемантическими. Они, по словам А. Э. Долгиревой «занимают промежуточное положение между автосемантическими и синсемантическими газетными заголовками. Они принадлежат к той группе заголовков, которые понятны читателю частично или кажутся понятными» [там же: 14].

В-третьих, читателю сообщаются определённые сведения с определённых позиций, тем самым функция заголовка заключается в том, чтобы информировать о содержании статьи (информативная функция). Читатель, воспринимая публикацию, интуитивно соотносит заголовок с тем или иным элементом смысловой схемы текста [Лазарева 1989: 71].

В-четвёртых, читатель ознакомившись с содержанием газеты, прежде всего, обращает внимание на заголовок, а затем лишь решает прочитать ли ему информацию, содержащуюся в целом тексте. Заголовок привлекает внимание читателя посредством делимитативной (графически-выделительной) функции, которая позволяет отделить один текст от другого. Как замечает Э. А. Лазарева это единственная функция, которая реализуется неязыковыми средствами, а с помощью шрифтовых выделений, использования цвета, графических средств, приёмов вёрстки [Лазарева 1989: 69].

В-пятых, коммуникация между автором и читателем заключается не только в информировании читателей, но и в воздействии, целью побуждения их к прочтению статьи. Таким образом, можно сказать, что газетный заголовок выполняет рекламную функцию. По словам Елены Поляковой и Евгении Поляковой «заголовки, выполняющие данную функцию, формируют психический настрой личности, благодаря чему активизируется внимание, заставляющее читателя целенаправленно обратиться к газетной публикации» [Полякова, Полякова 2007: 24]. Учёные, с языковой точки зрения, разделяют рекламные заголовки на две группы: «в первую входят те, которые намеренно неинформативны, интригуют читателя. На основе таких заголовков создаётся эффект усиленно ожидания, благодаря чему читатель обращается к тексту. Вторую группу составляют те заглавия, которые привлекают своей свежестью. Таким образом, рекламная функция всегда сочетается с экспрессивно-оценочной или информативной функцией» [там же: 24-25].

В-шестых, поскольку одной из задач газетного заголовка является привлечение внимания читателя, следовательно, он выполняет также аппелятивно-экспрессивную функцию, так как автор

статьи пытается убедить читателя в положениях, которые защищает. Заголовок может быть также включён в создание стилистических текстовых эффектов, о чём упоминают Елена Полякова и Евгения Полякова, замечая, что «это возбуждает эмоции читателя, активизирует его фантазию, акцентирует внимание на отдельных смысловых и оценочных частях публикации. При этом возможно возникновение эффектов обманутого или усиленного ожидания» [там же: 25].

Следует отметить, что рассматривая газетный заголовок как коммуникативный акт, его основными функциями являются прагматическая (заголовки-прагмемы) и информативная функции (заголовки-информемы). Информативная, служит для передачи интеллектуально-информативного содержания, прагматическая же оказывает воздействие на эмоционально-волевую сферу психики и поведение адресата (получателя информации) [Долгирева 2002: 8]. В этом плане, учитывая автосемантический и синсемантический характер заголовков, надо заметить, что автосемантические заголовки представлены заголовками-информемами и заголовками-прагмемами, в то время как синсемантические заголовки представлены только заголовками-прагмемами.

Прагматическая функция включает в свой состав рекламную и эмотивную функции, однако рекламная функция играет здесь особую роль и для газетных заголовков является специфичной, ибо, как подчёркивает А. Э. Долгирева «их задача заключается не только в том, чтобы информировать читателя, но и в том, чтобы вызывать интерес к содержанию материала. Рекламность газетных заголовков носит преимущественно эксплицитный характер, причём функция эта в разных условиях может проявляться в разной степени» [там же: 9].

Рассматривая газетный заголовок в исключительно прагматическом аспекте, следует также иметь в виду механизм целенаправленного воздействия на читателя, в котором особую роль играют социопсихологические, коммуникативные и информационные факторы. Социопсихологические факторы свойственны любому заголовку, так как они связаны с адресантом и адресатом, которые должны: иметь определённый минимум общих фоновых знаний, владеть общим кодом – необходимым объёмом вербальных и невербальных коммуникативных единиц, уметь пользоваться этим кодом и правильно интерпретировать его единицы, обладать мотивацией – обоюдным стремлением к осуществлению коммуникации, при которой целенаправленная информация отвечает ожиданиям её получателя. Коммуникативные факторы связаны с функцией

установления контакта с массовой аудиторией. Здесь важную роль играет категория референта, которая в газетном заголовке связана с коммуникативным речевым намерением, выражённым в форме коммуникативной интенции: положительной (предполагающей создание коммуникативных актов поощрения, пропаганды, агитации, рекламы), отрицательной (связанной с актами критики, осуждения, отказа, выговора, порицания), нейтральной (в основе которой находятся акты констатации, обсуждения, демонстрации, анализа). Информационные факторы предполагают выделение содержательного аспекта, связанного с отбором информации, с её структурированием и способами выражения [там же: 9-10].

Проанализировав приведённые функции газетного заголовка, можно сделать вывод, что каждый газетный заголовок выполняет сразу несколько функций, носящих иерархический характер, где в зависимости от стилистической и жанровой принадлежности текста эта иерархия будет формироваться по-разному, напр. в общественно-политической прессе заголовок должен выполнять две главные задачи: показывать суть, содержание текста и привлекать внимание аудитории. Тем самым рекламная и номинативная функции являются одинаково приоритетными. Заголовок должен быть, в этом случае, не только точным, но и ярким [Полякова, Полякова 2007: 25].

И так, рассматривая газетный заголовок как часть текста, следует отметить, что он выполняет информативную, делимитативную и интегративную функции, а как дискурс – информативную, рекламную, аппелятивно-экспрессивную и прагматическую функции.

Как можно заметить на основе проводимых рассуждений, специфика газетного заголовка в свете теории дискурса является многогранным вопросом. Целью настоящей статьи являлось указание и описание тех аспектов, которые играют главную роль в анализе газетных заголовков, так как по сегодняшний день они являются неисчерпаемым источником более углублённых исследований. Учитывая, что само понятие дискурса является широким, тем более понятие газетного дискурса требует чёткого и многостороннего анализа. Существенным в этом плане является также определение характера публикации, так как газетный дискурс – это не только передача сообщения или процесс обмена сообщениями, но также и процесс передачи ценностных смыслов: эстетических, религиозных и т.д. Этими ценностными смыслами и обусловлено разделение прессы на качественную и некачественную, что непосредственно связано и с функциями, которые выполняет газетный заголовок. Функции, в свою очередь, в зависимости от того рассматриваем ли мы

газетный заголовок как текст или как дискурс, трактуются по-разному, о чём свидетельствует проведённый анализ.

Литература

Арутюнова Н.Д., 1988, *Типы языковых значений. (Оценка. Событие. Факт.)*, Изд-во Наука, Москва.

Арутюнова Н.Д., 1990, *Дискурс*, [в:] Большой энциклопедический словарь. Языкознание, Гл. ред. В. Н.Ярцева, 2 изд., Изд-во Большая Российская энциклопедия, Москва, с. 136-137.

Бертякова А.Н., 1997, *Лексико-семантические особенности заголовков телевизионных передач*, Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-т., Таганрог.

Вартанова Е.Л., *Современный медиабизнес и фрагментирующиеся аудитории*, artykuł w Internecie na stronie: Медиаскоп – Электронный научный журнал Факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Выпуск №1 2006, adres: <http://www.mediascope.ru/node/183>.

Григорьева В.С., 2007, *Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты*, Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, Тамбов.

Дейк Т.А. ван, 1978, *Вопросы прагматики текста*, [в:] «Новое в зарубежной лингвистике», вып. 8, *Лингвистика текста*, Изд-во Прогресс, Москва, с. 259-336.

Дейк Т.А. ван, 1989, *Язык. Познание. Коммуникация*, Изд-во Прогресс, Москва.

Долгирева А.Э., 2002, *Газетный заголовок в прагмалингвистическом аспекте*, Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, Таганрог.

Клюев Е.В., 1998, *Речевая коммуникация*, ПРИОР, Москва.

Кожина М.Н., 1983, *Стилистика русского языка*, Изд-во Просвещение, Москва.

Костомаров В.Г., 1971, *Русский язык на газетной полосе*, Изд-во Московского ун-та, Москва.

Лазарева Э.А., 1989, *Заголовок в газете*, Изд-во Урал. ун-та, Свердловск.

Макаров М.Л., 2003, *Основы теории дискурса*, Изд-во Гнозис, Москва.

Пешё М., 1999, *Контент-анализ и теория дискурса*, [в:] Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса, под ред. П. Серию, Изд-во Прогресс, Москва, с. 302-336.

Полякова Елена Владимировна Полякова Евгения Вадимовна, 2007, *Газетный заголовок в качественной и некачественной*

венной прессе, под ред. Г.Т. Поленовой, Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, Таганрог.

Сафонов А.А., 1981, *Стилистика газетных заголовков*, [в:] *Стилистика газетных жанров*, под ред. Д.Э. Розенталя, Изд-во Московского университета, Москва, с. 205-228.

Серио П., 1999, *Как читают тексты во Франции*, [в:] *Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса*, Изд-во Прогресс, Москва, с. 14-53.

Солганик Г.Я., 2007, *Язык современной публицистики*, Изд-во Флинта, Наука, Москва.

Соссюр Ф.де, 2012, *Курс общей лингвистики*, Серия: *Лингвистическое наследие XX века*, Изд-во Либроком, Москва.

Флоря А.В. Мясникова Л.В., 2004, *О термине «Дискурс» Текст*, [в:] *Проблемы прикладной лингвистики: сборник статей Международной научно-практической конференции*, Пенза: ПГУ, 368-370 с.

Формановская Н.И., 2000, *Размышления о единицах общения*, [в:] *Русский язык за рубежом*, № 1, Москва, 56-63 с.

Чернявская В.Е., 2004, *Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости*, [в:] *Вопросы когнитивной лингвистики*, № 1, Изд-во Тамб. гос. ун-та, Тамбов, 106-111 с.

Austin J., 1962, *How to Do Things with Words*, Oxford University Press, London.

Conte M.E., Petöfi J., Sözer E., 1989, *Text and Discourse Connectedness*, Amsterdam: John Benjamins.

Coluthard M., 1977, *An Introduction to Discourse Analysis*, Longman, London.

Brown G. Yule G., 1983, *Discourse Analysis*, Cambridge University Press.

van Dijk T.A., 1988, *News as Discourse*, Lawrence Erlbaum Associates, Hillsdale.

Dobrzyńska T., 1996, *Tekst I jego odmiany*, Wydawnictwo IBL PAN, Warszawa.

Duszak A., 1998, *Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.

Foucault M., 2002, *Porządek dyskursu: wykład inauguracyjny wygłoszony w Collège de France 2 grudnia 1970*, Słowo/Obraz Terytoria, Gdańsk.

Leech J., 1983, *Principles of Pragmatics*, London, New York: Longman.

FUNKCJE Dyskursywne Nagłówków Prasowych.

Jednym z ważniejszych celów każdego dziennikarza jest pozyskanie szerokiego grona odbiorców. Aby to osiągnąć, starają się oni przedstawić swój punkt widzenia, z jednej strony w jak najbardziej racjonalny sposób, z drugiej zaś w jak najbardziej przystępnej i ciekawej formie. Dlatego, postrzegając nagłówki jako akt komunikacyjny należy wyróżnić jego dwie podstawowe funkcje: informacyjną i pragmatyczną. Funkcja informacyjna nagłówka polega na przekazaniu czytelnikowi głównej idei zamieszczonej w samym artykule. Natomiast funkcja pragmatyczna polega na oddziaływaniu na sferę emocjonalną czytelnika i wywołanie u niego określonej reakcji, określonego zachowania. Na przykład leksyka ekspresywno-emocjonalna jest jednym ze środków służących wyrażeniu oceny i jako taka pełni właśnie funkcję impresywną. Jednakże zachęcając czytelnika, do zapoznania się z artykułem, nagłówek spełnia również funkcję reklamy.

Celem podjętej analizy jest prześledzenie, w jaki sposób realizowane są przedstawione funkcje i jaką odgrywają rolę.

REVIEWS

MARTYNA KLEJNOWSKA

Uniwersytet Warszawski – Wydział Lingwistyki Stosowanej

Larysa Fast, Magdalena Zwolińska,
Biznesmeni mówią po rosyjsku dla
średniozaawansowanych, Poltext, Warszawa 2010, s. 256.

Obecnie znajomość języków obcych, w tym języków specjalistycznych znacznie zwiększa szanse młodych ludzi na rynku pracy. Język specjalistyczny wykorzystywany jest w komunikacji zawodowej do porozumiewania się w obrębie określonych tematów specjalistycznych. Można go scharakteryzować jako: narzędzie pracy zawodowej, narzędzie kształcenia zawodowego oraz wskaźnik poziomu cywilizacyjnego⁴⁴. Językiem specjalistycznym, o którym mowa w recenzowanej pozycji jest język rosyjski biznesu. W związku z ożywieniem stosunków gospodarczych z Rosją jest on niezwykle potrzebny wszystkim, którzy pragną współpracować z partnerami ze wschodu.

W ostatnim czasie w księgarniach pojawia się dużo publikacji adresowanych do osób chcących zapoznać się z językiem rosyjskim biznesu. Jedną z nich jest podręcznik *Biznesmeni mówią po rosyjsku dla średnio zaawansowanych*. Recenzji poddajemy 2 wydanie z 2010 roku w nowej oprawie graficznej.⁴⁵

Biznesmeni mówią po rosyjsku dla średnio zaawansowanych autorstwa Larysy Fast i Magdaleny Zwolińskiej jest to druga część z cyklu

⁴⁴ *Języki specjalistyczne. Słownik terminologii przedmiotowej*, J. Lukszyn (red.), KJS, Warszawa 2005, s. 40.

⁴⁵ Recenzja pierwszej części, pt. *Biznesmeni mówią po rosyjsku dla początkujących* autorstwa M. Klejnowskiej ukazała się w numerze 6-2013 (przyj. red.)

podręczników przeznaczona do nauki języka rosyjskiego biznesowego. Podręcznik według autorek „jest skierowany do wszystkich ludzi biznesu, utrzymujących stosunki handlowe z partnerami rosyjskimi, a także studentów wyższych uczelni i szkół o profilu ekonomicznym, którzy opanowali już język rosyjski ogólny na średnim poziomie i fachowy na poziomie podstawowym”(s. 9).

Podręcznik składa się z 2 wstępów (w języku polskim i rosyjskim), 12 tematów związanych z firmą (*Przedstawianie się, Prezentacja firmy, Rozmowa przez telefon, Organizacja kontaktów służbowych, Negocjacje, Spotkania służbowe, Planowanie, Działalność firmy, Charakterystyka produktu, Osiągnięcia firmy, Wyjazdy służbowe, Życie towarzyskie*), aneksu, zawierającego teksty dla nauczycieli oraz klucz odpowiedzi do wybranych ćwiczeń, a także słownika rosyjsko-polskiego, obejmującego swym zakresem większość słownictwa omawianego w podręczniku. Ponadto do podręcznika dołączona jest płyta CD w formie MP3, zawierająca wzorcowe dialogi, krótkie opowiadania mieszczące się w tematyce *firma* oraz leksykę.

Każda jednostka tematyczna w podręczniku została podzielona na części wyróżnione w tekście większą czcionką oraz pogrubione kursywą takie jak: *Wprowadzenie, Mikrotematy, Komunikacja językowa, Słownik*. We *Wprowadzeniu* uczniowie zapoznają się z nowym słownictwem poprzez słuchanie dialogów lub krótkich opowiadań i ćwiczenia sprawdzające ich rozumienie takie jak: pytania do dialogów lub opowiadań, zadania typu prawda/fałsz, uzupełnianie luk, uzupełnianie tabel odpowiednimi informacjami. *Mikrotematy* – zawierają komentarze gramatyczne oraz ćwiczenia dotyczące konkretnych sytuacji komunikacyjnych typu: wykonywana praca, zakres obowiązków, opowiadanie o firmie, zaproszenia, plany, sprawozdanie z działalności firmy, osiągnięcia osobiste, doświadczenie zawodowe itp. *Komunikacja językowa* – zawiera ćwiczenia doskonalące sprawności mówienia, czytania ze zrozumieniem, rozumienia ze słuchu oraz pisania (w zależności od tematu zazwyczaj uwaga jest skupiona na 2 sprawnościach). Ponadto w tej części można znaleźć zdania lub teksty do tłumaczenia. Jeśli chodzi o rozwijanie sprawności mówienia to w podręczniku przeważają ćwiczenia typu: dowiedz się od swojego partnera, rozegraj opisaną sytuację, przeprowadź negocjacje, studium przypadku i in. Czytanie ze zrozumieniem sprawdzane jest przeważnie poprzez ćwiczenia typu: pytania i odpowiedzi, dopasowywanie tytułów do fragmentów artykułów, test wielokrotnego wyboru. Sprawność rozumienia ze słuchu jest doskonalona w połączeniu z technikami wykorzystującymi sprawność czytania i pisania poprzez następujące typy ćwiczeń: uzupełnianie tekstu z lukami (ten typ ćwiczenia przeważa), wypełnianie tabeli itp. Sprawność

pisania rozwijana jest poprzez pisanie życiorysu, listów służbowych, wystąpień, telegramów oraz zaproszeń. W części *Komunikacja językowa* znajdują się również zdania i teksty do tłumaczenia, zawierające struktury gramatyczno-leksykalne oraz słownictwo przeznaczone do zapamiętania. W *Słowniku* mieszczą się słowa i wyrażenia z całej jednostki tematycznej uporządkowane w kolejności alfabetycznej. Leksykę z każdego słownika można wysłuchać, ponieważ jest ona nagrana na płytę CD.

Dobłą stroną podręcznika jest to, że Autorki najwięcej uwagi poświęciły na ćwiczenia rozwijające sprawność mówienia, które są różnorodne i atrakcyjne dla uczniów. Szczególną uwagę należy zwrócić na ćwiczenia w formie projektów, prezentacji, odgrywanie ról itp. Kolejną ważną zaletą tej publikacji są ćwiczenia tłumaczeniowe, dzięki którym uczniowie mogą sprawdzić czy opanowali materiał leksykalny z danej jednostki lekcyjnej czy też muszą jeszcze nad nim popracować. Innym walorem jest obszerny materiał nagrany na płycie CD z wysokiej jakości nagraniami dialogów i opowiadań w wykonaniu rodowitych Rosjan. Dzięki płycie CD można osłuchać się z melodią języka rosyjskiego oraz ćwiczyć umiejętność rozumienia ze słuchu.

Z racji tego, że podręcznik jest na poziomie średnio zaawansowanym Autorki mogłyby nie umieszczać poleceń w języku polskim. Fakt ten wpływa na dekoncentrację uczniów, którzy zamiast skupić się na czytaniu danego polecenia w języku rosyjskim, pomijają je zwracając uwagę na jego treść tylko w języku polskim. Wartość pozycji obniżają pewne niedostatki językowe i błędy edytorskie. W tekście można znaleźć kilka literówek: s. 63 ćw. 2 pod drugim rysunkiem jest *спросите его о предоставлении Вам гарантии*, powinno być *спросите его о предоставлении Вам гарантии*; s. 67 tabela, jest *Акционерное общество*, powinno być *Акционерное общество* oraz w ostatnim zdaniu w tabelce jest: *и сразу же их вышло*, powinno być *и сразу же их вышлю*; s. 101 polecenie do ćw. 1, jest *предположения*, powinno być *предположения*; s. 221 punkt 11, jest *ценные бумаги*, powinno być *ценные бумаги*; s. 225 wers 4, jest *генеральнвй*, powinno być *генеральный*; s. 238 wers 9, jest *интересует*, powinno być *интересует*. Ponadto natrafiliśmy na brak konsekwencji w tłumaczeniu poleceń z polskiego na rosyjski np. s. 62 polecenie w ćwiczeniu 1, w języku polskim mamy rozegrajcie opisaną sytuację, po rosyjsku jest *разыграйте следующую информацию*, powinno być *разыграйте следующую ситуацию*; s. 101, w poleceniu mamy *праца парамі*, w odpowiedniku rosyjskim *работайте в группах*, s. 158-159, w ćwiczeniach 1 i 3 Autorki nie tłumaczą na język rosyjski części poleceń np. *Помыśl о jeszcze innych примотниках описующих Twój продукт (вырб lub услге)*. Co więcej niektóre ćwiczenia ciężko się

rozwiązuje np. ćw. 1 str. 162 – krzyżówki – brak na nich numerów, które oznaczałyby hasła. Utrudnia to znacznie pracę w parach gdyż nie wiadomo, o którym hasle mówi uczeń. Należy mieć nadzieję, że wszelkie niedociągnięcia zostaną poprawione w kolejnym wydaniu.

Struktura podręcznika jest przejrzysta, ćwiczenia opatrzone są odpowiednimi znaczkami, które informują, że np. dane ćwiczenie znajduje się na płycie CD lub, że w danym zadaniu uczniowie będą pracować w parach itp. Jeśli chodzi o szatę graficzną to w podręczniku jest wiele zabawnych czarno-białych ilustracji, odwołujących się do pracy w firmie.

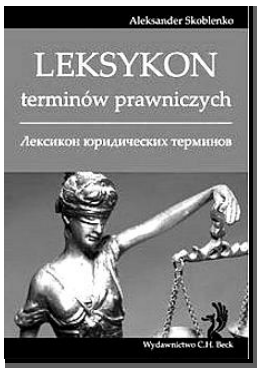
Podsumowując należy stwierdzić, że niniejsza publikacja stanowi wartościowe źródło informacji dla osób zainteresowanych nauką terminologii z zakresu biznesu w języku rosyjskim na poziomie średnio zaawansowanym. Zaprezentowane w podręczniku sytuacje tematyczne odzwierciedlają realia biznesu oraz problemy na jakie może się natknąć przedsiębiorca. Niezmiernie ważne jest aby w podręcznikach bądź skryptach nie pojawiały się nawet najmniejsze błędy. Niestety problemem tej publikacji są niedostatki językowe i edytorskie, które obniżają jej wartość.

WIOLETTA MELA Uniwersytet Warszawski – Wydział Lingwistyki Stosowanej⁴⁶

Aleksander Skoblenko,
***Leksykon terminów prawnych (Лексикон
юридических терминов)***,

Wydawnictwo C.H. Beck, Warszawa 2011, ss. 374.

„Leksykon terminów prawnych” autorstwa Aleksandra Skoblenki obejmuje polskie i rosyjskie słownictwo specjalistyczne prawa z zakresu prawa cywilnego, prawa handlowego, prawa pracy, prawa bankowego oraz prawa zamówień publicznych i jest jedną z najnowszych tego rodzaju pozycji na rynku leksykografii prawniczej. Zainteresowanie budzi nowoczesny charakter tego słownika oraz jego funkcjonalność.

Leksykon składa się z sześciu rozdziałów (Prawo cywilne, Nieruchomości, Prawo handlowe, Prawo pracy, Prawo bankowe oraz Prawo zamówień publicznych), z których pierwsze trzy zostały podzielone dodatkowo na trzy podrozdziały, a te z kolei na kilka do kilkunastu grup tematycznych tworzących w sumie bogaty i różnorodny materiał np. w rozdziale **Prawo cywilne** łącznie wyróżniono aż 36 grup tematycznych (**Część ogólna** – Osoba fizyczna, Osoba prawna, Czynność prawna, Oświadczenie, Przedawnienie roszczeń itd.; **Prawo rzeczowe** –

⁴⁶ Autorka jest stypendystką Programu stypendialnego finansowanego ze środków spółek Gazprom i EuRoPol Gaz dla uczestników studiów doktoranckich Uniwersytetu Warszawskiego na realizację projektów badawczych z zakresu stosunków polsko-rosyjskich

Użytkowanie, Służebność, Zastaw; **Zobowiązania** – Sprzedaż, Gwarancja, Najem, Umowa agencyjna, Umowa komisowa, Umowa o dzieło itd.).

Każdy podrozdział został szeroko opracowany i składa się z dwóch części – pierwsza to poszerzony GLOSARIUSZ – polskie wyrazy i wyrażenia i ich rosyjskie ekwiwalenty, natomiast druga część nazwana DEFINICJE stanowi swego rodzaju słownik kontekstowo-przekładowy. Struktura Leksykonu jest bardzo przejrzysta i konsekwentna – autor zastosował rozmaite oznaczenia, które zwiększają czytelność i łatwość korzystania.

Glosariusz ma strukturę mieszaną – część artykułów hasłowych opiera się na relacji nadrzędności i podrzędności, a część stanowi klasy tematyczne, w obrębie których wszystkie jednostki leksykalne zostały uporządkowane alfabetycznie. W przypadku haseł, które pokazują stosunki rodzajowo-gatunkowe nie zawsze wyraz hasłowy jest terminem np. osoba – *лицо* jako wyraz nadrzędny w stosunku do terminów: *osoba fizyczna (физическое лицо)*, *osoba rozwiedziona (разведенный супруг)*, *osoba stanu wolnego (лицо, не состоящее в браке)*, czy *osoba w separacji (лицо находящееся в сепарации)*. Część jednostek leksykalnych w Glosariuszu zostało uporządkowanych tematycznie np. w hasle *ubezwłasnowolnienie (признание недееспособным)* mamy nie tylko kolokacyjne wyrażenia typu *postępowanie o ubezwłasnowolnienie (судопроизводство о признании недееспособным)*, *wniosek o ubezwłasnowolnienie (заявление о признании недееспособным)*, ale również tematycznie powiązane słownictwo takie jak *niezrównoważony umysłowo (психически неуравновешенный)*, *ubezwłasnowolniony (признанный недееспособным, недееспособный)*, czy *umysłowo chory (психически больной)*.

W części zatytułowanej DEFINICJE (ОПРЕДЕЛЕНИЕ) wykorzystano fragmenty polskich tekstów prawnych z propozycją ich tłumaczenia na język rosyjski, przy czym rzadko przykład użycia danego terminu stanowi jego definicję legalną lub innego typu, dlatego też dla tej części Leksykonu można zaproponować nazwę „Konteksty”. W większości przypadków konteksty te mają rozmaity charakter – są to definicje, krótkie fragmenty kodeksu lub jego znacznie rozbudowane części, czy też dyrektywy unijne. Konteksty nawiązują naturalnie do tematyki podrozdziału, a wyrazy, które zostały wyróżnione są albo terminami, które wystąpiły w Glosariuszu np. „**Udział kapitałowy** wspólnika jest równy wartości wkładu określonej w umowie spółki (*art. 50 KSH*) „**Доля в капитале** участника равна величине вклада, указанной в учредительном договоре”, albo wyrazami, ciekawymi z punktu widzenia ich tłumaczenia, np. wyraz *nieważne* w części dotyczącej Oświadczeń w kontekście „**Nieważne** jest oświadczenie woli złożone przez osobę, która...” przetłumaczone jako „**Недействительно** волеизъявление, выраженное лицом, которое...”

lub w części dotyczącej Wad oświadczenia woli „**Nieważne** jest oświadczenie woli złożone drugiej stronie za jej zgodą dla pozorów.” przetłumaczone jako „**Недействительным** является волеизъявление, выраженное для видимости другой стороне с её согласия”.

Wyrażnie część Definicje ma charakter kontekstowo-przekładowy, gdyż z jednej strony pokazuje, jak dany wyraz lub wyrażenie (niekoniecznie specjalistyczne) funkcjonuje w kontekście, a z drugiej strony podaje nie tylko ekwiwalenty poszczególnych terminów, ale również wariant tłumaczenia całych wyrażen specjalistycznych opartego na zasadzie ekwiwalencji dynamicznej, jak np. przytoczony przez autora we wstępie do Leksykonu przykład tłumaczenia wyrażenia *negocjacje z ogłoszeniem*, które najczęściej tłumaczone dosłownie jako *переговоры с объявлением* może prowadzić do nieporozumień. Prawidłowym tłumaczeniem, zdaniem autora, w tym przypadku jest *размещение заказов на основе переговоров по предложениям без указания цены*, które choć może nie należy do ustabilizowanych w praktyce, to stanowi ekwiwalent najbliższy prawidłowemu rozumieniu tego wyrażenia, gdyż uwzględnia specyfikę prawa rosyjskiego. Tak więc poruszony w Leksykonie praktyczny aspekt tłumaczenia tekstów prawnych znacznie podnosi jego wartość zwłaszcza, że obecnie tłumaczenie dokumentów prawnych ma donośne znaczenie. Wyboru materiału językowego dokonano pod kątem częstotliwości stosowania, interpretacji oraz stopnia trudności przekładu danych zwrotów i wyrażen, dzięki czemu Leksykon pozwala poznać stylistykę tekstów prawniczych, co z kolei potwierdza jego dydaktyczny charakter.

Powyższe uwagi wynikają z traktowania danego Leksykonu jako dzieła terminograficznego – sam autor zaznacza jednak, że Leksykon w jego rozumieniu nie jest słownikiem ani publikacją naukową – mówi o Leksykonie po prostu ‘książka’. Z formalnego punktu widzenia Leksykon ma budowę modułową i można opisać go jako dwujęzyczny, wieloczęściowy, glosariusz, kontekstowy, o charakterze przekładowym, dzięki czemu kwalifikuje się jako dzieło nowoczesne. W związku z tym można byłoby się pokusić o jego uzupełnienie – informację jak z niego korzystać, wykaz skrótów (skrót używane są wówczas, gdy autor podaje źródło kontekstu i nie zostały one objaśnione np. KC, KSH, PrBank) lub inne dodatki zwiększające przydatność i łatwość korzystania ze słownika. Do Leksykonu został załączony polsko-rosyjski glosariusz stanowiący zbiór haseł o charakterze opisowym, a nie preskryptywnym, co, jak zaznacza autor, pozwala na dobór wyrażen zgodnie ze specyfiką tłumaczonego tekstu i jego twórcze wykorzystanie. Brak jednak glosariusza rosyjsko-polskiego obniża wartość użytkową Leksykonu, dlatego można wyrazić nadzieję, że zostanie to uzupełnione w kolejnym wydaniu Leksykonu.

Leksykon jest szczególnie polecany studentom kierunków prawnych, ekonomicznych i filologicznych, radcom prawnym, tłumaczom, dyplomatom, wykładowcom języka rosyjskiego, przedsiębiorcom oraz wszystkim uczestnikom stosunków polsko-rosyjskich. Przyjęte w Leksykonie rozwiązanie polegające na załączeniu fragmentów aktów normatywnych wraz z ich tłumaczeniem na język rosyjski ma za zadanie ułatwić formułowanie w języku rosyjskim wypowiedzi, opracowanie pism prawnych, prowadzenie korespondencji, a więc tworzenie tekstów dotyczących prawa. „Leksykon terminów prawnych” jest publikacją, która zapełnia lukę w dziedzinie przekładu polsko-rosyjskiego dotyczącego tekstów prawnych i jest pozycją o wysokiej wartości merytorycznej, edukacyjnej i praktycznej, w związku z czym zasługuje na wysoką ocenę.

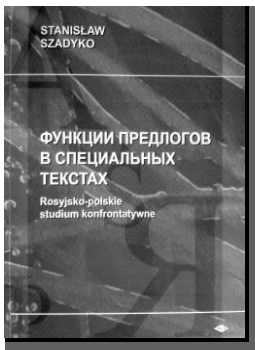
MARTYNA KLEJNOWSKA, WIOLETTA STEFANIAK

Uniwersytet Warszawski – Wydział Lingwistyki Stosowanej

Stanisław Szadyko,

**ФУНКЦИИ ПРЕДЛОГОВ В СПЕЦИАЛЬНЫХ
ТЕКСТАХ. ROSYJSKO-POLSKIE STUDIUM
KONFRONTATYWNE**

Instytut Kulturologii i Lingwistyki Antropocentrycznej, Warszawa 2010, s. 218

Spośród wielu części mowy przyimki odgrywają jedną z kluczowych ról praktycznie w każdym języku. Od tego czy je znamy w dużej mierze zależy poprane zrozumienie sensu wypowiedzi. Używanie przyimków niekiedy sprawia trudności nie tylko osobom uczącym się danego języka, ale również rodowitym mówcom. Przyimki w języku rosyjskim są omawiane w podręcznikach m.in. do nauki gramatyki zazwyczaj w skromny sposób i zawierają najczęściej występujące konstrukcje przyimkowe w danym języku.

Często brakuje przykładów, które ilustrują z jakimi wyrażeniami łączy się owy przyimek oraz w jakich przypadkach zależnych można go użyć. Podręcznik *Функции предлогов в специальных текстах. Rosyjsko-polskie studium konfrontatywne* w sposób wyczerpujący prezentuje wszystkie współczesne przyimki rosyjskie wraz z licznymi przykładami wyrażen przyimkowych oraz ich możliwymi ekwiwalentami w języku polskim.

Rosyjsko-polskie studium konfrontatywne prof. dr hab. Stanisława Szadyko pt. *Функции предлогов в специальных текстах* stanowi bardzo spójną kompozycję, złożoną z obszernego wstępu, dziewięciu rozdziałów poświęconych przyimkom, które wymagają użycia wyrazów łączących się z nimi w konkretnym przypadku, spisu literatury oraz indeksu, składającego się z listy przyimków opisanych w pracy i wyodrębnionych pogrubioną

zczionką (począwszy od rosyjskich przyimków, ich synonimów, po ich polskie ekwiwalenty).

We wstępie Autor podaje definicje przyimka, przytaczane przez różnych językoznawców. Przyimek należy do jednej z najbardziej dyskutowanych części mowy. W literaturze poświęconej zagadnieniom lingwistyki zajmowano się nim w różnych aspektach, dlatego też istota przyimka określana jest w różnych definicjach poprzez jego funkcję (s. 6). W recenzowanej pozycji przyimek jest analizowany nie tylko jako element słownika, ale także z pozycji gramatyki – pod kątem pełnionych przez niego funkcji.

S. Szadyko szczególnie zwraca uwagę na dwuaspektowość przyimka; wymienia dwa punkty widzenia jeśli chodzi o rolę przyimka: paradygmatyczny i syntagmatyczny. Co więcej wprowadzony zostaje podział przyimków ze względu na typy znaczeń, jakie ze sobą noszą. Autor wyróżnia przyimki wyrażające relacje czasowe, przestrzenne, sposób wykonywania danej czynności oraz przyimki celu, przyczyny i skutku. Autor zauważa również, w jaki sposób często klasyfikuje się przyimki – na przyimki nie pochodne i pochodne od innych części mowy. Te pierwsze posiadają wiele znaczeń, natomiast znaczenie przyimków pochodnych jest konkretne (s. 13). Przyimki zajmują bardzo ważne miejsce w glottodydaktyce. Świadczy o tym obecność w słownikach frekwencyjnych wielu przyimków w tym: *в, за, из, к, на, о, по, с, у* – które plasują się w pierwszej trzydziestce najczęściej używanych słów w języku rosyjskim (s. 14). We wstępie przedstawiony został także materiał empiryczny, z którego pochodzą konstrukcje przyimkowe. Są to przede wszystkim słowniki oraz inne źródła leksykograficzne zarówno w języku rosyjskim jak i polskim. W dalszej części podręcznik dzieli się na 9 głównych rozdziałów, w których Autor poddaje wnikliwej analizie 282 przyimki współczesnego języka rosyjskiego.

Pierwszy rozdział, jak wskazuje tytuł – *Предлоги, управляемые родителем надежом*, został poświęcony opisowi przyimków łączących się z wyrazem użytym w drugim przypadku – dopełniaczu. Zawiera on analizę 207 przyimków. W rozdziale tym Autor poświęcił dużo miejsca następującym przyimkom: *без, для, до, из, около, от, у*. Ponadto znajdują się w nim przyimki często pojawiające się w dyskursie prawnym (są to m. in. przyimki typu *в ходе, в порядке*). W rozdziale II – *Предлоги, управляемые дательным надежом*, Autor omawia 27 przyimków, które łączą się z wyrazem użytym w celowniku. Największy nacisk w tym rozdziale położony został na przyimek *к*, ponieważ w języku polskim odpowiada mu aż jedenaście wyrażań, w zależności od kontekstu. Kolejny III rozdział, *Предлоги, управляемые винительным надежом*, został poświęcony opisowi 10 przyimków wymagających użycia danego wyrazu w czwartym przypadku – bierniku. Rozdział zatytułowany *Предлоги, управляемые*

творительным надежом, czwarty z kolei zawiera studium 28 przyimków łączących się z wyrazem użytym w piątym przypadku – narzędniku. Na szczególną uwagę zasługuje tutaj opis dwóch przyimków: *над* i *перед*, ponieważ Autor przedstawił wiele znaczeń tych przyimków. W rozdziale V, *Предлоги, управляемые предложным надежом*, Autor zawarł przegląd 4 przyimków wymagających użycia miejscownika. Rozdział VI, *Предлоги, управляемые двумя надежами: родительным и творительным*, został poświęcony opisowi jednego przyimka, który wymaga użycia danego wyrazu w dwóch przypadkach: dopełniaczu bądź narzędniku. W kolejnym rozdziale (VII), *Предлоги, управляемые двумя надежами: винительным и предложным*, Autor rozpatruje 3 przyimki, które wymagają użycia wyrazu, który się z nimi łączy w bierniku bądź miejscowniku. Są to następujące przyimki: *в*, *на*, *о*. Uwagę czytelnika może przykuć fakt, że ich opis stanowi ponad 50 stron, czyli prawie jedną czwartą całego podręcznika. Rozdział VIII, *Предлоги, управляемые двумя надежами: винительным и творительным*, został poświęcony opisowi 2 przyimków, które wymagają użycia wyrazu łączącego się z nimi w dwóch przypadkach: bierniku lub narzędniku. Ostatni rozdział (IX), *Предлоги, управляемые тремя надежами: дательным, винительным и предложным*, opisuje 2 przyimki, które wymagają użycia danego wyrazu w trzech przypadkach: celowniku, bierniku bądź narzędniku.

Warto podkreślić, niekonwencjonalny sposób podejścia Autora do przedmiotu opisu przyimka, gdzie zostaje zaprezentowana jego złożoność i wieloaspektowość. W każdym rozdziale poszczególne przyimki zostały przedstawione w sposób obrazowy i wyczerpujący tzn. każdy artykuł hasłowy stanowi przyimek w języku rosyjskim oraz możliwe jego ekwiwalenty w języku polskim. Odniesienie rosyjskich form językowych do ich odpowiedników w języku polskim pozwala uporządkować sobie zarówno podobieństwa, jak i różnice pomiędzy zestawianymi językami. Ponadto artykuł hasłowy opisuje użycie danego przyimka oraz liczne przykłady wyrażen przyimkowych z danym przyimkiem w języku rosyjskim i ich polskie ekwiwalenty. W większości haseł można znaleźć bardzo interesujące konstrukcje przyimkowe, charakterystyczne dla języków specjalistycznych m. in. dla języka biznesu, ekonomii, prawa itp. Ponadto wybrane artykuły hasłowe zawierają przykłady przysłów, porzekadeł, wulgaryzmów, wyrażen z języka potocznego oraz wyrażen mających znaczenie przenośne z użyciem odpowiednich przyimków. W tekście są one opatrzone odpowiednimi skrótami, co ułatwia znalezienie interesującego nas wyrażenia.

Zaletą tej książki jest również system oznaczeń graficznych oraz całokształt szaty graficznej danego podręcznika, która współtworzy całość publikacji i niewątpliwie wpływa na jej charakter. Przyimki w języku rosyjs-

kim oraz ich polskie ekwiwalenty zostały wyróżnione pogrubioną czcionką oraz każdemu z nich przyporządkowany został kolejno numer porządkowy. Pogrubioną czcionką wyróżniona została także rubryka *Запомните*, towarzysząca większości opisywanych przyimków. Stanowi ona pomoc w unikaniu solecyzmów oraz błędów fleksyjnych i składniowych. W danej rubryce można znaleźć bardzo liczne konstrukcje przyimkowe, które stanowią wyjątki, a także są utrwalonymi, niezmiennymi konstrukcjami w języku rosyjskim.

Należy zauważyć, że Autor umieścił nad każdym wyrażeniem w języku rosyjskim akcenty, co może okazać się pomocne dla osób rozpoczynających naukę tego języka, ale również dla osób znających go na dowolnym poziomie. Z książki można korzystać w dwojaki sposób, tj. jak ze słownika, wyszukując odpowiedni przyimek i wyrażenia przyimkowe, w których on występuje oraz jak z podręcznika tj. analizując konkretny przyimek oraz jego użycie w różnych wyrażeniach przyimkowych. Wagę danego monograficznego opracowania przyimków współczesnego języka rosyjskiego podnosi fakt, iż na przykład sam przyimek *на* posiada 35 znaczeń, *за* czy *по* (*по-за*, *по-над*) posiadają po 28 znaczeń, *с* (*со*) odpowiednio 26, *в* (*во*) – 23, a *под* (*подо*), *от* (*ото*), *к* (*ко*), *между* więcej niż 10 znaczeń.

W kolejnym wydaniu książki warto byłoby pokusić się o dodanie legendy, ponieważ niektóre wyrażenia zawierają skróty, które nie są objaśnione przez Autora, np. skrót *GM.* czy *ROLN.* Ponadto owa legenda powinna zostać dołączona zarówno w języku polskim, jak i rosyjskim, po to aby ułatwić korzystanie z podręcznika osobom znającym chociażby jeden z tych języków. Nawiązując do systemu oznaczeń graficznych danej pozycji, należałoby je w pewnych miejscach zmodyfikować. Chociaż Autor dokładnie podaje w spisie treści na której stronie można znaleźć interesujące nas przyimki, to dobrze byłoby gdyby w tekście podręcznika nowe rozdziały zostały w wydzielone w bardziej widoczny sposób, np. większą czcionką lub kursywą.

Podsumowując, nowatorskie rosyjsko-polskie studium konfrontatywne *Функции предлогов в специальных текстах*, podobnie jak inne wydania tego Autora to użyteczne addendum do szkolnych i akademickich podręczników czy skryptów. Jest to najbardziej aktualna pomoc na polskim rynku leksykograficznym, przeznaczona dla szerokiego kręgu czytelników: studentów, nauczycieli, tłumaczy, lektorów języka rosyjskiego czy dziennikarzy. Stanowi nieocenioną pomoc dydaktyczną w przygotowywaniu się do różnego rodzaju egzaminów, a szczególnie jego funkcjonalne zastosowanie pożądané jest w translatoryce, ze względu na fakt, iż Autor zaprezentował szerokie spektrum wyrażen przyimkowych związanych z różnorodnymi sferami działalności człowieka, m.in. polityką, biznesem, handlem, religią czy życiem społeczno-kulturalnym.

JOANNA WASILUK

Uniwersytet Warszawski – Wydział Lingwistyki Stosowanej

Bronisława Ligara, Wojciech Szupelak

**LINGWISTYKA I GLOTTODYDAKTYKA JĘZYKÓW
SPECJALISTYCZNYCH NA PRZYKŁADZIE JĘZYKA
BIZNESU. PODEJŚCIE PORÓWNAWCZE**

Księgarnia Akademicka, Kraków, 2012, Biblioteka „LingVariów”,
Glottodydaktyka, T. 3, 276 s.

Obecnie języki specjalistyczne odgrywają w komunikacji międzyludzkiej bardzo ważną rolę, dlatego też tak istotne jest, co podkreślają również sami autorzy, aby glottodydaktyka wyszła naprzeciw oczekiwaniom i potrzebom osób, które chcą opanować język polski jako obcy szczególnie w jego odmianie specjalistycznej. Pozwoli im to lepiej poznać i zgłębić wiedzę w obrębie dziedziny, w której wykonują działalność zawodową.

Język biznesu jest właśnie tym rodzajem języka specjalistycznego, którego opanowanie staje się niezbędne jeśli chcemy nawiązywać i podtrzymywać kontakty w szeroko rozumianej sferze działalności gospodarczej.

Książka B. Ligary i W. Szupelaka jest właśnie odpowiedzią na to wzrastające zapotrzebowanie w nauczaniu języka biznesu, będące konsekwencją nawiązywania co raz szerszych kontaktów biznesowych. Innowacyjność wspomnianej pozycji wiąże się przede wszystkim z faktem, że jest to pierwsze opracowanie dotyczące nauczania polszczyzny biznesowej jako obcej, ze szczególnym zwróceniem uwagi właśnie na nauczanie. Pojawiło się co prawda kilka pozycji, których tematem

przewodnym jest polski język biznesu dla obcokrajowców, ale żadna z nich nie skupia się na kwestii jego nauczania.

Niewątpliwą zaletą niniejszej książki jest jej struktura, która stanowi zwartą, logiczną całość. Składa się ona z dwóch części i aneksu. Pierwsza część, zawierająca sześć rozdziałów, której autorką jest B. Ligara, koncentruje się wokół takich zagadnień, jak pojęcie i definicja języka specjalistycznego, gdzie w sposób wyczerpujący przedstawiono różne podejścia do definicji języka specjalistycznego. Analizę przeprowadzono na gruncie czterech działów językoznawstwa: polonistycznego, stosowanego, glottodydaktyki i terminologii. W rozdziale pierwszym, rozważania na temat pojęcia i definicji języka specjalistycznego można sprowadzić do pięciu kryteriów definicyjnych, takich jak: kryterium tematu specjalistycznego, kryterium użytkowników języka specjalistycznego, kryterium sytuacji komunikacyjnych, kryterium lingwistyczne, kryterium strukturalne, gdzie język specjalistyczny rozpatrywany jest jako kod „w ogóle”. Co jest szczególnie istotne, w odniesieniu do każdego z wymienionych kryteriów nadrzędną rolę w prowadzonych rozważaniach pełni pragmatyka. Takie podsumowanie, z uwzględnieniem kilku płaszczyzn językoznawstwa, z pewnością stanowi duży walor w badaniach nad językiem specjalistycznym, w tym również w badaniach nad dydaktyką języka specjalistycznego.

W rozdziale drugim i trzecim autorka koncentruje się wokół aspektu współczesnych badań nad językiem specjalistycznym i jego rozwojem na płaszczyźnie lingwistyki oraz metodologii badań języków specjalistycznych nauczanych jako obce.

Z kolei rozdział czwarty jest całkowicie poświęcony terminologii, gdzie omawiane są m.in. relacje między słownictwem, słownictwem specjalistycznym i terminologią. Autorka ponownie, przeprowadza bardzo ciekawe podsumowanie, dzieląc się jednocześnie swoimi spostrzeżeniami i wyodrębnia trzy dyscypliny, na gruncie których można rozpatrywać pojęcie terminu, a mianowicie jest to: onomazjologia, tekstologia i strukturalizm. Przy czym warto zauważyć, że w swoich rozważaniach cały czas odwołuje się do aspektu glottodydaktycznego. Odnotowuje, (w przypadku onomazjologii) jakie implikacje co do nauczania/uczenia się terminologii w ramach glottodydaktyki języków specjalistycznych wynikają z relevantnych cech terminu takich, jak: jednoznaczność, monoreferencyjność oraz przynależność do danej domeny. W przypadku tekstologii wskazuje na rolę jaką może pełnić tekst specjalistyczny w glottodydaktyce języków specjalistycznych. Natomiast w odniesieniu do strukturalizmu operując pojęciami konceptu i pola terminologicznego, wskazuje drogi do łatwiejszego zapamiętywania słownictwa specjalistycznego.

Zgodnie z podejściem strukturalistycznym, pole terminologiczne stanowi podstawę w tworzeniu specjalistycznej terminologii. Poddając analizie porównawczej dwa te same systemy terminologiczne, należące do różnych języków, możemy w nich wyodrębnić podobieństwa i różnice właśnie na poziomie pól terminologicznych.

Osobny rozdział – piąty – został poświęcony kolokacjom, które jak pisze sama autorka: „ (...) są konstytuowane przez jednostki językowe, które w tekście specjalistycznym znajdują się koło siebie i których dobór nie jest dowolny (tzn. nie zależy od użytkownika języka specjalistycznego), ale narzucony przez termin – człon konstytutywny kolokacji” (str. 77). Podobnie jak w rozdziałach poprzednich autorka wskazuje na implikacje dla glottodydaktyki, mówiąc o trudnościach w przyswajaniu kolokacji specjalistycznych.

Wnioski wypływające z analizy przeprowadzonej przez B. Ligarę w części pierwszej jednoznacznie wskazują, że opanowanie słownictwa specjalistycznego stanowi o kompetencji leksykalskiej profesjonalnej, zaś kolokacje specjalistyczne stanowią o kompetencji leksykalnej kombinatorycznej, która „pozwała uczącemu się dokonywać minimalnych kombinacji jednostek leksykalnych ze sobą, a dopiero ta kompetencja pozwala uwzględnić słownictwo specjalistyczne – terminy – nie w izolacji, ale w funkcjonowaniu dyskursywnym” (str. 81). Obie te kompetencje implikują kompetencję semantyczną uczącego się, która z kolei łączy się ściśle z kompetencją onomazjologiczną oraz definicyjną. Przedstawione przez autorkę kompetencje, w jej opinii należą do kompetencji językowych w zakresie danego języka specjalistycznego i stanowią najważniejszy element kompetencji komunikacyjnej specjalistycznej. Przy czym zespół wskazanych kompetencji w ramach języka specjalistycznego wymaga również uwzględnienia aspektu tekstowego, gatunkowego oraz pragmatycznego języka specjalistycznego.

Realizacja tych że zadań w glottodydakce języka biznesu, na podstawie języka angielskiego i polskiego, została przedstawiona w części drugiej pracy autorstwa W. Szupelaka. Ta część, stanowiąca kontynuację części poprzedniej, składa się z siedmiu rozdziałów. Przy czym rozważania dotyczące specyfiki języka biznesu jako języka specjalistycznego, zamieszczone w rozdziale siódmym są efektem analizy przeprowadzonej przez B. Ligarę i W. Szupelaka. Określono i opisano w nim: tematykę komunikacji specjalistycznej, użytkowników języka biznesu oraz uczących się języka obcego dla celów biznesowych, którzy zostali pogrupowani ze względu na doświadczenie zawodowe, zajmowane stanowisko, narodowość i kulturę, zapotrzebowanie językowe i zawodowe oraz ze względu na poziom językowy. Autorzy wprowadzili również pojęcie wariantów języka obcego

dla celów biznesowych, a mianowicie jest to wariant profesjonalny i wariant dydaktyczny.

W kolejnych rozdziałach W. Szupelak stosując metodę porównawczą, wskazuje na podobieństwa i różnice w nauczaniu i uczeniu się języka biznesu w glottodydaktyce anglistycznej i polonistycznej. Wybór języka angielskiego do celów porównawczych podyktowany został tradycją w jego nauczaniu jako języka specjalistycznego, podczas gdy nauczanie polszczyzny biznesowej jest w glottodydaktyce polonistycznej zjawiskiem dość młodym. Autor jednoznacznie wskazuje, że treści nauczania powinny być podporządkowane potrzebom uczących się, którzy stanowią centrum w procesie glottodydaktycznym. To właśnie do ich potrzeb i celów powinny być dostosowane treści nauczania oraz metody i techniki glottodydaktyczne. W. Szupelak podkreśla również dużą rolę jaką odgrywają w procesie komunikacji biznesowej sprawności pozajęzykowe i interpersonalne.

Istotnym czynnikiem w procesie nauczania jest zdaniem autora wybór odpowiedniego podejścia: komunikacyjnego lub zadaniowego. Ich charakterystyka, zalety oraz wady stały się przedmiotem opisu w rozdziale jedenastym.

Natomiast w kolejnym rozdziale – dwunastym, przedstawiono kryteria oceny materiałów dydaktycznych z języka obcego w odmianie specjalistycznej biznesowej, które wykorzystano analizując trzy podręczniki do nauczania polskiego języka biznesu autorstwa A. Buchter i A. Dunin-Dudkowskiej (*Polski język biznesu dla cudzoziemców*), M. Kowalskiej (*O biznesie po polsku*) oraz A. Jasińskiej, A. Szymkiewicz i M. Małolepszej (*Polski w pracy*) po ich wstępnej prezentacji ogólnej.

W aneksie autor zamieszcza pięć scenariuszy zajęć wraz z ćwiczeniami, które stanowić mogą pomoc zarówno dla doświadczonych nauczycieli języka, jak i tych początkujących. Pozwala to zaobserwować jak na praktyce stosowany jest zaprezentowany materiał teoretyczny.

Po lekturze monografii można stwierdzić, że jest to pozycja, która z pewnością zainteresuje nie tylko osoby nauczające języka biznesu w języku polskim, ale również i w innych językach. Jest ona godna uwagi, gdyż zawiera wiele cennych wskazówek dotyczących procesu nauczania i uczenia się oraz zwraca uwagę na szereg aspektów istotnych w nauczaniu i to nie tylko języka biznesu, ale języka specjalistycznego w ogóle, stając się tym samym nieocenionym kompendium wiedzy teoretycznej, która została zastosowana w praktyce.

ACCOUNTS AND ANNOUNCEMENTS

MAŁGORZATA KORNACKA, BOŻENA ZAGÓRSKA

Uniwersytet Warszawski – Instytut Kulturologii i Lingwistyki Antropocentrycznej

**Nowe kierunki badań lingwistycznych
w zakresie spójności tekstu specjalistycznego –
uwagi na marginesie konferencji
"Spójność tekstu specjalistycznego"**

Konferencja lingwistyczna "Spójność tekstu specjalistycznego", która odbyła się w Warszawie w dniu 26 października 2013 roku na Wydziale Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego, pokazała stan badań nad zjawiskiem spójności tekstu. Przedstawione poniżej abstrakty referatów wygłoszonych w trakcie obrad świadczą o kolejnym ważnym etapie badań w tym zakresie i pozwalają sformułować pewne spostrzeżenia.

1. Mimo że badania nad spójnością tekstu prowadzone są od wielu lat, nadal brak satysfakcjonującej definicji pojęcia *spójności*, która jednoznacznie odróżniłaby to pojęcie od pojęć *kohezji* i *koherencji*.
2. Badania dotyczące spójności osiągnęły etap, kiedy wyraźnie odczuwa się potrzebę syntezy, która pozwoliłaby podsumować dotychczasowe wyniki. Nieprzypadkowo takim podsumowaniom były poświęcone aż dwa referaty.
3. Okazuje się, że nadal kontynuowane są badania nad kohezją i w coraz większym stopniu - koherencją. Jednocześnie wśród lingwistów zaczynają przeważać poglądy o nadrzędności zjawiska koherencji nad kohezją. W dalszym ciągu obiektem zainteresowania i badań lingwistyki tekstu jest referencja jako wyznacznik spójności tekstu.
4. Obok tradycyjnie wyróżnianych typów spójności dostrzega się coraz bardziej różnorodne typy tego zjawiska, związane nie tylko z różnymi poziomami analizy tekstu, ale i z różnymi typami tekstów.
5. Wśród tekstów specjalistycznych największym zainteresowaniem wśród badaczy spójności cieszą się teksty z dziedziny prawa i medycyny, co niewątpliwie podyktowane jest potrzebami praktycznymi tłumaczenia (wyraźnie podkreślanymi zresztą przez referentów). Znacznie mniejsze zainteresowanie wzbudzają teksty dyscyplin humanistycznych, a także -

co najciekawsze - teksty dyscyplin technicznych. Warto odnotować, że wśród badanych tekstów pojawił się całkiem nowy rodzaj tekstów, który powstał na naszych oczach - teksty chatów internetowych.

6. Nadal kluczowym pojęciem przy badaniu tekstu jest pojęcie *tematu*, co nie dziwi, gdyż to właśnie ze względu na temat tekst jest tworzony i odbierany, i nie będzie przesadą stwierdzenie, że to temat organizuje cały tekst. Dlatego tematowi poszukuje się raczej nie na poziomie zdania, lecz na poziomie jednostek wyższego rzędu, a także w tekstach pobocznych.
7. Z młodszych pojęć przy badaniu spójności tekstu wyraźnie przydatne okazuje się pojęcie *ramy* i *skryptu*. Równie chętnie - a może i chętniej - sięga się jednak po chyba najbardziej sędziwe pojęcie *anafory*, i to z równymi sukcesem.
8. Gdyby spróbować określić perspektywę- czy też punkt widzenia - z jakiej prowadzone są badania nad tekstem i jego spójnością, wyraźnie przeważa perspektywa humanistyczna czy też antropocentryczna (w przeciwieństwie do perspektywy formalnej czy też językocentrycznej).

Spójność tekstu bada się nie tylko z punktu widzenia człowieka jako nadawcy i odbiorcy, ale i z punktu widzenia człowieka jako tematu oraz człowieka - redaktora - jako ogniwa pośredniczącego między nadawcą i odbiorcą. To kolejna rzecz godna odnotowania - do tej pory mówiąc o pośredniku językowym miało się z reguły na myśli tłumacza, a przecież w komunikacji specjalistycznej, która ma w dużym stopniu charakter pisemny i zbiorowego adresata, rola redaktora jest niezwykle istotna.

Mariusz Górnicz

(Instytut Kulturologii i Lingwistyki Antropocentrycznej Uniwersytetu Warszawskiego)

Hipertematy a szyk zdania w polskich tekstach specjalistycznych

Punktem wyjścia pracy były różnice w umiejscowieniu tzw. wyrażeń lokalizujących (np. *na podniebieniu miękkim/on the soft palate*) w opisach objawów chorób w języku polskim i angielskim. Na ich przykładzie omówiono występowanie tematów nieunikalnych tekstowo jako konkretyzacji hipertematów w tekstach specjalistycznych oraz możliwe implikacje tego zjawiska dla dydaktyki tłumaczeń specjalistycznych. Ponadto wysunięto hipotezę dotyczącą występowania konkretyzacji hipertematów w niektórych zdaniach spostrzeżeniowych i zwrócono uwagę, że nowe tendencje w szyku zdania w języku polskim mogą być wynikiem wpływu języka angielskiego.

Interpretacja terminologii związanej z teorią tekstu w aspekcie spójności.

Lingwistyka tekstu rozwija się szczególnie intensywnie od lat siedemdziesiątych XX wieku. Mimo że jest to dziedzina stosunkowo młoda, to charakteryzuje się dużą dynamiką badawczą. Ważne miejsce w lingwistyce tekstu zajmuje kwestia spójności. Celem referatu jest wskazanie na problemy terminologiczne związane z pojęciem *kohezji* i *koherencji*.

Środowiska naukowe różnych krajów, czy różnych obszarów językowych, rozwijały lingwistykę tekstu bazując na własnych tradycjach. Z tego względu terminy dotyczące spójności tekstowej są stosowane w sposób niejednorodny. Takie terminy jak *spójność*, *kohezja* czy też *koherencja*, mimo że wydają się podstawowe i oczywiste, to jednak rozumiane są w odmienny sposób w zależności od kręgu kulturowego, czy obszaru językowego. W referacie przedstawiono podobieństwa i różnice w rozumieniu tych pojęć w poszczególnych kręgach kulturowych i obszarach językowych w aspekcie synchronicznym i diachronicznym. W szczególności uwzględniono środowisko angielskojęzyczne i niemieckojęzyczne. Różnice w stosowaniu terminów wynikają po pierwsze z faktu, że na obszarze angielskojęzycznym tradycyjnie dużą wagę przywiązuje się do badania dyskursu tekstowego. Zasadniczo można przyjąć, iż obecnie termin *kohezja* jest wiązany na tym obszarze z tym wszystkim, co jest tekstem, a termin *koherencja* - z procesami mentalnymi u nadawcy i odbiorcy. Z kolei w środowisku niemieckojęzycznym głęboko zakorzenione są badania strukturalne. Z pojęciem *kohezji* kojarzone są tam zwykle formalne narzędzia gramatyki zdań i morfologii, a z *koherencją* - przede wszystkim struktury semantyczne. Różnice interpretacyjne wynikają ponadto z rozwoju kolejnych nurtów językoznawstwa, takich jak strukturalizm, pragmatyka i kognitywizm. Trendy te mają charakter globalny i w dużym stopniu oddziałują na sposób rozumienia i stosowania terminów *kohezja* i *koherencja*.

Podobnie jak w literaturze światowej, również w polskiej literaturze przedmiotu takie terminy jak *kohezja* i *koherencja* rozumiane są w różny sposób, zwykle w zależności od tego, jaki obszar językowy i który trend językoznawczy bierze się za podstawę. Dlatego wskazane wydaje się ustalenie takiego kanonu terminologii tekstologicznej, który odpowiadałby obecnemu stanowi wiedzy w tym zakresie i stanowił reprezentatywną podstawę do prowadzenia kolejnych badań tekstologicznych przy zastosowaniu spójnej terminologii.

Małgorzata Kornacka

(Instytut Kulturologii i Lingwistyki Antropocentrycznej Uniwersytetu Warszawskiego)

Kiedy kompleks dyfuzyjny traci dyfuzyjność - o mechanizmach spójności niektórych tekstów lingwistycznych

Punktem wyjścia wystąpienia jest "teoriokomunikacyjna" definicja spójności sformułowana przez M.R. Mayenową (1971): tekst spójny to tekst spełniający trzy jedności: autora, nadawcy oraz tematu. Celem wystąpienia jest zbadanie możliwości zastosowania powyższego kryterium do specyficznego typu tekstów: tekstów omawiających poszczególne elementy określonego w tytule tekstu zbioru jednostek. Teksty takie - rzadkie wśród tekstów innych dziedzin - są nierzadko spotykane właśnie wśród tekstów lingwistycznych. Jako materiał do badań posłużyły artykuły opublikowane w czasopiśmie "Język Polski".

Pierwszym etapem jest zbadanie sposobu zadania analizowanego zbioru w tytule artykułu. Pozwala ono wyodrębnić artykuły, w których tytułach granice zadane zbioru nie są jednoznacznie określone, a tym samym zadany zbiór spełnia warunki zdefiniowanego przez L. Zadeha (1985) zbioru rozmytego oraz zdefiniowanego przez L. Wygotskiego (1934) kompleksu rozmytego.

Drugim etapem jest zbadanie, w jaki sposób ten niejednoznacznie zadany zbiór może w tekście właściwym zyskać jednoznacznie określone granice, a tekst o zadanym zbiorze stać się tekstem spójnym. Pozwala ono wyodrębnić kilka typowych schematów budowy tekstu.

□

Jan Lazar

(Université d'Ostrava – République tchèque)

Les connecteurs textuels dans le discours électronique médié

Notre époque est inséparablement liée aux nouvelles formes de communication électronique. Après le phénomène du téléphone portable, c'est l'Internet qui notamment commence à conquérir nos foyers (Uvírová, 2003, 324). Le monde de l'Internet ouvre à ses internautes de nouvelles formes de communication, parmi lesquelles il faut mentionner la messagerie, les forums de discussions et les tchats.

La présente étude se concentre sur ces nouvelles formes de la communication écrite, notamment sur le tchat. Le contexte spécifique de réalisation de ces discours relie deux modes énonciatifs, souvent distincts l'un de l'autre: l'écrit et l'oral (Jandová, 2006, 88). Le premier mode est imposé par les conditions de réalisation de ces discours, le tcheteur doit impérativement

réagir par un message écrit. Le second mode, qui influence les discours tchatés, pose de nombreux problèmes sur le plan orthographique (Pierozak, 2000, 110). Cette hybridation de deux modes, l'écrit et l'oral, permet de créer un langage particulier qui a attiré notre attention. Le dessein principal de notre étude est ainsi d'analyser en détail les connecteurs textuels dans ce type de discours spécifique.

✧

Marek Łukasik

(Akademia Pomorska w Słupsku)

Spójność w słowniku terminologicznym

W artykule przedmiotem rozważań jest szeroko pojęta spójność w słowniku terminologicznym. W pierwszej części artykułu udowadnia się - na podstawie przyjętej definicji tekstu specjalistycznego - że słownik terminologiczny należy uznać za specyficzny rodzaj tekstu specjalistycznego. Jedną z omawianych konstytutywnych cech tekstu, a mianowicie jego spójność, jest punktem wyjścia do rozważań zawartych w drugiej części pracy, dotyczących określenia parametrów spójności słownika terminologicznego. Parametry spójności słownika terminologicznego wyprowadzane są na podstawie cech mega-, makro-, medio- i mikrostruktury konkretnych typów dzieł terminograficznych, jak również w kontekście serii terminograficznej. W tym świetle każdy słownik terminologiczny skonstruowany zgodnie z zasadami konstruowania terminograficznego jest dziełem spójnym, będąc jednocześnie skutecznym narzędziem szerzenia wiedzy specjalistycznej.

✧

Magdalena Murawska

(Zakład Socjolingwistyki i Studiów nad Dyskursem, Wydział Anglistyki Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu)

Spójność tekstu specjalistycznego a obraz pacjenta w medycznym opisie przypadku

Opisy przypadku jako gatunek medycznego dyskursu pisanego mają na celu przedstawienie nowych chorób lub chorób już znanych, jednak charakteryzujących się nietypowymi objawami. Opis przypadku zazwyczaj składa się ze *Wstępu*, przedstawiającego pacjenta i jej/jego dolegliwości, z którymi się zgłasza, bardziej szczegółowej *Części Głównej*, opisującej historię choroby, badanie lekarskie i/lub testy diagnostyczne, jak również

sam proces leczenia, oraz *Komentarza/Dyskusji*, gdzie autor omawia rezultaty podjętego leczenia i ewentualne wskazówki w leczeniu podobnych przypadków. Celem niniejszego artykułu jest przedstawienie problematyki obrazu pacjenta w powiązaniu z problematyką spójności tekstu specjalistycznego. W tym celu zanalizowano 15 opisów przypadku pochodzących z anglojęzycznego specjalistycznego czasopisma medycznego *The Lancet*. W badaniu skupiono się na obecności i charakterze wyznaczników tekstowych odniesień do pacjenta w zależności od części opisu przypadku. Zostanie pokazane, jak obrazowanie pacjenta zmienia się na przestrzeni tekstu, który coraz bardziej abstrahuje od pacjenta jako osoby i coraz bardziej skupia się albo na częściach jej/jego ciała lub na medycznych aspektach choroby i leczenia. Innymi słowy, obecność pacjenta stopniowo przechodzi z bezpośredniej do pośredniej lub jej/jego nieobecności. Ten efekt osiągany jest nie tylko poprzez typ informacji zawartej w poszczególnych częściach, ale również poprzez konkretne wybory semantyczno-składniowe. Tym samym analizowana będzie tematyczna progresja wyznaczników tekstowych pacjenta, która wpływa na spójność tekstu, zaś parametry obrane w analizie będą związane z gramatyką dyskursu o podstawach funkcjonalnych i kognitywnych, a także z analizą gatunku.

✎

Dariusz Prasalski

(Katedra Językoznawstwa Niemieckiego i Stosowanego Uniwersytetu Łódzkiego)

Spójność tekstu specjalistycznego jako struktura działań i wiedzy na przykładzie tekstu medycznego

Spójność tekstu fachowego można zdefiniować jako odpowiednio zorganizowaną strukturę wiedzy przekazanej przez autora i przetworzonej przez odbiorcę. W ten sposób zdefiniowana spójność zachodzi wtedy, gdy nadawca tekstu przekazuje kompletną strukturę danych, tzn. taką, dzięki której odbiorca - przy wykorzystaniu tzw. skryptów czy schematów poznawczych - jest w stanie wytworzyć zrozumiały dla niego obraz danego zagadnienia czy procesu przyporządkowanego do określonej dziedziny specjalistycznej. Należy tu podkreślić, że o kompletności przekazanej struktury wiedzy mówimy również wtedy, gdy wykazuje ona pozorne braki, tzn. luki, które mogą zostać „załatane” przez odbiorcę w drodze inferencji.

Zamierzeniem referatu jest przedstawienie na przykładzie medycznego tekstu specjalistycznego działań językowych nadawcy ukierunkowanych na przekazywanie struktury wiedzy w taki sposób, aby odbiorca odbierał ją jako spójną. Prezentacja przykładowego tekstu obejmuje np. badanie sekwencji

przekazywania danych, stosowanie znaków niewerbalnych organizujących hierarchię przekazywanych informacji. Przedmiotem rozważań będą również cele i motywacja nadawcy manifestowane w tekście, a także charakterystyka adresatów tekstu, którą można stworzyć poprzez analizę struktury wiedzy.

¤

Marta Sobieszewska

(Instytut Filologii Romańskiej UMCS)

**Procédés référentiels dans le discours juridique.
Analyse linguistique des arrêts de la Cour de cassation.**

Au cours des dernières années, les textes législatifs et juridiques font l'objet d'un nombre croissant d'études interdisciplinaires en philosophie (J. L. Austin : 1970), sociologie (sociolinguistique, ethnographie de la communication), psychologie cognitive (analyse conceptuelle, psycholinguistique), sémantique, littérature (stylistique) et linguistique (linguistique textuelle – analyse typologique du texte – et analyse du discours juridique dans une perspective lexicale, syntaxique, pragmatique, rhétorique et fonctionnelle).

Néanmoins, il n'est pas toujours facile de trouver des œuvres consacrées à l'analyse de la référence et des procédés capitaux pour la cohésion des textes à l'usage des spécialistes. Certainement, emploi d'anaphore dans les textes spécialisés n'est toutefois pas un terrain complètement vierge, nous pouvons mentionner ici comme exemple les recherches de J.-M. Adam (1997) qui a abordé le sujet d'anaphores démonstratives dans le discours didactique dans les articles de presse, et également Michèle Noailly (2001) dont la curiosité a été éveillée par l'usage insolite du déterminant possessif dans les descriptifs des cartes de restaurants se réclamant de la nouvelle cuisine.

Le présent article reprend les résultats d'une analyse centrée sur ce type particulier de discours juridique qui s'érige traditionnellement en parangon de la clarté et de la précision judiciaire et qui s'exprime, dans le cas échéant, dans les arrêts de la Cour de cassation française.

Le corpus étudié est électronique et contient des décisions publiées sur le site officiel de la Cour au Bulletin d'information de la Cour de cassation . Il consiste en une vingtaine de décisions qui datent entre 2005 et 2013. Les arrêts ont été sélectionnés avec un unique critère de base : ils sont tous des décisions de la chambre sociale et la chambre mixte de la Cour de cassation. Nous avons d'emblée éliminé les textes judiciaires des cours d'appel et des tribunaux de première instance afin de diminuer le champ d'étude, de cette

manière, notre corpus est représentatif de l'ensemble des décisions rendues par cette instance (cassation et cassation partielle).

Dans la première étape, notre principal objectif est d'exposer brièvement les rapports entre la langue et le droit, notamment la spécificité de la langue juridique autant que le véhicule du droit; et d'autre part, de présenter la structure particulière des arrêts de la Cour de cassation en l'opposant à la structures des autres décisions juridiques. La deuxième partie de notre étude est consacrée à la description des procédés référentiels dans les dits arrêts. Cette approche jurilinguistique, qui puise dans le droit et dans la linguistique, nous permet d'envisager l'arrêt à partir d'un point de vue nouveau.

✠

Urszula Swoboda-Rydz

(Uniwersytet Warszawski)

Coherence of specialised texts: what is important and for whom

Scientific texts should strive for coherence in order to fulfil a communicative function. But various aspects of coherence are essential for readers: in a popular science article, whose language is on the border between a general-purpose standard and specialised language, general understanding is required, and its analysis is conducted at an intersegmental level, which reflects the hierarchy of information given in logical and semantic blocks.

A purely scientific article with the AIMRAD structure is analysed mostly at intersentential level. The sentences follow the thematic-rhematic structure, meet the requirements of clarity, and do not leave space for the unsaid, let alone ambiguity. Cohesion plays here usually a lesser role.

Reviewers of scientific multicentre articles, who are in pursuit of an objective presentation of the state of knowledge, having focused on each paper separately, emphasize the need for coherence at a pragmatic level, which can be called an epitextual level. This can be achieved by following a strict procedure for reporting facts in abstracts in order to avoid false impressions.

These levels of coherence important for the reader are in some analogy to the levels of coherence essential for interpreters described by Barbara Kielar.

✠

Bożena Zagórska

(Instytut Kulturologii i Lingwistyki Antropocentrycznej Uniwersytetu Warszawskiego)

Референциальные связи в тексте по специальности

Teoria referencji powstała pod koniec XIX wieku. W 1892 r. wybitny lingwista Gotlob Frege opublikował pierwsze dzieło w tym zakresie „Znaczenie i sens”. Idee zawarte w tej pracy zostały nieco później przejęte i rozwinięte przez zwolenników tej teorii, głównie przez Bertranda Russella. Zagadnienie referencji, pojmowanej jako odnoszenie się nazwy do obiektu rzeczywistości, w XX wieku stało się przedmiotem intensywnych badań w dziedzinie lingwistyki tekstu. Należy podkreślić, że badania tego zjawiska przyjęły trzy kierunki, stwarzając podstawę do wyodrębnienia trzech teorii referencji: a) referencja nominatywna, polegająca na stosunkach mianowania, b) referencja semantyczna, zgodnie z którą stosunek referencyjny realizuje się poprzez znaczenie, c) referencja deiktyczna polegająca na wskazaniu na przedmioty rzeczywistości. Pojęciem bazowym zjawiska referencji stał się termin „obiekt-referent”.

W referacie przedstawiono krótki zarys rozwoju teorii referencji w tekście, a także analizę związków referencyjnych z wyodrębnieniem modeli ich realizacji w prozie medycznej. Za podstawę badań przyjęto główne założenia teorii nominatywnej referencji tekstowej.

OLGA JAKUBIAK*Uniwersytet Warszawski – Katedra Ukrainistyki*

„Academic Didactics: Tradition and Modernity”, Gdańsk, 28 March 2014.

On 28 March 2014 the University of Gdansk hosted the Second Conference on Academic Didactics, organized by the Faculty of Biology of the local university. The conference was called "Academic Didactics: tradition and modernity" and its leitmotif focused on gamification of academic teaching. It was attended by 240 academics from 39 universities – public and private ones - from the whole of Poland. The conference was interdisciplinary in nature and its participants represented all teaching domains and directions, both humanities and natural sciences. At the end of the busy day all participants were given a certificate of participation at the conference.

The conference was inaugurated by Prof. Anna Machnikowska, Vice-Rector for Educational Affairs, together with Prof. Dariusz Szlachetko, Dean of the Faculty of Biology, University of Gdansk.

The conference was divided into four parts: two lecture sessions, "IDEATORIUM" and debates. During the first lecture session two speakers had their say. The first one, dr inż. Jan Zych from the Department of Security Studies, Faculty of Political Sciences and Journalism, Adam Mickiewicz University in Poznan, delivered a speech entitled "Game-based acquisition of competences" („Kształtowanie kompetencji w oparciu o gry”) during which he presented the ways of using an interactive game called LEGION in developing specific competences in students. His presentation featured elements of this game in solving a case on a potential ecological disaster.

The second lecture entitled "Gamification of academic classes: course as a game" („Gamifikacja zajęć akademickich: kurs jako gra”) was presented by Dr Michał Mochocki of the Institute of Modern Languages and Applied Linguistics at the Kazimierz Wielki University in Bydgoszcz, along with his colleague mgr Mikołaj Sobociński from the same Institute and

a third speaker, Dr hab. inż. Mikołaj Morzy from the Department of Computer Sciences, University of Technology, Poznań, who could not appear in Gdansk on the conference in person. Therefore he had recorded his part of the speech and a video with it was showed to the public with a multimedia projector. Throughout the whole speech he remained in touch with his colleagues on the phone so as to be able to answer questions asked by the public. The presentation of the three academics was based on their experiences with the attempts to turn academic classes that they give at the Universities in Bydgoszcz and Poznań into a game. The aim of such an experiment is to get the students' attention and encourage them to participate in the game and increase their involvement, the effectiveness of their work in the classroom and their positive attitude to the learning process.

The second part of the conference called "IDEATORIUM" had an interesting and innovative form of very short, 3- minute speeches of the participants, who could comment on any topic related to academic didactics. It ranged from the difficulties which they encountered in their work of teaching together with the author's suggestion how to solve them, through the innovative forms of presenting certain topics regarded as boring, to the new ways of using modern technology in teaching. Lecturers could share their experiences, discoveries, innovative ways of using set theories etc. The speeches featured, inter alia, issues such as how to motivate students to read the recommended literature, how to use so-called blogs and Wikipedia in academic teaching, how to use games in the university classes, how to improve and facilitate the hard work of a university lecturer, etc. One person talked about her academic experience acquired on an internship abroad in Finland. In total, 13 such micropresentations were delivered. Most of them were prepared by a single person, but one of them was presented by three people at a time. The speakers had free access to a computer and projector, but not all of them used them.

The third part was composed of two debates entitled "A hundred questions to ... an expert" („Sto pytań do... eksperta”) and "Testomania – a debate on ways of examining in the context of verifying the effects of teaching" („Testomania. Debata o sposobach egzaminowania w kontekście weryfikacji efektów kształcenia”). The first one was led by Dr Maciej Barczewski from the Department of International Law, Faculty of Law and Administration University of Gdańsk and Kamil Śliwowski, coordinator of the Creative Commons Poland. Dr M. Barczewski gave a short presentation on protection of copyrights in the academic milieu and then answered questions from the audience on the same subject. This speech was intended

to raise awareness among academics on how to protect copyrights, how not to breach them and what is considered an offense under the copyright laws. The expert explained also how to copy and distribute parts of books and audiovisual materials in order to avoid plagiarism and how to use the copied materials and the Internet without breaching the law.

The second debate of the third part of the conference featured the ubiquitous and increasingly popular ways of examination – tests. It identified the advantages and disadvantages of written tests, both open and closed, as well as oral tests and practical tasks and testing specific skills, not just knowledge. Especially one innovative and increasingly widespread method of testing was debated on. These are tests that can be written using all materials that students can find and bring to the exam. During such an exam students are confronted with a specific problem and in order to find a solution they can use all sources and materials available to them at this moment. The debate confronted the advantages and disadvantages of this method of testing as well as suggestions for assessment of this type of tasks.

After the coffee break the fourth and last part of the conference began, again organized as a lecture session. Dr. Eliza Rybska of the Laboratory of Biology and Nature Didactics, Department of Biology, Adam Mickiewicz University in Poznań, gave a lecture on "Strategy of looking ahead. Questioning the Author (QtA) method" („Strategia wyprzedzająca. Metoda *questioning the author* (QtA)"). The key idea of the method presented by Dr. E. Rybska is to reverse the roles of student-teacher and make students take the responsibility for their own learning letting him or her actively organize their knowledge and independently collect information as well as processes and use it themselves. Being involved in the teaching/learning process to that point helps students gain also additional skills, such as analytical thinking, teamwork skills, the ability to effectively organize their time and ability to ask the right questions. The only role of the teacher in this method is to explain specific processes and to guide students, but students must find their own solutions to problems themselves.

The last lecture, given by Dr. hab prof. UG Joanna Mytnik - Ejsmont of the Department of Biology UG together with Dr. Wojciech Glanc from the same department, was entitled "*You who know how to teach - teach. You who do not know how to teach – give lectures*, i.e. a non-standard standard lecture as well as standard non-standard lecture" („*Wy, którzy umiecie uczyć, uczcie. Wy, którzy nie umiecie, wykładajcie - czyli niestandardowy wykład standardowy oraz standardowy wykład niestandardowy.*”) During her presentation prof. J. Mytnik-Ejsmont shared with the audience her experience of teaching at the Faculty of Biology UG and revealed different

ways of working with students, especially when the piece of information that she has to teach is generally regarded as monotonous and uninteresting. She surprised the audience by appearing dressed up as Carl Linnaeus, the creator of binomial biological nomenclature.

After the last presentation the conference was summed up and officially closed.

Each participant had the right to bring to the conference a poster made by themselves and concerning academic didactics. In the poster session 27 works were admitted.

For many participants the Second Conference on Didactics in Gdansk it was a day full of inspiration, exchange of experience and knowledge, dispelling doubts and establishing contacts with fellow academics from other universities.

Faculty of Applied Linguistics was represented by four ladies: Dr. Justyna Szlachta-Misztal from the Department of Intercultural Studies, Dr. Olga Jakubiak from the Department of Ukrainian Studies, and Dr. Marta Malachowicz and MA Anna Kudłaj from the Institute of Linguistics and Anthropocentric Culturology. Although due to organizational reasons they didn't present anything to the public gathered in the conference hall, their articles will be printed in the post-conference materials.

MAGDA ŻELAZOWSKA

Uniwersytet Warszawski – Wydział Lingwistyki Stosowanej

SPOTKANIE MŁODYCH LINGWISTÓW Kongres 4th Young Linguists' Meeting in Poznań

W dniach 4-6 kwietnia 2014 roku w Collegium Biologicum na terenie Kampusu Morasko Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza (UAM) w Poznaniu odbyła się kolejna już, czwarta edycja, spotkania Young Linguists' Meeting in Poznań. Organizatorem kongresu był Wydział Anglistyki UAM. Językiem spotkania był język angielski. Podobnie jak w ubiegłych latach, w tegorocznym kongresie wzięło udział wielu studentów, doktorantów i młodych naukowców zajmujących się zagadnieniami lingwistycznymi. Spotkanie zgromadziło reprezentantów z Polski i wielu krajów świata, m.in. z Armenii, Austrii, Brazylii, Czech, Danii, Finlandii, Francji, Hiszpanii, Japonii, Litwy, Niemiec, Norwegii, Szwajcarii, Turcji, Ukrainy, Węgier, Wielkiej Brytanii.

Kongres otworzyło wystąpienie Dziekan Wydziału Anglistyki prof. Katarzyny Dziubalskiej-Kołaczyk, która przybliżyła historię swojego wydziału i ideę spotkań młodych lingwistów. W spotkaniu wzięli udział wybitni praktycy, którzy na specjalne zaproszenie komitetu organizacyjnego wystąpili z wykładami oraz przeprowadzili warsztaty praktyczne.

Uczestnicy mieli możliwość aktywnego udziału w warsztatach takich jak: "Using Corpora to analyse discourse" (Paul Baker, Lancaster University), "Experimental methods in linguistics" (Halszka Bąk i Rafał Jończyk, UAM), "Language and gesture: introduction to gesture studies" (Dorota Jaworska, Anna Jelec, UAM),

Eye-tracking as a tool in bilingualism research – an introduction (Agnieszka Lijewska, UAM), Gender and sexuality in Polish ESL classroom (Łukasz Pakuła, Joanna Pawelczyk, UAM), Engaging with discourse data in Professional and institutional settings (Srikant Sarangi, Aalborg University/ Cardiff University), Developing Intercultural Communicative Competence (Teresa Siek-Piskozub, UAM). W gronie zaproszonych gości znaleźli się również: Johanna Kissler (Bielefeld University), Gregory Króliczak (UAM), Heiko Motschenbacher (Goethe-University) oraz Jane Sunderland (Lancaster University). W ramach kongresu odbywało się jednocześnie kilka sesji plenarnych, które dotyczyły problematyki gender, psycholingwistyki, lingwistyki kognitywnej i formalnej, składni, translatoryki, nauczania języka angielskiego jako obcego, fonetyki i fonologii, dyskursu, języka i społeczeństw, pragmatyki oraz leksyki. Podczas sesji wystąpiono z 97 wykładami i przedstawiono 7 plakatów. Wszyscy bierni uczestnicy spotkania, jak również prezentujący prace otrzymali certyfikaty uczestnictwa.

Ze względu na swój międzynarodowy charakter kongres dał możliwość wymiany doświadczeń, opinii, wyników badań, spostrzeżeń oraz planów naukowych ze specjalistami z różnych krajów świata. Spotkanie stało się również polem do dyskusji nad zagadnieniami lingwistycznymi. Kongres pozwolił również nawiązać kontakty naukowe z ośrodkami krajowymi i zagranicznymi.

4th Young Linguists' Meeting in Poznań umożliwił również poszerzenie własnej wiedzy i umiejętności oraz zdobycie nowych doświadczeń w dziedzinie lingwistyki.

AGATA GRUSZKA, DAWID BZOREK*Uniwersytet Warszawski – Wydział Lingwistyki Stosowanej*

WYSTĘP KOŁA NAUKOWEGO LITERACKO- TEATRALNEGO „BŁĘKITNY OKRĘT” NA XVII FESTIWALU NAUKI

Koło Naukowe Literacko-Teatralne istnieje już 13 lat przy Katedrze Ukrainistyki Uniwersytetu Warszawskiego. Założyli je najaktywniejsi studenci dzięki wsparciu byłego kierownika Katedry, prof. Stefana Kozaka i byłego ambasadora Ukrainy w Polsce, wybitnego poety Dmytra Pawłyyczka. W jego repertuarze znalazły się inscenizacje ukraińskich dramatów, poetyczno-muzyczne kompozycje, a nawet przedstawienia kabaretowe. Na swoim koncie ma nie tylko występy przed studencką publicznością Wydziału Lingwistyki Stosowanej, ale także w Ambasadzie Ukrainy w Polsce czy na międzynarodowej konferencji poświęconej 150 rocznicy narodzin Iwana Franki.

Początkowo Koło istniało jako Teatr Żywego Słowa, a jego głównym celem było stworzenie centrum eksperymentalnego, przestrzeni gdzie studenci Ukrainistyki mogliby realizować swoje pomysły. Przez 12 lat reżyserką i koordynatorką wszystkich projektów była profesor Valentyna Sobol. W bieżącym roku przekazała pałeczkę swojej doktorantce, Annie Korzeniowskiej-Bihun, absolwentce Akademii Teatralnej im. Aleksandra Zelwerowicza. Niemalym wyróżnieniem dla koła naukowego literacko-teatralnego „Błękitny Okręt” okazała się możliwość występu na XVII Festiwalu Nauki. To właśnie na tę okazję członkowie Koła przygotowali „Miasto”.

Spektakl jest propozycją podróży przez Kijów, Lwów, Charków i Czerniowce, podczas której widzowie zatopią się wśród tłumy kwietniowego Chreszczatyku, popłyną nad Ukrainą i mimowolnie uśmiechną się do swego odbicia w oknie tramwaju. Odpowiednio dobrane teksty wielu współczesnych poetów i prozaików ukraińskich, takich jak Maria Marios, Hryhorij Czubaj czy Nazar Honczar, w połączeniu z fragmentami Biblii

tworzą wielowymiarowy obraz miasta, przedstawiając je z różnych perspektyw.

W przedstawieniu udział wzięli studenci drugiego roku Ukrainistyki: Kamila Małecka, Anna Maczuga, Paulina Napierkowska, Agata Gruszka i Dawid Bzorek. Całe spotkanie uświetnił dodatkowo występ Natalii Śliwoskiej i Pawła Bartkowskiego.

Fotograficzną dokumentacją zajął się Bartłomiej Rusinek, a pieczę nad całym przedsięwzięciem sprawowała opiekunka Koła profesor Valentyna Sobol.

Aktorzy Teatru podczas występu

Gościnny występ duetu Natalii Śliwoskiej i Pawła Bartkowskiego

Po spektaklu postanowiliśmy zapytać widzów o wrażenia. Szczerze mówiąc, nie spodziewaliśmy się tak wielu ciepłych słów ze strony widowni.

Mimo ogromnego stresu, który towarzyszył nam już na próbach generalnych, poszło zgodnie z planem. Miłą niespodzianką była dla nas obecność tłumaczki większości użytych utworów, Anety Kamińskiej. W rozmowie po spektaklu z zadowoleniem zauważyła, że wykorzystaliśmy najwięcej tekstów jej ulubionego poety Nazara Honczara. Podkreśliła, jak różni się odbiór poezji w takiej formie od zapisanych słów.

Zapytany o spektakl pan Paweł uświadomił nam, że osiągnęliśmy zamierzony cel i chociaż na chwilę udało nam się zabrać publiczność na Ukrainę. „Miałem wrażenie że to się działo teraz. Tak, jakby to było autentyczne”.

Najbardziej ucieszyła nas wypowiedź pani Mai, która przyszła na nasz występ mimo naglącego terminu oddania pracy magisterskiej następnego dnia. „Wywiadu” udzieliła nam tuż przed obroną i z uśmiechem na ustach opowiadała nam historię swojego przyścia na „Miasto”. Namówiona przez prof. Sobol pani Maja nie była przekonana, że jest to najlepszy sposób spędzania czasu na dzień przed tak ważnym terminem, jednak zdecydowała się swoją obecnością wesprzeć początkujących aktorów.

„Na początku faktycznie byłam zła, że mam tam pójść, ale w tym momencie nie żałuję, że tam byłam. Widać było że jesteście zestresowani, ale zrobiliście to tak profesjonalnie, że jak to oglądałam to przechodziły ciary. Wiem jaki to jest stres, ale szczerze mówiąc to co my robiliśmy nie było takie fajne, wasze było bardziej współczesne i to mi się strasznie podobało.”

Obsada Teatru wraz z kierownikiem
Katedry, dr hab. Ireną Mytnik

Te pozytywne recenzje utwierdziły nas w przekonaniu, jak ważne jest to co robimy i zmotywowały nas do dalszego działania. Już planujemy jak uczcić obchody 60 rocznicy powstania Katedry Ukrainistyki Uniwersytetu Warszawskiego, na które serdecznie zapraszamy.

INFORMACJE EDYTORSKO-WYDAWNICZE

RODZAJE PUBLIKACJI

Redakcja przyjmuje do druku zamówione materiały oraz nadesłane artykuły, które wpisują się w tematykę poszczególnych tomów. Języki artykułów: polski, angielski, niemiecki, rosyjski (wyjątek stanowią tomy 5–7). Materiały będą publikowane w następujących działach:

1. *Rozprawy naukowe, artykuły i przyczynki – zagadnienia aplikatywne* stanowią zbiory wcześniej niepublikowanych prac, zatwierdzonych do druku przez Radę Redakcyjną. Objętość tekstu nie powinna przekraczać 20 stron standardowych. Prace o większej objętości wymagają uzgodnienia z Redakcją.
2. *Sprawozdania – zapowiedzi – komunikaty* – zawiera relacje z krajowych i zagranicznych konferencji tematycznych oraz materiały dotyczące kolejnych konferencji, a także informacje o planowanej i oferowanej współpracy naukowo-dydaktycznej oraz działalności samorządu studenckiego i kół naukowych.
3. *Recenzje i wydawnictwa* jest otwarty na opisy prac naukowych, skryptów, pomocy dydaktycznych, słowników itd., związanych tematycznie z językami i komunikacją specjalistyczną. Objętość recenzji nie powinna przekraczać 6 stron. Do pracy należy dołączyć czytelny skan okładki i strony tytułowej z informacjami wydawniczymi (liczba stron, numer ISBN, autorzy i redaktorzy naukowci). Zalecamy dostarczanie także skanów spisu treści.
4. *Warsztaty i debiuty* – ta część przeznaczona jest na przedstawienie konkretnych problemów warsztatowo-dydaktycznych, opracowywanych na zajęciach ze studentami z podkreśleniem ich kreatywnej roli w rozwiązaniu danego zagadnienia. Wskazana rekomendacja prowadzącego zajęcia lub opiekuna naukowego.
5. *Sylwetki naukowe.*
6. *Varia.*

TECHNICZNE PRZYGOTOWANIE TEKSTÓW

Wszelkie niezbędne informacje, warunkujące przyjęcie pod względem technicznym tekstów, podane są na stronie: ks.uw.edu.pl

Przy artykułach wykonywanych we współautorstwie Redakcja wymaga dostarczenia razem z tekstem artykułu podpisanego „Oświadczenia współautorów”.